

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ ВОСЬМОЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Хроника эта напечатана была въ первый разъ въ полномъ изданіи Шекспировыхъ драмъ 1623 г., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Знаменитая исторія изъ жизни короля Генриха Восьмого». Отдѣльнымъ изданіемъ до 1623 года она не выходила въ свѣтъ. Послѣднее обстоятельство весьма легко объясняется тѣмъ, что «Король Генрихъ Восьмой» заключаетъ собою третій и послѣдній періодъ драматической дѣятельности Шекспира и, вѣроятно, былъ написанъ незадолго до смерти великаго поэта. Впрочемъ, еще весьма недавно, многіе изслѣдователи и критики не хотѣли признать «Короля Генриха Восьмого» послѣднимъ произведеніемъ Шекспира, и самъ Дрэкъ, на основаніи этого мнѣнія, относилъ «Генриха VIII» къ 1602 году. Несмотря на то, что именно отъ 1613 года сохранились весьма положительныя свидѣтельства современниковъ, по которымъ эта пьеса называется *новою и только что поставленною на сцену*, многіе изъ критиковъ долго держались того мнѣнія, будто «Генрихъ VIII» въ 1613 году былъ *только возобновленъ* для сцены. Мнѣніе это въ послѣднее время было однакоже всѣми оставлено. Строгій и тщательный разборъ «Короля Генриха Восьмого» заставилъ всѣхъ прійти къ тому убѣжденію, что подобная пьеса не могла быть написана и поставлена на сцену осторожнымъ Шекспиромъ въ царствованіе Елизаветы. Высокая покровительница величайшаго изъ драматурговъ, безъ всякаго сомнѣнія, не дозволила бы вывести на сцену ни своей матери, ни своего отца, который является въ пьесѣ далеко непривлекательнымъ типомъ, несмотря на всѣ старанія поэта украсить его сколько возможно, не искажая въ то же время окончательно исторической фізіономіи Генриха Восьмого. Къ тому же, самыя эти прикрасы и смягченія, очевидно, являются у Шекспира скорѣе необходимою принадлежностью его взгляда на обработку историческихъ характеровъ, чѣмъ слѣдствіемъ желанія кому бы то ни было польстить. Подобное мнѣніе подтверждается отчасти и тѣмъ, что эта послѣдняя изъ пьесъ Шекспира была извѣстна его современникамъ подъ названіемъ: «*All is true*» (Все правда), которое уже только въ полномъ изданіи 1623 года было замѣнено вышешприведеннымъ заглавіемъ. Несмотря на то, что четыре главные характера (герцогъ Букингэмъ, Вольсей, Генрихъ Восьмой и Екатерина Арагонская) и въ этой хроникѣ превосходно очерчены Шекспиромъ; несмотря на то, что нѣкоторыя сцены ставятся критиками на ряду съ лучшими сценами въ

произведеніяхъ Шекспира – эта драма все же носить на себѣ тотъ же мрачный отпечатокъ какого-то утомленія и недовольства жизнью, какого-то обезсиленія духа, повидимому, уже истратившаго всѣ свои нравственныя силы на громаду предшествовавшихъ созданій, а можетъ быть, и на борьбу съ тяжелыми условіями жизни начала XVII столѣтія въ Англіи. Гервинусу прежде всѣхъ другихъ знатоковъ Шекспира удалось замѣтить этотъ общій характеръ всѣхъ его послѣднихъ произведеній, и онъ особенно ясно прослѣдилъ его въ «Королѣ Генрихѣ Восьмомъ». Гервинусъ рѣшается даже видѣть въ этой хроникѣ не болѣе, какъ пьесу, написанную по случаю торжествъ, происходившихъ при англійскомъ дворѣ въ февралѣ 1612 года и даже сравнивая «Короля Генриха Восьмого» съ другими подобными же *pièces d'occasion*, написанными Шекспиромъ,

444

Гервинусъ находитъ, что въ этой хроникѣ менѣе цѣльности, менѣе совершенства въ отдѣлкѣ. Принимая въ соображеніе, что Шекспиръ около этого времени уже успѣлъ покинуть сцену и давно жилъ въ своемъ родномъ Страдфордѣ, Гервинусъ не безъ основанія приходитъ къ тому заключенію, что старые пріатели-актеры, вѣроятно, упростили его поставить на сцену еще одну пьесу, заранѣе увѣренные въ ея блестящемъ успѣхѣ и въ обильномъ сборѣ отъ ея представленій. Нельзя, однакоже, упустить изъ виду того, что болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ тѣхъ придворныхъ торжествъ, въ которыхъ Гервинусъ видитъ поводъ къ постановкѣ «Короля Генриха Восьмого» на сцену, современныя свидѣтельства называютъ эту хронику *новой, только что поставленною на сцену*. Свидѣтельства эти, заключающіяся преимущественно въ частныхъ письмахъ разныхъ лицъ, тѣмъ болѣе заслуживаютъ довѣрія, что въ нихъ о «Королѣ Генрихѣ Восьмомъ» упоминается по поводу описанія пожара, случившагося въ театрѣ «Globe», который сгорѣлъ до тла въ іюнѣ 1613 года, въ то самое время, какъ «на немъ давали *All is true – великолѣпное представленіе изъ жизни Генриха Восьмого*». Пожаръ, по свидѣтельству современниковъ, начался съ того, что во время пальбы изъ маленькихъ пушечекъ, составляющихъ одну изъ принадлежностей великолѣпно-обставленнаго представленія, загорѣлась отъ бумажнаго пыжа декорация, и прежде чѣмъ актеры и зрители, занятые ходомъ пьесы, успѣли на это обратить вниманіе, вся сцена уже была обхвачена пламенемъ. Къ описанію пожара современники прибавляютъ, что никто изъ присутствовавшихъ въ театрѣ не сгорѣлъ; только у одного изъ зрителей загорѣлась пола платья, но и тотъ былъ такъ догадливъ, что немедленно залилъ ее бутылкою эля (*with a bottle of ale.*) Нельзя однакоже не удивляться иногда странному стеченію обстоятельствъ, невольно побуждающихъ приписывать тому или другому событію глубокой, почти пророческой смыслъ. Не странно ли, что театръ «Globe», прославленный громкими успѣхами Шекспировыхъ драмъ и игрою знаменитѣйшихъ изъ числа современныхъ Шекспиру актеровъ, театръ «Globe», постоянный свидѣтель возрастающей славы Шекспира и главный

виновникъ его благосостоянія – долженъ былъ сторѣть въ то самое время, когда на сцену его поставлена была послѣдняя пьеса, написанная Шекспиромъ.

Въ высшей степени любопытною и неразрѣшенною еще загадкою для знатоковъ Шекспира остается вопросъ: почему именно, принимаясь въ послѣдній разъ за перо, Шекспиръ рѣшился написать хронику и предпочелъ этотъ драматическій родъ остальнымъ? Но до сихъ поръ нѣтъ еще никакой возможности рѣшить этотъ вопросъ съ полною точностью.

Хроника «Король Генрихъ Восьмой» была переведена на русскій языкъ всего три раза, считая въ томъ числѣ и переводъ г. Вейнберга. Вотъ ихъ полный титулъ:

1) Генрихъ VIII. *Шекспира. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера.* («Шекспиръ», 1842, ч. III, стр. 157-286). Прозаическій переводъ.

То же. Изданіе второе. (Москва, 1864, ч. III, стр. 127-234.)

2) Король Генрихъ VIII. *Драматическая хроника въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Вилліама Шекспира. Переводъ И. И. Вейнберга.* («Современникъ», 1864, т. 104, № 9, отд. I, стр. 5-138.)

Переводъ этотъ былъ помѣщенъ въ третьемъ и четвертомъ изданіи полного собранія сочиненій Шекспира съ дополненіемъ «Пролога и Эпилога».

3) Король Генрихъ VIII. Шекспиръ въ переводѣ А. Л. Соколовскаго.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ ВОСЬМОЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Король Генрихъ Восьмой.

Кардиналъ Вольсей.

Кардиналъ Кампеюсъ.

Капуціусъ, посланникъ императора Карла Пятаго.

Кранмеръ, архіепископъ Кентерберійскій.

Герцогъ Норфолькъ.

Герцогъ Букингемъ.

Герцогъ Суффолькъ.

Графъ Серри.

Лордъ-камергеръ.

Сэръ Томасъ Одли, лордъ-канцлеръ.

Гардинеръ, епископъ Винчестерскій.

Епископъ Линкольнскій.

Лордъ Эбергевенни.

ЛОРДЪ САНДСЪ.
СЭРЪ ГЕНРИХЪ ГИЛЬФОРДЪ.
СЭРЪ ТОМАСЪ ЛОВЕЛЬ.
СЭРЪ АНТОНІЙ ДЕННИ.
СЭРЪ НИКОЛЬСЪ ВО.
КРОМВЕЛЬ, слуга Вольсея.
ГРИФФИТЪ, гофмаршалъ королевы Екатерины.
ДОКТОРЪ БУТСЪ, врачъ короля.
ГАРТЕРЪ, герольдъ.
Управитель герцога Букингэма.
БРЭНДОНЪ.
Сержантъ.
Привратникъ и его помощникъ.
Пажъ Гардинера.
Глашатый.
КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА, жена Генриха VIII, потомъ съ нимъ разведенная.
АННА БОЛЛЕНЪ, ея фрейлина, потомъ королева.
ПОЖИЛАЯ ЛЕДИ, другъ Анны Болленъ.
ПАЦІЕНЦА, камеръ-фрейлина королевы Екатерины.
Придворные, секретари, писцы, офицеры, стража, слуги и духи.

Дѣйствіе происходитъ въ Лондонѣ, Вестминстерѣ и Кимбольтонѣ.

ПРОЛОГЪ.

Сегодня я пришелъ не съ тѣмъ, чтобъ васъ смѣшить;
Нѣтъ, передъ вами мы заставимъ проходить
Другія скорбныя, выокія картины,
Кладущія на лобъ глубокія морщины!
Мы вамъ покажемъ сценъ величественныхъ рядъ,
Гдѣ совмѣстилися и блескъ, и скорби ядъ –
Сценъ, орошающихъ глаза людей слезами.
Кто къ состраданію способенъ между вами,
Надъ нашей пьесою поплачетъ потому,
Что этого она достойна. И тому,
Кто деньги платитъ намъ, въ надеждѣ поучаться
Житейской правдою, могу я обѣщаться,
Что онъ ее найдетъ у насъ. И господа,
Которымъ нравится піеса лишь тогда,
Когда въ ней сцены двѣ эффектныя найдутся,
Ручаюсь, въ этотъ разъ совсѣмъ не ошибутся:
Пусть только два часа спокойно просидятъ –
И шиллингъ отданный они вознаградятъ.
Одни охотники до пьесъ смѣшныхъ, безчинныхъ,
До разныхъ молодцовъ въ кафтанахъ пестрыхъ, длинныхъ,
Обшитыхъ золотомъ, до стуканья щитовъ –
Обманутся у насъ. Вѣдь, если бы шутовъ
И битвы вздорныя сегодня мы смѣшали

Съ такую истиной высокою – едва ли
Одинъ разумный другъ остался бы у насъ;
Мы одурачили бѣ самихъ себя и васъ,
Которымъ показать мы правду лишь желаемъ,
Изъ городскихъ судей и критиковъ считаемъ
Мы васъ первѣйшими; такъ выслушайте жѣ насъ
Съ такой серьезностью, какою видѣтъ въ васъ
Желали бѣ очень мы. Пусть вамъ вообразится,
Что появляются не сказочныя лица
Въ высокой драмѣ сей, какъ будто бы въ живыхъ
Они еще теперь; себѣ представьте ихъ
Во всемъ величїи и блескѣ, окруженныхъ
Народомъ и толпой друзей и приближенныхъ;
Представьте, и потомъ на вашихъ же глазахъ
Всѣ эти почести падутъ мгновенно въ прахъ.
И если можете веселыми остаться
Вы послѣ этого, то я готовъ сознаться,
Что можетъ человѣкъ лить слезы даже въ тотъ
Прекрасный день, когда вѣнчаться онъ идетъ.

446

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Приѣмная во дворцѣ.

*Входятъ съ одной стороны: Герцогъ Норфолькъ, съ другой – Герцогъ Букингэмъ и
Лордъ Эбергевенни.*

Букингэмъ.

Лордъ, здравствуйте! Я очень радъ васъ встрѣтить.
Что дѣлали, какъ поживали вы
Съ тѣхъ поръ, какъ я во Франціи васъ видѣлъ
Въ послѣдній разъ?

Норфолькъ.

Благодарю, милордъ!
Отлично мнѣ жилось – и до сихъ поръ
Не пересталъ тому я удивляться,
Что видѣлъ тамъ.

Букингэмъ.

Меня жъ совсѣмъ не кстати
Въ моемъ дому горячка заперла
Какъ-разъ тогда, когда два солнца славы,
Два яркія свѣтила межъ людей,
Съѣзжались въ долину Ардской.

НОРФОЛЬКЪ.

Да,
Я видѣлъ ихъ межъ Гейнесомъ и Ардомъ;
Я видѣлъ, какъ еще съ коней они
Привѣтствовать другъ друга стали; видѣлъ,
Какъ, спѣшившись, другъ друга заключили
Въ объятія и будто бы срослись.
Да и сrostись они на самомъ дѣлѣ –
Не отыскать бы въ свѣтѣ четырехъ
Властителей, подобныхъ этимъ двумъ,
Въ одно соединеннымъ.

БУКИНГЭМЪ.

Въ это время
Я узникомъ былъ въ комнатѣ своей.

НОРФОЛЬКЪ.

Такъ, значитъ, вы величія земного
Не видѣли. Тутъ каждый могъ сказать,
Что пышный блескъ до той поры былъ холостъ,
А здѣсь нашель жену себѣ повыше
И самого себя. Тутъ каждый день
Превосходилъ прошедшіе, покамѣстъ
Послѣдній день не поглотилъ собою
Всѣ чудеса предшествовавшихъ дней.
Сегодня насъ французы затмевали:
Подобныя языческимъ богамъ,
Отъ головы до ногъ они блистали
Всѣ въ золотѣ, въ каменьяхъ дорогихъ;
А завтра англичане превращались
Вдругъ въ Индію: такъ каждый былъ похожъ
На мину золотую. Ихъ пажи,
Малюточки, отъ головы до ногъ.
Всѣ въ золотѣ, шли, точно херувимы;
И дамы, непривычныя къ труду,
Подъ пышными нарядами своими
Едва не задохались, такъ что ихъ
И самый трудъ румянилъ мило. Нынче
Одинъ нарядъ перевозносили всѣ,
А завтра онъ былъ – нищенская тряпка.
Блескъ королей обоихъ равенъ былъ,

Но тотъ изъ нихъ выигрывалъ, который
Былъ на глазахъ; когда же появлялись
Они вдвоемъ, всякъ говорилъ, что видитъ
Лишь одного, и не дерзалъ никто
Отыскивать различье между ними.
Когда же эти оба солнца – ихъ
Такъ звали всѣ – черезъ своихъ герольдовъ
Созвали все дворянство на турниръ,
Ну тутъ дѣла такія совершились,
Какихъ нельзя вообразить – дѣла,
Которыя насъ заставляли вѣрить
Всѣмъ сказочнымъ преданьямъ, даже сказкѣ
Про Бевиса.

Букингэмъ.

О, вы ужъ далеко
Заходите!

Норфолькъ.

Клянусь, какъ дворянинъ,
Какъ человѣкъ, всегда любившій честность, -
Разскажъ о томъ, что совершилось тамъ,
Безжизненень и въ самой пышной формѣ.
Тамъ дѣйствіе служило языкомъ;
Все царственно, согласно съ цѣлью было;
Всему давалъ порядокъ ясный видъ;
Чиновники отлично выполняли
Свой долгъ.

Букингэмъ.

Но кто, скажите, этимъ всѣмъ
Руководилъ? Кто голову и члены
Великаго такого торжества
Соединялъ искусно?

Норфолькъ.

Человѣкъ,
Котораго никто изъ насъ, конечно,
Не могъ считать малѣйшимъ знатокомъ
Въ такихъ дѣлахъ.

Букингэмъ.

Но кто же онъ, скажите,
Пожалуйста?

Норфолькъ.

Его преосвященство

Архіепископъ Іоркскій это все
Устроилъ такъ.

447

БУКИНГЭМЪ.

Чортъ побери его!
Ни одному пирожному испечься
Не можетъ онъ позволить, чтобъ не ткнуть
Въ него своимъ честолюбивымъ пальцемъ.
Ну, для чего мѣшаться вздумалъ онъ
Въ весь этотъ блескъ и суетную пышность?
Не диво ли, что этотъ сальный комъ
Ужасною своею толщиною
Беретъ въ себя свѣтъ солнечныхъ лучей
И до земли его не допускаетъ?

НОРФОЛЬКЪ.

Вы правы, лордъ: владѣть средствомъ онъ
Осуществлять такія цѣли. Предковъ
Нѣтъ у него, которыхъ слава путь
Наслѣдникамъ прокладываетъ въ свѣтъ;
Своей странѣ онъ также никогда
Не оказалъ услуги; важныхъ связей
Онъ былъ всегда лишень; но какъ паукъ
Самъ изъ себя пускаетъ паутину,
Такъ онъ себѣ прокладываетъ путь
Не чѣмъ инымъ, какъ собственнымъ умѣньемъ.
Умѣнье то – небесный даръ, и имъ
Себѣ купилъ онъ мѣсто подлѣ трона.

ЭБЕРГЕВЕННИ.

Что получилъ отъ Неба онъ, какъ даръ –
Не знаю я; пускай откроетъ это
Взоръ, поострѣй и глубже моего.
Зато видна отлично мнѣ надменность,
Сквозящая изъ всѣхъ его частей.
Но кто ее принесъ ему въ подарокъ?
Когда не адъ, такъ, вѣрно, сатана
Сталъ скаредомъ, иль прежде ужъ растратилъ
Ее совсѣмъ, и новый адъ тогда
Нашъ кардиналъ въ себѣ самомъ построилъ.

БУКИНГЭМЪ.

И какъ онъ смѣлъ, чортъ побери его,

Взять на себя, безъ воли государя,
Избранье лицъ для свиты въ этотъ путь
Во Францію? Онъ самъ составилъ списокъ
Дворянъ страны и выбралъ только тѣхъ,
Которыхъ могъ какъ можно посильнѣе
Обременить трудами и за нихъ
Дать самыя ничтожныя награды.
И всѣ, кого включилъ онъ въ списокъ свой,
Поѣхали, хоть не былъ этотъ списокъ
Почтеннѣйшимъ совѣтомъ утверждень.

ЭБЕРГЕВЕННИ.

Да, изъ моихъ родныхъ, по крайней мѣрѣ,
Не меньше трехъ такъ сильно твой карманъ
Разстроили, что въ прежнемъ процвѣтаньи
Не будетъ онъ, навѣрно, никогда.

БУКИНГЭМЪ.

О, многіе себѣ сломали спины,
Взваливъ на нихъ помѣстья всѣ свои
Для этого великаго похода!
А между тѣмъ вся эта суета
Какой исходъ печальнѣйшій имѣла!

НОРФОЛЬКЪ.

Да, съ грустію я думаю о томъ,
Что миръ, теперь межъ нами заключенный
И Франціей, не стоилъ, чтобъ его
Съ расходами такими сопрягали.

БУКИНГЭМЪ.

Когда затѣмъ ужасный ураганъ
Послѣдовалъ – какъ-будто вдохновенье
Слетѣло къ намъ, и мы, не стоворясь
Между собой, всѣ тутъ же предсказали,
Что онъ, порвавъ одежду мира, сталъ
Предвѣстникомъ внезапнаго разрыва.

НОРФОЛЬКЪ.

И тотъ разрывъ, конечно, недалекъ:
Вѣдь, Франція союзъ уже расторгла,
Конфисковавъ въ Бордо товары наши
У англійскихъ купцовъ.

ЭБЕРГЕВЕННИ.

Такъ вотъ причина,
Что ихъ посла не приняли у насъ?

НОРФОЛЬКЪ.

Конечно, да.

ЭБЕРГЕВЕННИ.

Вотъ, право, миръ завидный
И купленный чрезмѣрною цѣной!

БУКИНГЭМЪ.

Что жъ, это все почтеннымъ кардиналомъ
Устроено!

НОРФОЛЬКЪ.

Позвольте вамъ сказать,
Милордъ, вражда межъ вами и Вольсеемъ
Всей Англїи извѣстна. Мой совѣтъ –
Онъ сердцемъ данъ, которое желаетъ
Вамъ почестей и всевозможныхъ благъ –
Подумайте о злости кардинала
И вмѣстѣ о могуществѣ его;
Потомъ и то сообразить вамъ должно,
Что если онъ кому желаетъ мстить,
То никогда не видитъ недостатка
Въ орудїяхъ. Вамъ нравъ его знакомъ:
Онъ мстителенъ; мнѣ жъ мечъ его извѣстенъ:
Онъ и остеръ, и длиненъ, и достать,
Какъ знаютъ всѣ, весьма далеко можетъ,
А ужъ куда достать ему нельзя,
Туда его добрасываютъ ловко.
Примите же всѣмъ сердцемъ мой совѣтъ.
Увидите, онъ будетъ вамъ полезенъ...
Но вотъ идетъ та самая скала,
Которой вы должны остерегаться.

*Входитъ КАРДИНАЛЪ ВОЛЬСЕЙ. Впереди него несутъ кошель; за нимъ слѣдуетъ нѣсколько
тѣлохранителей и два СЕКРЕТАРЯ съ бумагами. Кардиналъ, проходя, устремляетъ взоръ на
Букингэма, а этотъ*

448

послѣдній – на него. Оба смотрятъ другъ на друга съ презрѣніемъ.

ВОЛЬСЕЙ.

Милорда Букингэма управитель?
А! гдѣ жъ допросъ?

1-й СЕКРЕТАРЬ.

Онъ здѣсь, милордъ.

ВОЛЬСЕЙ.

А самъ
Онъ тоже здѣсь?

1-й СЕКРЕТАРЬ.

Такъ точно, ваша свѣтлость.

ВОЛЬСЕЙ.

Ну, такъ теперь узнаемъ больше мы,
И Букингэмъ смиритъ свой взглядъ надменный.

(Уходитъ со своею свитою.)

БУКИНГЭМЪ.

Песъ мясника наполнилъ ядомъ пасть,
А мнѣ нельзя надѣть ему намордникъ!
Конечно, тутъ ужъ лучше не будить
Его совсѣмъ. Да, нищая порода
Предпочтена дворянской крови!

НОРФОЛЬКЪ.

Какъ
Вспылили вы! Молите лучше Бога –
Умѣренность послать вамъ: въ ней одной
Спасеніе отъ вашего недуга.

БУКИНГЭМЪ.

Въ его глазахъ я замыслы прочель
Враждебные; онъ на меня надменно,
Какъ на раба презрѣннаго, смотрѣлъ,
И знаю я, теперь, въ минуту эту,
Меня разить онъ гнусной клеветой.
Онъ къ королю отправился; я тоже
Пойду туда отстаивать себя.

НОРФОЛЬКЪ.

Постойте, лордъ. Пусть другъ у друга спросятъ
Разсудокъ вашъ и пылкій гнѣвъ о томъ,
Что дѣлать вы хотите. Кто желаетъ
На крутизну взобраться, долженъ вверхъ
Итти всегда спокойнымъ, тихимъ шагомъ.
Запальчивость похожа на коня
Горячаго, которому, чуть только
Свободу дай, онъ утомитъ себя
Своею же горячностью. Повѣрьте,
Нѣтъ въ Англіи, конечно, никого,
Кому бы я такъ безгранично вѣрилъ,

Какъ вамъ, милордъ; такъ будьте для себя
Тѣмъ самымъ, чѣмъ вы были бы для друга.

БУКИНГЭМЪ.

Нѣтъ, я иду сейчасъ же къ королю,
И голосъ мой, какъ чести голосъ, вѣрно
Перекричитъ надменное нахальство
Ипсвичскаго мерзавца; если жъ нѣтъ,
Такъ я тогда провозглашу, что больше
Различья нѣтъ между людьми.

НОРФОЛЬКЪ.

Совѣтъ
Примите мой: не разжигайте печи
Для вашего врага такъ горячо,
Чтобъ вы же въ ней сгорѣли. При излишней
Поспѣшности мы можемъ обогнать
Того, за кѣмъ мы гонимся, и послѣ
Его совсѣмъ изъ виду потерять.
Какъ-будто вы не знаете, что пламя,
Когда оно такъ жидкость вскипятитъ,
Что черезъ край она польется, только
Наружно ей даетъ большой объемъ,
На дѣлѣ же до капли разрушаетъ?
Подумайте. Я повторяю вамъ:
Нѣтъ въ Англїи такого человѣка,
Который вамъ совѣтовать бы могъ
Такъ хорошо, какъ сами вы; старайтесь
Лишь погасить иль только укротить
Огонь страстей разсудка сокомъ.

БУКИНГЭМЪ.

Сэръ,
Благодарю, и, слѣдуя совѣту,
Я ухожу. Но этотъ негодяй
Нахальнѣйшій – не отъ разлива желчи
Ему даю названье это я,
Но вслѣдствіе прямого убѣжденья –
Продажное созданье и измѣнникъ,
Я въ этомъ убѣжденъ – и у меня
Есть множество на это доказательствъ,
Которыя такъ ясны, какъ вода
Въ іюльскій день, когда на днѣ потока
Малѣйшая песчинка намъ видна.

НОРФОЛЬКЪ.

Измѣнникомъ его не называйте.

БУКИНГЭМЪ.

Нѣтъ, назову предъ самымъ королемъ,
И доводы мои такъ прочны будутъ,
Какъ прочень грунтъ скалистыхъ береговъ.
Послушайте: хинжѣ, лисицѣ этой,
Иль волку, иль обоимъ имъ – вѣдь, онъ
Равно хитеръ и хищень, такъ же гадокъ
Для замысловъ преступнѣйшихъ, какъ ловокъ
Въ осуществленьи ихъ; душа и санъ
Другъ друга въ немъ взаимно заражаютъ –
Ему блеснуть величьемъ захотѣлось
Предъ Франціей и дома у себя,
И для того склонилъ онъ короля
И нашего властителя на этотъ
Убыточный для Англіи союзъ,
На этотъ съѣздъ, который столько денегъ
Унесъ съ собой и лопнулъ, какъ стаканъ,
Когда его ты всполоснешь немного.

НОРФОЛКЪ.

Да, это такъ.

БУКИНГЭМЪ.

Позвольте мнѣ, милордъ,
Договорить. Всѣ пункты договора

449

Составилъ такъ лукавый кардиналъ,
Какъ самъ хотѣлъ, и чуть онъ только крикнулъ:
«Быть по сему!» какъ утвердили ихъ,
Хоть точно такъ они полезны были,
Какъ мертвому полезны костыли.
Но сочинилъ ихъ кардиналъ почтенный –
Такъ спора нѣтъ, что хороши они;
Тутъ дѣло рукъ достойнаго Вольсея,
А онъ въ дѣлахъ своихъ непогрѣшимъ.
Вотъ вслѣдъ за тѣмъ – мнѣ кажется, что это
Ужъ выкидышъ измѣны, старой суки –
Къ намъ пріѣзжаетъ императоръ Карлъ
Какъ будто бы затѣмъ, чтобъ повидаться
Здѣсь съ королевой, теткою своей.
Дѣйствительно, такой предлогъ поѣздкѣ
Придумалъ онъ; но собственно затѣмъ
Явился онъ, чтобъ пошептатъ Вольсею:

Боялся онъ, что повредить ему
Свиданіе и дружба государей
Французскаго и нашего; понять
Онъ ясно могъ, что многими бѣдами
Грозилъ ему союзъ ихъ – и вступилъ
Въ секретный торгъ съ почтеннымъ кардиналомъ.
И знаю я, увѣренъ твердо въ томъ,
Что Карлъ платилъ еще до обѣщаній,
И потому желаніе его
Исполнилось еще до заявленья
О немъ. Итакъ, дорогу проложивъ
И вымостивъ червонцами, желанье
Онъ выразилъ, чтобъ былъ Вольсей такъ добръ –
Перемѣнилъ всѣ мысли государя
И убѣдилъ нарушить договоръ.
Да, пусть король узнаетъ – а узнаетъ
Навѣрно онъ, и скоро, отъ меня –
Что кардиналъ честь царскую его
То продаетъ, то снова покупаетъ,
Какъ вздумаетъ, но къ выгодѣ своей.

НОРФОЛКЪ.

Прискорбно мнѣ такія вещи слышать
О немъ, и мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы
Ошиблись.

БУКИНГЭМЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, каждый слогъ мой – правда;
Я вамъ его представилъ точно такъ,
Какъ докажу, когда для доказательствъ
Придетъ чередъ.

Входитъ БРЭНДОНЪ; впереди него Начальникъ стражи и нѣсколько стражей.

БРЭНДОНЪ.

Извольте, капитанъ,
Исполнить долгъ свой.

СЕРЖАНТЪ.

Герцогъ Букингэмъ,
Графъ Гирфордскій, Стаффордскій, Нортгемптонскій,
Я, именемъ великимъ короля,
Беру тебя подъ стражу за измѣну
Отечеству.

БУКИНГЭМЪ.

Что, видите, милорды:

Сѣтъ на меня накинута. Паду
Я жертвою измѣны.

БРЭНДОНЪ.

Мнѣ очень жаль, что я обязанъ быть
Свидѣтелемъ отнятія свободы
У васъ, милордъ, и этой сцены всей.
Должны итти вы въ Тоуэръ. Это воля
Монаршая.

БУКИНГЭМЪ.

Напрасно сталъ бы я
Доказывать мою невинность; краской
Такой меня покрыли, что мои
Блѣйшія всѣ части почернѣли.
Да будетъ воля Божья, какъ теперь,
Такъ и всегда, во всемъ. Я повинуюсь.
Прощайте, лордъ Эбергевенни.

БРЭНДОНЪ.

Нѣтъ,
Онъ долженъ вамъ сопутствовать.
(Къ Эбергевенни.) Желанье
Монаршее, чтобъ въ Тоуэрѣ вы были
До той поры, пока вамъ сообщать
Дальнѣйшее рѣшеніе.

ЭБЕРГЕВЕННИ.

Какъ герцогъ,
И я скажу: да будетъ воля Божья!
И выполню желанье короля.

БРЭНДОНЪ.

Здѣсь у меня еще приказъ монаршій –
Отправить въ Тоуэръ лорда Монтекьюта,
А также Іонна Де-ла-Кара,
Духовника милорда Букингэма,
И канцлера его Гильберта Пекъ.

БУКИНГЭМЪ.

Такъ, такъ; все это члены заговора.
Надѣюсь, всѣ?

БРЭНДОНЪ.

Монахъ картезіанскій
Еще...

БУКИНГЭМЪ.

Неужто Никольсь Гопкинсь?

БРЭНДОНЪ.

Да.

БУКИНГЭМЪ.

Мнѣ измѣнилъ дворецкій мой; за деньги
Его купилъ всесильный кардиналъ.
Теперь мой вѣкъ измѣренъ. Букингэма
Несчастливаго я бѣдной тѣнью сталъ.
Его черты затмила эта туча,
И передъ ней блескъ солнца моего
Померкнулъ вдругъ навѣки! Лордъ, прощайте!

(Уходятъ.)

450

Сцена II.

Тамъ же. Зала государственнаго совѣта.

Трубы. Входятъ: Король Генрихъ, Кардиналъ Вольсей, лорды совѣта, Сэръ Томасъ Ловель, дворяне и свита. Король идетъ, опираясь на плечо Вольсея.

КОРОЛЬ.

Вся жизнь моя, и все, что только въ ней
Есть лучшаго, благодарятъ васъ нынче
За полную заботливость о насъ.
Ужъ я стоялъ подъ выстрѣлами бунта
Смертельнаго – вы разогнали ихъ.
Благодарю отъ сердца. Пусть теперь
Войдетъ сюда служитель Букингэма;
Желаю я, чтобъ лично мнѣ теперь
Онъ повторилъ свои всѣ показанья
И снова здѣсь по пунктамъ передалъ
Подробности измѣны господина.

(Король садится. Лорды совѣта занимаютъ свои мѣста. Кардиналъ помѣщается у ногъ короля, по правую его сторону. За сценой крикъ: «Мѣсто королевы!»)

Входитъ Королева Екатерина, ведомая Герцогами Норфолькомъ и Суффолькъ. Она становится на колѣни; король встаетъ съ своего мѣста, поднимаетъ ее, цѣлуетъ и сажаетъ подлѣ себя.

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, должно мнѣ остаться на колѣняхъ:
Вѣдь, я теперь просительница.

КОРОЛЬ.

Встань,
Сядь подлѣ насъ, и только половину
Скажи того, о чемъ пришла просить:
Вѣдь наша власть – твоя на половину.
Вторая жъ часть прошенья твоего
Исполнена заранѣ: говори же,
И исполняй желаніе свое.

КОРОЛЕВА.

Благодарю, король мой. Сущность просьбы
Моей лишь въ томъ, чтобъ вы любя себя,
Вниманіе большое обращали
На честь свою и на величье долга
Монаршаго.

КОРОЛЬ.

Прошу васъ продолжать.

КОРОЛЕВА.

Отъ многихъ лицъ, и все людей честнѣйшихъ,
Мнѣ жалобы приносятся на то,
Что вашъ народъ большое горе терпитъ;
Еще на дняхъ ему сообщены,
Я слышала, такія повелѣнья,
Которыя, конечно, истребятъ
Въ его душѣ всю преданность къ престолу!

(Кардиналу.)

Сильнѣй всего, мой добрый кардиналъ,
Онъ, правда, васъ винить и называетъ
Виновникомъ поборовъ этихъ; но
Вѣдь, и король – да охраняетъ Небо
Всю честь его отъ пятенъ – вѣдь, и онъ
Становится предметомъ неприличныхъ
Рѣчей – такихъ, которыя въ сердцахъ
И преданность, и вѣрность истребляютъ
И кажутся открытымъ мятежомъ.

НОРФОЛЬКЪ.

Не *кажутся*, а таковы на дѣлѣ.
Такъ, вслѣдствіе налога, цѣлый цехъ
Суконщиковъ, возможности лишившись
Держать своихъ рабочихъ, распустилъ
Прядильщиковъ, чесальщиковъ, ткачей,
И всѣ они, негодные къ другому

Занятію, лишеныя всѣхъ средствъ
И голодомъ томимые, возстали
Въ отчаянны – и мало дѣла имъ,
Какой исходъ грозитъ ихъ возмущенію:
Опасность имъ не значитъ ничего.

КОРОЛЬ.

Налогъ! на что? какой налогъ? Почтенный
Лордъ-кардиналъ, вы, наравнѣ со мной,
Несущіе все бремя обвиненія –
Извѣстно ль вамъ, что это за налогъ?

ВОЛЬСЕЙ.

Мнѣ, государь, извѣстно то, что только
Относится до общихъ дѣлъ страны:
Я на ряду иду со всѣми.

КОРОЛЕВА.

Правда,
Вы знаете не болѣе другихъ;
Но вы такихъ вещей изобрѣтатель,
Которыя извѣстны тоже всѣмъ
И пагубны для тѣхъ, кто не желаетъ
Ихъ вовсе знать, но съ ними принужденъ
Знакомится. Налоги, о которыхъ
Мой государь желаетъ получить
Извѣстіе – убійственны для слуха;
Носить же ихъ – надломится спина.
Всѣ говорятъ, что вы ихъ сочинили.
Коль это ложь, то слишкомъ сильно вы
Обвинены.

КОРОЛЬ.

Все о налогъ дѣло!
Какой налогъ? Скажите, наконецъ,
Что за налогъ?

КОРОЛЕВА.

Я слишкомъ дерзко ваше
Терпѣніе испытываю, но
Ободрена я вашимъ обѣщаньемъ
Прощенія. Народный ропотъ вызванъ
Указомъ, чтобы каждый гражданинъ

Вносилъ въ казну, безъ всякихъ отлагательствъ,
Шестую часть имущества; предлогъ
Къ взысканію такому – близость вашей
Большой войны съ французами. Народъ,
Узнавъ о томъ, сталъ дерзко выражаться;
Всѣ языки выплевываютъ долгъ
Покорности; въ сердцахъ охолодѣлыхъ
Морозъ сковалъ все чувство къ королю;
Тамъ, гдѣ всегда молитвы возносились,
Теперь живутъ проклятыя; и дошло
Ужь до того, что добрая покорность
Теперь у всѣхъ не больше, какъ раба
Разгоряченной воли. Умоляю
Васъ, государь, на это обратить
Вниманіе; для васъ важнѣе дѣла
Не можетъ быть.

КОРОЛЬ.

Я жизнью вамъ клянусь,
Что это все противно нашей волѣ.

ВОЛЬСЕЙ.

Что до меня касается, такъ я
Участвовалъ здѣсь только тѣмъ, что голосъ
Свой подавалъ съ другими наравнѣ;
Да и на то меня подвигнулъ только
Совѣтъ людей ученыхъ. Если мнѣ
Приходится быть жертвою злословья
Тѣхъ языковъ, которымъ ни мои
Способности, ни свойства неизвѣстны,
Но хочется, на это не смотря,
Быть хроникой всѣхъ дѣлъ моихъ – такъ это,
Скажу всегда, служебный мой удѣлъ,
Тернистый путь, которымъ добродѣтель
Должна итти. Но никогда боязнь
Завистливыхъ, лукавыхъ порицаній
Насъ не должна стѣснять нимало въ томъ,
Что сдѣлать намъ необходимо. Эти
Хулители, какъ стая хищныхъ рыбъ,
Всегда плывутъ за новымъ кораблемъ,
Но никакой не извлекаютъ пользы
Изъ этой всей погони. Часто такъ
Случается, что лучшій нашъ поступокъ
Невѣжество иль злоба назовутъ
Совсѣмъ другимъ, или его другому
Припишутъ вдругъ; а худшія дѣла,

Которыя для грубаго мышленья
Понятнѣе, провозгласятъ дѣлами
Прекрасными. Когда бѣ, страшась того,
Что наши всѣ движенья встрѣтитъ хохоть
Или хула, рѣшились мы стоять,
Не двигаясь, то корни бы пустили
Мы на своихъ мѣстахъ, иль какъ статуи
Сидѣли тамъ.

КОРОЛЬ.

Коль дѣло свершено
Обдуманно, оно само собою
Опасности предотвращаетъ всѣ.
Но дѣло то, которому примѣра
Никто не зналъ, бояться заставляетъ
За результатъ. Извѣстенъ вамъ примѣръ
Подобнаго налога? Полагаю,
Что нѣтъ. Народъ нельзя намъ отрывать
Отъ нашихъ же законовъ и цѣпями
Приковывать къ простому произволу.
Шестая часть! Ужаснѣйшій налогъ!
Вѣдь, этакъ мы беремъ у всѣхъ деревьевъ
И ихъ кору, и вѣтви, даже часть
Отъ ихъ ствола – и хотъ, положимъ, корня
Не трогаемъ, но, при увѣчьи ихъ,
Не мудрено, что воздухъ выпьетъ соки.
Прошу послать въ тѣ графства, гдѣ налогъ
Взимаемъ былъ, скорѣе объявленье
Прощенья всѣмъ, кто только возставалъ
Противъ него. Прошу поторопиться.
Я это дѣло поручаю вамъ.

ВОЛЬСЕЙ (*тихо секретарю*).

Послушайте: сейчасъ пишите письма
О милости, прощеньи короля
И ихъ по всѣмъ пошлите графствамъ. Сильно
Всѣ общины возстали на меня, -
Поэтому вездѣ распространите,
Что моему ходатайству страна
Отмѣною налога и прощеньемъ
Обязана. Дальнѣйшія мои
Желанія узнаете вы послѣ.

(*Секретарь уходитъ.*)

Входитъ УПРАВИТЕЛЬ Букингэма.

КОРОЛЕВА.

Какъ грустно мнѣ, что герцогъ Букингэмъ
Вась огорчилъ.

КОРОЛЬ.

Прискорбно это многимъ.
Онъ джентельмэнъ ученый и ораторъ
Прекраснѣйшій; природой надѣленъ
Онъ, какъ никто; воспитанъ такъ, что можетъ
Учителей великихъ научать
И наставлять; себѣ же не имѣеть
Нужды искать онъ помощь внѣ себя.
Но помните, чуть въ умъ залѣзетъ порча
И эти всѣ прекрасные дары
Неправильно въ душѣ распредѣлятся –
Какъ примутъ вдругъ порочный видъ они
И въ десять разъ превысятъ безобразьемъ
Всю красоту прошедшую свою.
Вотъ такъ теперь и этотъ человекъ
Прекраснѣйшій, котораго считали
Въ числѣ чудесъ, котораго рѣчамъ
Внимали мы съ восторгомъ, такъ-что, право,
Минутами казались намъ часы –
Вотъ такъ и онъ, любезная супруга,
Всѣ прежнія достоинства свои
Облекъ теперь чудовищной одеждой
И черенъ сталъ, какъ-будто бы въ аду

452

Его лицо испачкали. Немного
Побудьте здѣсь. Вотъ этотъ джентельмэнъ –
Онъ былъ лицомъ довѣреннымъ милорда –
Разскажетъ вамъ такое, отъ чего
На честь тоска глубокая находить.
Пусть повторитъ онъ снова свой разсказъ
О замыслахъ злодѣйскихъ; мы не можемъ
Ни холодно ихъ къ сердцу принимать,
Ни слушать слишкомъ долго.

ВОЛЬСЕЙ.

Подойдите
И смѣло здѣсь скажите все, что вы,
Какъ подданный заботливый и вѣрный,
О герцогѣ узнали.

КОРОЛЬ.

Говори
Свободно все.

УПРАВИТЕЛЬ.

Во-первыхъ, ежедневно
Всю рѣчь свою онъ вотъ чѣмъ зачумлялъ:
Онъ говорилъ, что если безъ потомства
Король умретъ, то онъ устроить такъ,
Что самъ британскимъ скиптромъ завладѣтъ.
Все это слышалъ лордъ Эбергевенни.
При этомъ герцогъ клялся отомстить
Вамъ, кардиналь.

ВОЛЬСЕЙ.

Прошу покорно, ваше
Величество, вниманье обратить
На замысль опасный этотъ. Герцогъ
Враждебныя желанія свои
Распространилъ не только на особу
Священнѣйшую вашу, но имѣлъ
Въ виду и тѣхъ, кто преданъ вамъ.

КОРОЛЕВА.

Почтенный
Лордъ-кардиналь, судите не съ такой
Суровостью.

КОРОЛЬ.

Ну, далѣ. На чемъ
Основывалъ онъ эти притязанья
На нашъ престолъ по смерти нашей? Ты
На этотъ счетъ чего-нибудь не слышалъ
Отъ герцога?

УПРАВИТЕЛЬ.

На эту мысль его
Пророчествомъ нелѣпымъ Никольсъ Гопкинсъ
Навелъ.

КОРОЛЬ.

Кто этотъ Гопкинсъ?

УПРАВИТЕЛЬ.

Духовникъ
При герцогѣ, монахъ картезіанскій.
По цѣлымъ днямъ онъ все кормилъ его
Бесѣдами о будущемъ престолѣ.

КОРОЛЬ.

Какъ ты узналъ объ этомъ?

УПРАВИТЕЛЬ.

Незадолго

Предъ тѣмъ, какъ вы собрались, государь,
Во Францію, мы были въ домѣ Розы –
Лаврентія Полтнейскаго приходъ –
И герцогъ тамъ спросилъ меня, что слышалъ
Я въ лондонскомъ народѣ о поѣздкѣ
Во Францію. Я отвѣчалъ ему,
Что многіе боятся, чтобъ французы,
На гибель короля, не оказались
Коварными друзьями. Онъ на это
Замѣтилъ мнѣ, что точно поводъ есть
Такъ говорить и что тогда, пожалуй,
Исполнятся на дѣлѣ тѣ слова,
Которыя сказалъ ему однажды
Святой монахъ. «Не разъ онъ присылалъ
Просить меня», такъ рассказалъ мнѣ герцогъ,
«Чтобъ я ему позволилъ выбрать часъ
Для тайнаго свиданья съ Де-ла-Каромъ,
Духовникомъ моимъ. Онъ говорилъ,
Что сообщить ему имѣетъ дѣло
Важнѣйшее; ему-то, взявъ съ него,
Какъ-будто бы на исповѣди, клятву
Формальную, что мнѣ лишь одному
Мой духовникъ, и никому другому,
Не передастъ того, что скажетъ онъ.
Монахъ сказалъ, подумавши серьезно:
«Ни самъ король – такъ герцогу скажи –
Ни родъ его ужъ процвѣтать не будутъ.
Пусть герцогъ вашъ стремится пріобрѣсть
Любовь всего народа; будетъ править
Онъ Англіей.»

КОРОЛЕВА.

Коль не ошиблась я,
Вы – бывший управитель Букингэма –
И должности лишились своей
По жалобамъ отъ вашихъ подчиненныхъ?
Подумайте: не злоба ли виной,
Что обвинять вы стали челоуѣка
Достойнаго и благородный духъ
Въ себѣ пятнать? Подумайте, я снова
Вамъ говорю и даже отъ души

Прошу о томъ.

КОРОЛЬ.

Оставь его. Что дальше?

УПРАВИТЕЛЬ.

Клянусь душой, я правду говорю!
Я герцогу замѣтилъ, что, быть-можетъ,
Самъ сатана монаха ввелъ въ обманъ;
Что для него опасно думать долго
Объ этомъ всемъ; что могутъ, наконецъ,
Въ душѣ его созрѣть такіе планы,
Которые его погубятъ. «Вздорь!» -
Онъ отвѣчалъ – «намъ повредить не можетъ
Ничто!» И тутъ еще прибавилъ онъ:
«Когда бъ болѣзнь послѣднюю не вынесъ
Нашъ государь – не жить бы головамъ

453

Вольсеевой и Томаса Ловеля».

КОРОЛЬ.

Ого, такъ вотъ какая злоба въ немъ!
О, человѣкъ онъ нехорошій. Можешь
Ты что-нибудь сказать?

УПРАВИТЕЛЬ.

Могу,
Мой государь.

КОРОЛЕВА.

Такъ говори скорѣе.

УПРАВИТЕЛЬ.

Однажды въ Гринвичѣ милорду былъ
Данъ выговоръ за Бломера Вилльяма
Отъ вашего величества...

КОРОЛЬ.

Да, помню.
Онъ былъ моимъ слугой, а герцогъ взялъ
Его къ себѣ. Что жъ дальше.

УПРАВИТЕЛЬ.

«Если бъ я»,

Такъ онъ сказалъ: «за это былъ отправленъ
Ну, напримѣръ, хоть въ Тоуэръ, вѣрно бѣ мнѣ
Пришло на умъ то сдѣлать, что когда-то
И мой отецъ готовился свершить
Надъ хищникомъ Ричардомъ въ Салисбери,
Когда просилъ себѣ свиданья съ нимъ;
И если бы желанье это было
Исполнено, онъ, будто совершая
Смиренья долгъ, вонзилъ бы въ грудь Ричарда
Свой острый ножъ».

КОРОЛЬ.

Гигантская измѣна!

ВОЛЬСЕЙ.

Что скажете, монархиня? Ужель
Король дышать свободно можетъ, если
Въ тюрьмѣ сидѣть не будетъ Букингэмъ?

КОРОЛЕВА.

Устрой Господь все къ лучшему!

КОРОЛЬ.

Ты что-то
Сказать еще желаешь? Говори.

УПРАВИТЕЛЬ.

Произнеся слова: «отецъ мой, герцогъ»
И «острый ножъ», онъ выпрямился вдругъ,
Одной рукой схватилъ кинжалъ, другую
Прижалъ къ груди, возвелъ глаза наверхъ
И произнесъ ужаснѣйшую клятву.
Онъ поклялся, что если дурно кто
Поступить съ нимъ, то превзойдетъ настолько
Онъ своего отца, насколько планъ
Несбывшійся неизмѣримо ниже
Свершеннаго поступка.

КОРОЛЬ.

Положень
Конецъ его желанью – для кинжала
Ножнами насъ избрать. Онъ подъ арестомъ.
Позвать его немедленно къ суду.
Когда найдетъ онъ милость у закона –
Пусть будетъ такъ; не сыщеть – пусть ужъ къ намъ
Не думаетъ прибѣгнуть. Днемъ и ночью
Клянусь, что онъ ужаснѣйшій злодѣй!

(Уходятъ.)

Сцена III.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Входятъ Лордъ=Камергеръ и лордъ-Сандсъ.

КАМЕРГЕРЪ.

Я никогда не думалъ бы, что чары
Французскія способны облекать
Людей такой причудливою формой.

САНДСЪ.

У новыхъ модъ, хоть будь они смѣшны,
Хоть женственный имѣй онѣ характеръ,
Приверженцы отыщутся всегда.

КАМЕРГЕРЪ.

Сдается мнѣ, что наши англичане
Изъ этой всей поѣздки извлеки
Хорошаго лишь двѣ иль три гримасы,
Но ужъ зато отличныя. Когда
Иной начнетъ ихъ корчить, такъ охотно
Ты присягнешь, что самый носъ его
Совѣтникомъ Пепина иль Клотара
Еще служилъ – такъ гордо-величавъ
Весь видъ его.

САНДСЪ.

У нихъ и ноги тоже
Все новыя, хромыя. Если кто
Походки ихъ не видѣлъ прежде, вѣрно
Подумаетъ, что шпатель иль наколѣнникъ
Напалъ на нихъ.

КАМЕРГЕРЪ.

Чортъ побери, милордъ!
А въ платьѣ ихъ такой покрой, замѣтьте,
Языческій, что христіанскій духъ,
Навѣрное, они ужъ износили.

Входитъ Сэръ Томасъ Ловель.

КАМЕРГЕРЪ.

Что новаго, сэръ Ловель?

ЛОВЕЛЬ.

Ничего,
Почтенный лордъ, коль не считать указа,
Прибитаго къ дворцовымъ воротамъ.

КАМЕРГЕРЪ.

Указъ? о чемъ?

ЛОВЕЛЬ.

Да о реформъ франтовъ,
Приѣхавшихъ изъ Франціи, и дворъ

454

Лишь ссорами и шумомъ, и портными
Наполнившихъ.

КАМЕРГЕРЪ.

Вотъ это хорошо!
Теперь бы мнѣ весьма хотѣлось нашихъ
Господчиковъ просить сознаться въ томъ,
Что англійскій придворный тоже можетъ
Разумнымъ быть, хотя бы Лувра онъ
И не видалъ.

ЛОВЕЛЬ.

Въ указъ говорится,
Что всѣ они немедленно должны
Отбросить всѣ остатки шутовства,
Добытаго во Франціи; отречься
Отъ признаковъ почтенныхъ своего
Безумія – дуэлей, фейверковъ,
Отъ всяческихъ насмѣшекъ надъ людьми,
Получше ихъ, но мудрости заморской
Не знающихъ; отречься отъ любви
Къ мячу, къ чулкамъ длиннѣйшимъ, къ панталонамъ
Коротенькимъ, и съ буффами, отъ всѣхъ,
Всѣхъ признаковъ поѣздки заграничной
И сдѣлаться вновь честными людьми;
А не хотятъ, такъ могутъ убираться
Къ товарищамъ старинныхъ игръ своихъ.
Тамъ можно имъ, за это я ручаюсь,
Cum privilegio свое распутство
Растрчивать и отдавать себя
На общее посмѣшище.

САНДСЪ.

Давно бы
Пора имъ дать лѣкарство; ихъ болѣзнь
Ужъ сдѣлалась прилипчивой.

КАМЕРГЕРЪ.

Однако,
Для нашихъ дамъ не малая бѣда –
Лишиться вдругъ всѣхъ этихъ милыхъ франтовъ.

ЛОВЕЛЬ.

Еще бы нѣтъ! Конечно, будетъ тутъ
И стонъ, и плачь; вѣдь, эти негодяи
Искусные имѣли чудный даръ
Брать женщинъ въ плѣнъ; тутъ скрипка или пѣсня
Французская – вѣрнѣйшая приманка.

САНДСЪ.

Пусть чортъ на нихъ играетъ! Какъ я радъ,
Что имъ отъ насъ придется убираться,
Затѣмъ, что нѣтъ надежды никакой
Исправить ихъ. Теперь и дворянинъ
Такой, какъ я, простой, провинціальный,
Котораго такъ долго изъ игры
Всѣ гнали вонъ, имѣть возможность будетъ
Спѣть пѣсенку: надѣюсь, что его
Часокъ-другой послушаютъ; и, право,
Онъ въ тактъ споетъ.

КАМЕРГЕРЪ.

Вполнѣ вы правы, лордъ,
Какъ видно, вы еще не потеряли
Своихъ зубовъ молочныхъ.

САНДСЪ.

Нѣтъ, милордъ,
И сохраню, пока хоть корешокъ
Останется.

КАМЕРГЕРЪ.

Куда вы шли, сэръ Ловель?

ЛОВЕЛЬ.

Къ Вольсею шелъ; вы тоже гость его,
Мнѣ кажется?

КАМЕРГЕРЪ.

Конечно. Нынче ужинъ

Огромный онъ даетъ для многихъ дамъ
И лордовъ; тутъ, могу я васъ увѣрить,
Сберется все, что въ королевствѣ есть
Прекраснаго.

ЛОВЕЛЬ.

Да, надо согласиться,
Что очень добръ почтенный нашъ прелатъ;
Его рука, какъ почва, плодоносна,
Которая питаетъ насъ; роса
Его на все ложится.

КАМЕРГЕРЬ.

Безъ сомнѣнья,
Онъ человѣкъ прекрасный. Злой языкъ
Имѣетъ тотъ, кто мнѣнія другого
О немъ.

САНДСЬ.

Да онъ и можетъ быть такимъ;
Вѣдь, у него всего довольно; хуже
И ереси была бы скупость въ немъ.
Быть щедрыми должны такіе люди:
Они въ примѣръ поставлены другимъ.

КАМЕРГЕРЬ.

Да, это такъ; но мало въ наше время
Такихъ, какъ онъ, примѣровъ. Катеръ мой
Тамъ ждетъ меня; я васъ везу съ собою,
Почтенный лордъ. Сэръ Томасъ, намъ пора:
Иначе мы, пожалуй, опоздаемъ,
А это было бъ жаль, вѣдь весь надзоръ
За праздникомъ мнѣ поручень и сэру
Гильфорду.

САНДСЬ.

Я къ услугамъ вашимъ, лордъ.

(Уходятъ.)

Сцена IV.

Зала въ Йоркскомъ дворцѣ.

Трубы. Небольшой столъ подъ балдахиномъ для кардинала; длинный столъ для гостей. Въ одну дверь входятъ: Анна Болленъ, разные лорды, леди и двѣицы; въ другую – СЭРЪ ГЕНРИХЪ ГИЛЬФОРДЪ.

ГИЛЬФОРДЪ.

Привѣтъ вамъ всѣмъ, миледи, посылаетъ
Свѣтлѣйшій лордъ. Сегодняшнюю ночь
Онъ отдаетъ прекрасному веселью
И вамъ; его надежда – что никто
Изъ этого высокаго собранья
Своихъ заботъ домашнихъ не принесъ
Сюда съ собой; желаетъ онъ, чтобъ были
Всѣ веселы, настолько только дать
Веселости хорошимъ людямъ могутъ
Хорошая компанія, вино
Хорошее и наконецъ хорошій
Пріемъ.

Входятъ: ЛОРДЪ-КАМЕРГЕРЪ, ЛОРДЪ-САНДСЪ и СЭРЪ ТОМАСЪ ЛОВЕЛЬ.

ГИЛЬФОРДЪ.

О, лордъ, какъ запоздали вы!
Одна ужъ мысль объ этомъ превосходномъ
Собраніи мнѣ крылья придала.

КАМЕРГЕРЪ.

Вы молоды, сэръ Гильфордъ.

САНДСЪ.

Ахъ, сэръ Ловель,
Когда бъ отчасти кардиналъ
Могъ раздѣлять мой свѣтлый образъ мыслей,
То не одна, предъ тѣмъ какъ спать итти,
Нашла бы здѣсь такое угощенье,
Которое понравилось бы ей
Сильнѣй всего. Клянусь своею жизнью,
Здѣсь чудныя красавицы сошлись.

ЛОВЕЛЬ.

Вотъ если бы духовникомъ васъ сдѣлать
Одной иль двухъ!

САНДСЪ.

Я былъ бы очень радъ
И легкому, конечно, покаянью
Подвергнуть ихъ.

ЛОВЕЛЬ.

Какому же?

САНДСЬ.

Тому,
Которое возможно на перинѣ.

КАМЕРГЕРЬ.

Прекрасныя миледи, я прошу
Вась сѣсть къ столу. Сэръ Генрихъ, вы займитесь
Той стороной, я – этой; кардиналъ
Сейчасъ войдетъ. Нѣтъ, мерзнуть вамъ не надо;
Двѣ женщины, одна съ другою рядомъ
Сидящія, сейчасъ нагонятъ холодъ.
Лордъ Сандсъ, вы ихъ сумѣете занять;
Садитесь-ка межъ ними.

САНДСЬ.

Постараюсь,
И отъ души благодарю, милордъ.
Позвольте, прекрасныя миледи?

(Садится между Анною Болленъ и другою дамой.)

Прошу простить, когда, быть-можетъ, я
Заговорю отчасти дико: это
Я получилъ въ наслѣдство отъ отца.

АННА БОЛЛЕНЪ.

Онъ развѣ былъ помѣшанъ, сэръ?

САНДСЬ.

О, очень,
До крайности, особенно въ любви.
Онъ никогда, конечно, не кусался,
Но двадцать разъ поцѣловаль бы васъ
Въ одинъ пріемъ, точь-въ-точь какъ я.

(Цѣлуетъ ее.)

КАМЕРГЕРЬ.

Прекрасно,
Любезный лордъ! Ну, всѣ теперъ сидятъ,
Какъ слѣдуетъ. Джентльмэны, виноваты
Вы будете, когда изъ-за стола
Веселыми не выйдутъ эти дамы
Прекрасныя.

САНДСЬ.

Я сдѣлаю свое, -

Свободу мнѣ вы только предоставьте.

Трубы. Входитъ КАРДИНАЛЪ ВОЛЬСЕЙ *со свитою и садится на свое мѣсто.*

ВОЛЬСЕЙ.

Привѣтствую васъ, дорогіе гости.
Кто у меня изъ этихъ милыхъ дамъ
Или мужчинъ не будетъ нынче весель,
Тотъ мнѣ не другъ. Чтобъ повторить привѣтъ –
За общее здорвьє! (*Пѣть.*)

САНДСЪ.

Ваша свѣтлость,
Какъ вы добры! Позвольте же мнѣ взять
Такой бокаль, который благодарность
Мою вмѣститъ бы могъ и тѣмъ меня
Освободитъ отъ слишкомъ долгой рѣчи.

ВОЛЬСЕЙ.

Благодарю душевно васъ, милордъ.
Ну, потчуйте своихъ сосѣдокъ. Леди,
Невеселы вы что-то. Господа,
Кто виноватъ?

САНДСЪ.

Пусть прежде, ваша свѣтлость,
Прекрасныя ихъ щечки отъ вина
Покроются румянцемъ – насъ заставятъ
Онѣ молчать болтливостью своей.

АННА БОЛЛЕНЪ.

Вы весельчакъ, лордъ Сандсъ.

САНДСЪ.

Когда играю
Въ свою игру. Сударыня, я пью,
И вы должны отвѣтить точно тѣмъ же,
Затѣмъ-что пью я за такую вещь...

456

АННА БОЛЛЕНЪ.

Которой вы мнѣ показать, конечно,
Не можете.

САНДСЪ.

Сказаль я, ваша свѣтлость
Что и онѣ сейчасъ болтать начнутъ.

(За сценой трубы, барабаны и пушечные выстрѣлы.)

ВОЛЬСЕЙ.

Что это тамъ?

КАМЕРГЕРЪ.

Узнайте поскорѣе.

(Одинъ изъ слугъ уходитъ.)

ВОЛЬСЕЙ.

Воинственные звуки! Для чего?
Нѣтъ, леди, нѣтъ, не бойтесь. По законамъ
Войны вы внѣ опасности.

СЛУГА возвращается.

КАМЕРГЕРЪ.

Ну что?
Что тамъ?

СЛУГА.

Толпа блестящихъ чужеземцевъ,
Какъ кажется; здѣсь къ берегу они
Причалили и, точно какъ посольство
Высокое отъ королей чужихъ,
Идутъ сюда.

ВОЛЬСЕЙ.

Лордъ-камергеръ почтенный,
Подите къ нимъ навстрѣчу; по-французски
Вы знаете; прошу, примите ихъ,
Какъ слѣдуетъ, и послѣ проводите
Сюда, гдѣ это небо красоты
Пролетѣть на нихъ весь блескъ свой лучезарный.
Пусть кто-нибудь сопровождаетъ васъ.

(Камергеръ уходитъ съ нѣсколькими джентльмэнами. Всѣ встаютъ; столъ отодвигаютъ въ сторону.)

Ну, вотъ нашъ пиръ и прерванъ; мы однако
Возобновимъ его. Желаю я
Хорошаго вамъ всѣмъ пищеваренья
И снова васъ привѣтствую... Привѣтъ
Всѣмъ вамъ!

Трубы. Входятъ Король, замаскированный пастухомъ, предшествуемый Лордомъ-камергеромъ и сопровождаемый двѣнадцатью масками, одѣтыми такъ же, какъ и онъ, и

шестнадцатью факелоносцами. Они направляются прямо къ кардиналу и любезно раскланиваются съ нимъ.

ВОЛЬСЕЙ.

Вотъ славное собранье! Что угодно
Вамъ, господа?

КАМЕРГЕРЬ.

Они не говорятъ
По-англійски, и потому просили
Вамъ передать, что и до нихъ дошла
Молва о томъ, что нынче соберется
Здѣсь общество прекрасное такое
И что они, какъ всякой красоты
Глубокіе поклонники, невольно
Свои стада оставили и къ вамъ
Пришли просить – подъ вашимъ руководствомъ
Позволить имъ увидѣть этихъ дамъ
И часъ-другой провести въ бесѣдѣ съ ними.

ВОЛЬСЕЙ.

Скажите имъ, милордъ, что ихъ приходъ
Для моего убогаго жилища –
Большая честь; я ихъ благодарю
Сто тысячъ разъ и вмѣстѣ веселиться
Прошу ихъ всѣхъ, какъ только захотятъ.

(Кавалеры выбираютъ дамъ для танцевъ. Король приглашаетъ Анну Болленъ.)

КОРОЛЬ.

Такой руки прекрасной не касался
Ни разу я. О, красота, тебя
До этихъ поръ не зналъ я никогда!

(Музыка. Танцы.)

ВОЛЬСЕЙ.

Лордъ-камергеръ!

КАМЕРГЕРЬ.

Что хочетъ ваша свѣтлость
Мнѣ приказать?

ВОЛЬСЕЙ.

Прошу васъ передать
Имъ отъ меня, что есть одинъ межъ ними,
Который здѣсь, по сану своему,
Достойнѣ меня сидѣть на мѣстѣ
Хозяина, - и если бы я могъ

Его узнать, то по любви и долгу
То мѣсто уступилъ бы.

КАМЕРГЕРЪ.

Передамъ
Немедленно.

(Подходитъ къ маскамъ и, поговоривъ съ ними, возвращается къ кардиналу.)

ВОЛЬСЕЙ.

Ну, что вамъ отвѣчали?

КАМЕРГЕРЪ.

Дѣйствительно, межъ ними есть такой.
Они того не скрыли и сказали,
Что если вы узнаете его,
То онъ займетъ, пожалуй, ваше мѣсто.

ВОЛЬСЕЙ.

Попробуемъ. *(Подходитъ къ маскамъ.)*
Позвольте, господа,
Вотъ царственный мой выборъ.

КОРОЛЬ *(снимая маску)*.

Угадали,
Лордъ-кардиналъ! Ну, славное у васъ
Собраніе! Отлично вы живете!

457

Не будь вы, лордъ, духовное лицо,
О васъ бы я понятіе составилъ
Не лестное.

ВОЛЬСЕЙ.

Какъ радъ я, государь,
Что вы въ такомъ веселомъ настроеньи!

КОРОЛЬ.

Лордъ-камергеръ, подите-ка сюда;
Скажите мнѣ, пожалуйста, кто эта
Красавица?

КАМЕРГЕРЪ.

Дочь Томаса Боллень,
Ричфордскаго виконта, и статсъ-дама
Ея величества.

КОРОЛЬ.

Клянуся Небомъ,
Прелестное созданіе она! (*Къ Аннѣ Болленъ.*)
Дитя мое прекрасное! Я былъ бы
Невѣжливимъ, когда бы пригласилъ
На танцы васъ и не далъ поцѣлуя.
Ну, господа, пускай теперь поидетъ
Заздравная и круговая чаша!

ВОЛЬСЕЙ.

Готовъ ли столъ, сэръ Ловель, въ залѣ той?

ЛОВЕЛЬ.

Готовъ, милордъ.

ВОЛЬСЕЙ.

Боюсь я, государь,
Что танцы васъ слегка разгорячили.

КОРОЛЬ.

Да, черезчуръ.

ВОЛЬСЕЙ.

Въ той комнатѣ свѣжѣй.

КОРОЛЬ.

Пойдемте же. Ведите каждый даму.
Красавица, я не оставляю васъ.
Веселіе на сцену! Мой добрѣйшій
Лордъ-кардиналъ, намѣренъ нынче я
Съ поддюжины бокаловъ осушить
За этихъ всѣхъ красавицъ; послѣ снова
Мы пригласимъ на танцы ихъ, а тамъ
Пусть каждому пригрезятся побѣды
Надъ милыми. Велите-ка трубить.

(*Трубы. Встѣ уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена I.

Вестминстеръ. Улица.

ДВА ДЖЕНТЛЬМЕНА *встрѣчаются.*

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Куда вы такъ спѣшите? Богъ вамъ въ помощь!

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Я прямо въ судъ, чтобы услышать тамъ –
Что станетъ съ великимъ Букингэмомъ.

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Я отъ труда избавить васъ могу.
Все кончено: въ тюрьму идетъ онъ снова.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Вы были тамъ?

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Да, былъ.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Скажите жъ мнѣ,
Пожалуйста, какъ дѣло порѣшили?

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Вы можете и сами отгадать.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Нашли виновнымъ?

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Да – и осудили.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Жалѣю я...

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

И многимъ также жаль.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Скажите же, какъ все происходило?

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Я вкратцѣ все скажу. Великій герцогъ
Къ рѣшеткѣ сталъ и противъ обвиненій
Все говорилъ, что не виновень онъ,
И приводилъ искусно оправданья,
Чтобъ сбить судей. Но стряпчій короля
Всѣ выставилъ допросы, показанья,
Признанія свидѣтелей; тогда
Онъ пожелалъ очную ставку съ ними.
Тутъ выступилъ сперва его дворецкій

И секретарь сэръ Пекъ и духовникъ,
Джонъ Каръ, и самъ монахъ проклятый, Гопкинсъ,
Виновникъ зла.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Тотъ, что сбиваль его
Своими предсказаньями?

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Тотъ самый.
Всѣ герцога жестоко обвиняли;
Никакъ не могъ онъ опровергнуть ихъ
И, уличенный пѣрами, былъ признанъ
Преступникомъ въ измѣнѣ государству.
Онъ говорилъ и много, и учено,
Чтобъ жизнь спасти; но всѣ его слова
Иль сожалѣнье возбуждали, или
Сейчасъ же всѣ позабывали ихъ.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Ну, а потомъ какъ онъ себя держаль?

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Когда опять онъ подошелъ къ рѣшеткѣ,
Чтобъ выслушать свой похоронный звонъ –
Свой приговоръ, тогда имъ овладѣла
Тоска предсмертная, и обдалъ тѣло
Холодный потъ, и что-то онъ дурное

458

Проговорилъ поспѣшно, въ сильномъ гнѣвѣ,
Но скоро онъ опять пришелъ въ себя
И ужъ потомъ, все остальное время,
Держаль себя съ терпѣньемъ благороднымъ.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Не думаю, чтобъ онъ боялся смерти.

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Конечно, нѣтъ; онъ не былъ никогда
Такъ женствененъ; причина осужденья
Могла его немного огорчить.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Да, тутъ не обошлось безъ кардинала.

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Да, по всему судя, должно быть такъ.
Во-первыхъ, обвиненіе Кильдэра,
Ирландіи правителя въ то время,
А во-вторыхъ, и то, что вслѣдъ за тѣмъ
Отправленъ былъ въ Ирландію графъ Серри,
Съ поспѣшностью большою, для того,
Чтобъ онъ къ отцу не могъ прійти на помощь.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Вотъ злобная и тайная интрига.

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Зато, пускай вернется только графъ –
Отплатить онъ за это, безъ сомнѣнья.
Да что! вѣдь, всѣмъ извѣстно хорошо,
Что каждому, кого король полюбитъ,
Сейчасъ найдетъ мѣстечко кардиналь,
Чтобъ отъ двора подальше.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Ненавидятъ
Всѣ общины его чистосердечно,
И честью вамъ ручаюсь, что ему
Желають всѣ поглубже провалиться;
А герцога всѣ любятъ, обожаютъ,
Зовутъ великодушнымъ Букингэмомъ
И зеркаломъ прекраснаго всего...

*Входитъ БУКИНГЭМЪ, котораго ведутъ изъ суда. Передъ нимъ служители правосудія съ
сѣкирами, остріемъ обращенными къ нему. По бокамъ стража съ аллебардами. Его провожаютъ
СЭРЪ ТОМАСЪ ЛОВЕЛЬ, СЭРЪ НИОЛЬСЪ ВО, СЭРЪ ВИЛЛИАСЪ САНДСЪ и народъ.*

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Постойте, вотъ несчастный, знатный мужъ,
О комъ теперь толкуемъ мы.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Хочу я
Поближе стать и на него взглянуть.

БУКИНГЭМЪ.

Вы, люди добрые, изъ состраданья
Такъ далеко пришедшіе за мной,
Послушайте слова мои, а послѣ
Идите всѣ спокойно по домамъ
И про меня забудьте. Какъ измѣнникъ
Отечеству, я нынче осужденъ

И умереть обязанъ, какъ измѣнникъ;
Но Небо я въ свидѣтели зову,
И если я еще имѣю совѣсть,
Пусть, какъ топоръ, она сразитъ меня,
Когда хоть разъ я былъ клятвопресупникъ.
Я не виню судей за смерть мою:
Ихъ приговоръ былъ правъ, по ходу дѣла;
Но тѣмъ, кто былъ виновникомъ всего,
Желалъ бы я побольше христіанской
Любви къ другимъ. Кто бъ ни были они,
Отъ сердца имъ я все теперь прощаю;
Но пусть они злодѣйствомъ не кичатся
И злобныхъ дѣлъ не строятъ на гробахъ
У доблестныхъ: иначе противъ нихъ
Я вопіять безвинной кровью стану.
Жить долѣе ужъ не надѣюсь я
И не прошу пощады, хоть и знаю,
Что въ королѣ есть больше милосердя,
Чѣмъ у меня проступковъ. Вы, друзья..,
Немногіе, любившіе меня,
Дерзнувшіе по Букингэмъ плакать –
Вы, славные товарищи мои,
Съ которыми разлука только – горечь
И смерть моя, идите вы со мной,
Какъ ангелы-хранители, до плахи;
Когда жъ падеть на голову мою
Разлуки сталь – молитвами своими
Прекрасную вы жертву сотворите
И вознесите духъ мой въ небеса.
Теперь идемъ впередъ, во имя Бога!

ЛОВЕЛЬ.

Лордъ, я прошу, какъ милости у васъ –
Когда была когда-нибудь сокрыта
Въ груди у васъ досада на меня –
Простите мнѣ теперь чистосердечно.

БУКИНГЭМЪ.

Я вамъ простилъ такъ искренно, сэръ Ловель,
Какъ бы желалъ я самъ прощеннымъ быть.
Я всѣмъ простилъ: обидъ, мнѣ нанесенныхъ,
Число еще не слишкомъ велико,
Чтобы не могъ я съ ними примириться;
Я не создамъ свой гробъ изъ злобы черной.
Привѣтъ мой передайте королю,
А если онъ про Букингэма вспомнитъ,

Прошу сказать ему, что вполонину
Вы видѣли меня ужъ въ небесахъ.
До сей поры, мои молитвы, мысли
Ему принадлежать; и до минуты,
Когда меня душа покинетъ, буду
О благоденствіи его молиться.
Пусть больше лѣтъ живетъ онъ на землѣ,
Чѣмъ насчитать могу я въ это время;
Пусть царствуетъ, любимый и любя
Когда жъ года къ нему приблизятъ часъ кончины,
Его и доброту пусть скроетъ гробъ единый!

459

Л О В Е Л Ъ .

Я проводить обязанъ вашу свѣтлость
До берега, а тамъ смѣнить меня
Сэръ Никольсъ Во, который васъ проводитъ
До мѣста казни.

В О .

Эй, готовьтесь тамъ!
Ужъ герцогъ приближается. Смотрите,
Чтобъ ботикъ былъ готовъ и убранъ такъ,
Какъ требуетъ высокій санъ милорда.

Б У К И Н Г Э М Ъ .

Нѣтъ, сэръ, къ чему? Оставьте это все:
Мой санъ теперъ – насмѣшка надо мною.
Когда сюда пріѣхалъ я, я былъ
И славный лордъ, и герцогъ Букингэмъ,
И конетабль великій – нынѣ жъ сталъ я
Простой бѣднякъ Эдвардъ Богэнь; но все жъ
Богаче я, чѣмъ низкіе мои
Доносчики, которые не знаютъ,
Что значить честь. Сегодня это здѣсь
Я кровію своей запечатлѣю,
И день придетъ, когда она стенать
Заставитъ ихъ. Отецъ мой благородный,
Лордъ Генрихъ Букингэмъ, скорѣе всѣхъ
Поднявшійся на хищника Ричарда,
Бѣжалъ спастись у своего слуги,
Банистера, а тотъ бездѣльникъ предалъ
Несчастнаго – и палъ онъ безъ суда.
Миръ Божій будь съ его душою! Генрихъ

Седьмой, о немъ жалѣя отъ души,
Мнѣ возвратилъ, какъ истинный король,
Всѣ почести и вывелъ изъ развалинъ
Меня въ двойномъ величьи. А теперь
Вотъ сынъ его и жизнь мою, и имя,
И честь мою – все, чѣмъ я счастливъ былъ –
Уносить вдругъ однимъ своимъ ударомъ.
Я былъ судимъ – и принужденъ сознаться,
Что этотъ судъ – былъ благородный судъ;
И этимъ я счастливѣе немного,
Чѣмъ мой отецъ несчастный; въ остальномъ
У насъ двоихъ судьба одна и та же:
Черезъ нашихъ слугъ погибли оба мы,
Черезъ тѣхъ, кого мы больше всѣхъ любили.
Коварное, противное природѣ,
Возмездіе! Богъ цѣль всему даетъ,
Но вы – вы всѣ, внимающіе мнѣ –
Послушайте, что человекъ, идущій
На смерть, теперь, какъ правду, скажетъ вамъ:
Гдѣ щедры вы на ласки и совѣты,
Тамъ, вѣрно, вамъ грозитъ опасность; тѣ,
Съ кѣмъ вы друзьями стали и кому
Вы отдались душою – чуть замѣтятъ
Толчокъ малѣйшій въ счастья вашемъ – вдругъ
Отхлынуть всѣ, какъ быстрая волна,
И если къ вамъ когда вернутся снова,
Такъ для того, чтобъ утопить совсѣмъ.
О, люди добрые, молитесь обо мнѣ!
Я долженъ васъ оставить: наступилъ
Послѣдній часъ печальной, долгой жизни.
Прощайте!

Захочется ль вамъ рассказать порой
О чемъ-нибудь печальномъ – расскажите,
Какъ я погибъ. Прости мнѣ, Боже мой!

(Букингэмъ и свита уходятъ.)

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

О, какъ о немъ глубоко я жалѣю!
Навѣрное, проклятій много, сэръ,
Посыплется на головы виновныхъ
Въ его судьбѣ.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Да, если только онъ
Невиннымъ палъ – ужасно это дѣло!
Но я еще могу вамъ намекнуть

На близкое другое злодѣянье,
Которое – коль сбудется оно –
Еще страшнѣй.

Первый ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Святые духи неба,
Храните насъ! Скажите, что такое?
Надѣюсь, вы увѣрены во мнѣ –
И скажете.

Второй ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Все такъ, но эта тайна
Такъ велика, что требуетъ она
Глубокаго и вѣрнаго молчанья.

Первый ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Скажите жъ мнѣ: вѣдь, я не изъ болтливыхъ.

Второй ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Ну, хорошо. Вотъ видите ли, сэръ:
Дошла ль до васъ молва, на этихъ дняхъ
Прошедшая, о расторженьи брака
Межъ королемъ и Катериной?

Первый ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Да,
Но вѣдь потомъ она опять замолкла,
Затѣмъ-что чуть король о ней узналъ,
Какъ въ гнѣвѣ онъ лордъ-мэру повелѣнье
Послалъ – сейчасъ всѣ толки прекратить
И ротъ зажать ихъ распускать дерзнувшимъ.

Второй ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Все это такъ, но оказалось, сэръ,
Что этотъ слухъ – не клевета пустая:
Нѣтъ, онъ растетъ теперь опять сильнѣй,
Чѣмъ былъ когда – и каждый въ томъ увѣренъ,
Что на разводъ рѣшился ужъ король.
Самъ кардиналъ или другой придворный,
На добрую озлобясь королеву,
Такое въ немъ сомнѣнье поселилъ,
Которое ее, навѣрно, стубить.
Къ тому жъ теперь и кардиналъ Кампеюсъ
Приѣхалъ къ намъ, - и общая молва –
Что именно для этого онъ прибылъ.

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Ну, это все работа кардинала,
Въ отмщенье императору за то,
Что тотъ ему въ епископствѣ Толедскомъ,
Котораго искалъ онъ, отказаль.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Вы угадали, сэръ; но не жестоко ль
За то всю месть обрушить на нее?
О, кардиналь свою исполнить волю –
И королева бѣдная падеть!

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Да, очень жаль. Однако, такъ открыто
Объ этомъ говорить опасный рискъ
Пойдемте-ка и дома потолкуемъ. (*Уходятъ.*)

Сцена II.

Лондонъ. Передняя во дворцѣ.

Входитъ Лордъ-камергеръ, читая письмо.

КАМЕРГЕРЪ. «Милордъ, лошади, за которыми ваша свѣтлость присылали, выбраны мною, объѣзжены и снабжены сбруею со всевозможнымъ раченіемъ. Онѣ молоды и красивы, и лучшей сѣверной породы. Когда онѣ ужъ были готовы для того, чтобы отправляться въ Лондонъ, одинъ изъ служителей лорда-кардинала, снабженный его приказаніемъ, взялъ ихъ отъ меня, приводя то основаніе, что его господинъ хочетъ, чтобъ ему повиновались прежде, чѣмъ другому подданному, если не прежде, чѣмъ королю – что и зажало намъ рты».

Да, этого онъ, въ самомъ-дѣлѣ, хочетъ.
Ну, что жъ? Пускай беретъ онъ ихъ себѣ;
Онъ скоро всѣмъ, пожалуй, завладѣетъ.

Входятъ герцоги Норфолькъ и Суффолькъ.

НОРФОЛЬКЪ.

Лордъ-камергеръ, пріятно мнѣ васъ встрѣтить.

КАМЕРГЕРЪ.

Привѣтъ мой вамъ.

СУФФОЛЬКЪ.

Что дѣлаетъ король?

КАМЕРГЕРЪ.

Его я одного оставилъ полнымъ
Печальныхъ думъ и тягостныхъ заботъ.

НОРФОЛЬКЪ.

А отчего?

КАМЕРГЕРЪ.

Да, видно, мысль о бракѣ
Съ супругою родного брата слишкомъ
Ужъ къ совѣсти его подобралась.

СУФФОЛЬКЪ.

Нѣтъ, къ совѣсти подобралась ужъ слишкомъ
Страсть къ женщинѣ другой.

НОРФОЛЬКЪ.

Вотъ это такъ.

И это все надѣлалъ кардиналъ –
Прелать-король. Какъ первенецъ Фортуны,
Священникъ, злой по волѣ, всѣмъ вертить.
Когда-нибудь король его узнаеть!

СУФФОЛЬКЪ.

Ахъ, дай-то Богъ! Иначе не узнаеть
До той поры онъ самого себя.

НОРФОЛЬКЪ.

Смотрите, какъ въ дѣлахъ благочестивъ онъ,
Какъ ревностень! Расторгнувъ нашъ союзъ
Съ племянникомъ великимъ королевы,
Германскимъ императоромъ, ныряетъ
Онъ въ душу короля и сѣетъ въ ней
Опасности, сомнѣнїя, боязнь,
Отчаянье и совѣсти упреки,
И ко всему предлогъ – лишь этотъ бракъ,
А чтобъ его отъ мукъ такихъ избавить,
Совѣтуетъ разводъ, разлуку съ тою,
Которая, какъ бриллиантъ, виситъ
Ужъ двадцать лѣтъ на шеѣ короля
И свѣтлый блескъ ни разу не теряла;
Разлуку съ той, которая его
Любила такъ, какъ любятъ добрыхъ души
Небесные; разлуку, наконецъ,
Съ той женщиной, которая въ то время,
Когда ее судьба сразитъ жестоко,
Благословлять все будетъ короля.

И это все еще ль не благочестье?

КАМЕРГЕРЪ.

Не дай намъ Богъ совѣтниковъ такихъ!
Все это такъ. Вездѣ ужъ эта новость;
Всѣ языки толкуютъ ужъ о ней;
Всѣ вѣрные оплакиваютъ это.
Кто заглянуть поглубже въ дѣло можетъ –
Увидитъ въ немъ цѣль главную одну:
Бракъ короля съ принцессою французской.
Но Богъ ему откроетъ же глаза,
Которые такъ долго усыплялись
Надменнѣйшимъ, недобрымъ человѣкомъ.

СУФФОЛЬКЪ.

И насъ тогда отъ рабства онъ спасетъ.

НОРФОЛЬКЪ.

Да, мы должны молиться горячо
О томъ, чтобъ Богъ намъ далъ освобожденье;
Иначе онъ, надменный человѣкъ,
Насъ обратитъ въ простыхъ пажей изъ принцевъ.
Вѣдь, передъ нимъ всѣ почести людей
Лежать, какъ тѣста комъ, и имъ, по волѣ,
Онъ придаетъ, какую хочетъ, форму.

СУФФОЛЬКЪ.

Что до меня касается, милорды,
Я не люблю и не боюсь его –
И вотъ какой мой символъ вѣры: я
И безъ его содѣйствія родился,

461

И безъ него я также проживу,
Коль королю угодно будетъ это;
Его благословенья и проклятья
Меня равно не трогаютъ: они,
По-моему, дыханіе пустое,
Въ которое совсѣмъ не вѣрю я.
Я зналъ его и знаю, и тому
Его предоставляю я, кто сдѣлалъ
Его такимъ высокомернымъ – папѣ.

НОРФОЛЬКЪ.

Войдемъ туда и чѣмъ-нибудь другимъ
Отъ короля отгонимъ злыя мысли,
Которыми ужъ слишкомъ занять онъ.
А вы, милордъ, пойдете тоже съ нами?

КАМЕРГЕРЬ.

Простите: я въ другое мѣсто посланъ
Его величествомъ; притомъ же вы
Не во-время пришли его разсѣять.
А впрочемъ, я желаю вамъ успѣха.

НОРФОЛЬКЪ.

Благодарю, мой добрый камергеръ.

(Камергеръ уходитъ.)

Норфолькъ отдергиваетъ завѣсу боковой двери. КОРОЛЬ сидитъ и задумчиво читаетъ.

СУФФОЛЬКЪ.

Какъ мраченъ онъ! должно быть, сильно грустенъ.

КОРОЛЬ.

Кто тамъ?

НОРФОЛЬКЪ.

Дай Богъ, чтобъ не былъ онъ сердитъ.

КОРОЛЬ.

Кто тамъ, я повторяю? Какъ вы смѣли
Прійти сюда въ часъ тайныхъ думъ моихъ?
Кто я? кто я?

НОРФОЛЬКЪ.

Вы, государь, король
Привѣтливый, прощающій обиды,
Когда отъ нихъ злой умыселъ далекъ.
И если мы дерзнули долгъ нарушить,
Такъ потому, что дѣло государства
Насъ привело, чтобъ царственную волю
О немъ узнать.

КОРОЛЬ.

Вы черезчуръ ужъ дерзки.
Идите прочь; я научу васъ знать
Часы для государственныхъ занятій.
Для дѣлъ мірскихъ теперь ли время – а?

Входятъ Вольсей и Кампеюсъ.

КОРОЛЬ.

Кто тамъ? ахъ, вы, мой добрый кардиналь!
О, мой Вольсей! – мое успокоенье,
Бальзамъ тревожной совѣсти моей,
Вѣрнѣйшее лѣкарство государя! (*Кампенюсу.*)
Ученѣйшій. Достопочтенный сэръ,
Привѣтствую я васъ въ моихъ владѣнняхъ.
Располагайте нами, какъ хотите. (*Вольсею.*)
Мой добрый лордъ, смотрите хорошенько,
Чтобы луномъ не оказался я.

ВОЛЬСЕЙ.

Нѣтъ, этого не можетъ быть. Позвольте
У вашего величества просить
Намъ удѣлить для тайныхъ совѣщаній
Одинъ лишь часъ.

КОРОЛЬ (*Норфольку и Суффольку*).

Мы заняты; ступайте.

НОРФОЛЬКЪ (*тихо Суффольку*).

Совсѣмъ не гордъ, не правда ль, этотъ попь?

СУФФОЛЬКЪ (*тихо Норфольку*).

Да, нечего сказать! Не согласился бѣ
Я ни за что – хоть мѣсто онъ свое
Мнѣ отдавай – страдать такой болѣзню.
Но это такъ не можетъ продолжаться.

НОРФОЛЬКЪ (*тихо*).

А ежели продолжится, такъ я
Рѣшусь возстать.

СУФФОЛЬКЪ (*тихо*).

И я рѣшусь на это.

(*Норфолькъ и Суффолькъ уходятъ.*)

ВОЛЬСЕЙ.

Вы, государь, такъ мудро поступили,
Какъ ни одинъ король не поступаль,
Отдавъ свои сомнѣнья добровольно
На судъ церковей. Кто жъ будетъ золь на васъ?
Чья ненависть достигнетъ васъ? Испанецъ,
Съ ней связанный и дружбою, и кровью,
Сознается – когда хоть капля въ немъ
Есть добраго – что это благородный
И честный судъ. Всѣ члены духовенства –
Ученѣйшихъ я разумѣю здѣсь –

Имѣють въ христіанскихъ государствахъ
Свободу голоса: вы пожелали –
И Римъ, отецъ разсудка, къ вамъ послалъ
Вотъ этого почтеннаго прелата,
Ученаго и праведнаго мужа –
Кампеюса – котораго я снова
Осмѣлюсь вамъ представить, государь.

КОРОЛЬ.

И снова я привѣтствую его
Объятыями – и вновь благодарю я
Святой конклавъ за всю его любовь.
Онъ мнѣ прислалъ такого человѣка,
Какого я имѣть всегда желалъ.

КАМПЕЮСЪ.

О, государь! неволью вы влечете
Къ себѣ любовь всѣхъ чужеземцевъ – въ васъ
Такъ много благодѣянія. Въ ваши руки
Передаю мое уполномочье,
Которымъ дворъ приказываетъ римскій
Вамъ, кардиналь, и мнѣ, его слугѣ,

462

Здѣсь обсудить все дѣло безпристрастно.

КОРОЛЬ.

Два, равныхъ добродѣтелями, мужа!
Немедленно унаетъ королева,
Зачѣмъ сюда вы присланы теперь.
Гдѣ Гардинеръ?

ВОЛЬСЕЙ.

Я знаю, государь,
Что вы всегда ее любили нѣжно,
Отъ всей души и что, навѣрно, ей
Дадите то, чего законно можетъ
И женщина простѣйшая просить –
Защитниковъ ученыхъ, чтобъ свободно
Они могла отстаивать ее.

КОРОЛЬ.

Конечно, да; притомъ же самыхъ лучшихъ;
И царское тому благоволенье,

Кто лучше всѣхъ свое исполнить дѣло –
Избави Богъ иначе поступать!
Пожалуйста, скажите, чтобъ явился
Къ намъ Гардинеръ, мой новый секретарь;
Онъ человѣкъ, какъ кажется, искусный.

ВОЛЬСЕЙ *уходитъ и тотчасъ же возвращается съ Гардинеромъ.*

ВОЛЬСЕЙ (*тихо Гардинеру*).

Жму руку вамъ. И милостей, и счастья
Желаю вамъ... вы – близкій короля.

ГАРДИНЕРЪ (*тихо Вольсею*).

И человѣкъ, готовый исполнять
Всѣ ваши повелѣнья, ваша свѣтлость.
Я вамъ моимъ обязанъ возвышеньемъ.

КОРОЛЬ.

Приблизьтесь, Гардинеръ.

(*Разговариваетъ съ нимъ.*)

КАМПЕЮСЪ (*Вольсею*).

Милордъ, скажите,
Не занималъ ли прежде эту должность
Какой-то докторъ Пэсъ?

ВОЛЬСЕЙ.

Да, занималъ.

КАМПЕЮСЪ.

Считался онъ ученымъ человѣкомъ?

ВОЛЬСЕЙ.

Конечно, да.

КАМПЕЮСЪ.

Такъ знайте, кардиналь,
Что и о васъ на этотъ счетъ дурная
Идетъ молва.

ВОЛЬСЕЙ.

Дурная?

КАМПЕЮСЪ.

Говорятъ,
Что стали вы завидовать ему,
И побоясь, чтобъ онъ не сталъ высоко,
Какъ доблестныхъ достоинствъ человѣкъ,

Его всегда держали въ отдаленнѣ;
И этимъ огорчили сильно такъ,
Что онъ съ ума сошелъ и умеръ вскорѣ.

ВОЛЬСЕЙ.

Да будетъ миръ съ его душою – это
Велитъ сказать долгъ христіанскій мнѣ;
Ну, а живыхъ хулителей моихъ
Смирить легко. Онъ просто былъ гупецъ
И черезчуръ любилъ ужъ добродѣтель.

(Показывая на Гардинера.)

А этотъ вотъ добрякъ всегда исполнитъ,
Что захочу ему я приказать –
И оттого лишь одному ему
Стоять такъ близко къ трону позволяю.
Поймите, братъ, мы не за тѣмъ живемъ,
Чтобъ младшіе могли насъ вытѣснять.

КОРОЛЬ *(Гардинеру)*.

Почтительно все это королевѣ
Представьте вы. *(Гардинеръ уходитъ.)*
По мнѣнью моему,
Для нашего ученаго совѣта
Приличнѣйшее мѣсто – Блекфрайарсъ;
Сойдитесь тамъ для этихъ важныхъ дѣлъ.
Вы, мой Вольсей, устройте все, какъ должно.
О, тяжело – не правда ли, милорды? –
Еще совсѣмъ здоровому мужчинѣ
Вдругъ связь прервать съ такой подругой милой!
Но совѣсть, совѣсть! щекотлива ты
И мнѣ велишь рѣшиться на разлуку.

(Уходятъ.)

Сцена III.

Тамъ же. Передняя въ комнатахъ королевы.

АННА БОЛЛЕНЪ и ПОЖИЛАЯ ЛЕДИ.

АННА БОЛЛЕНЪ.

Нѣтъ, даже ни за это – ни за это.
Тутъ острые, колючіе шипы.
Король съ ней жилъ такъ много лѣтъ; она же
Всегда была такъ истинно-добра,
Что ни одинъ языкъ не повернется
Сказать о ней дурное что-нибудь.

Да, жизнью я клянусь, что королева
Не знала никогда – какъ дѣлать зло.
И что жъ? Теперь, когда свершило солнце
Ужъ столько разъ свой путь надъ воцаренной,
Надъ взросшею въ величїи и блескѣ –
Теперь ее отвергнуть! – о, само
Чудовище тутъ сжалилось бы!

Л е д и .

Правда –
И самыя суровыя сердца
Смягчаются, скорбя о ней.

А н н а Б о л л е н ь .

О, Боже!
Ужъ лучше бѣ ей совсѣмъ не знать величья!

463

Пусть суетно, пусть временно оно;
Но ежели капризная фортуна
Съ нимъ разведетъ того, кто имъ владѣеть –
О, это боль такая, точно тѣло
Съ душою разстается.

Л е д и .

Ахъ, бѣдняжка!
Теперь она вновь чужестранкой станетъ.

А н н а Б о л л е н ь .

Тѣмъ болѣе должны о ней мы плакать.
Ахъ, лучше быть рожденной въ низкой долѣ
И съ бѣднякомъ въ довольствѣ жизнь вѣсти,
Чѣмъ на себѣ страданье золотое
И въ блескахъ скорбь торжественно носить.

Л е д и .

Да, лучшее изъ нашихъ благъ – довольство.

А н н а Б о л л е н ь .

Клянусь моею невинностью и честью,
Я не желала бѣ королевой быть.

Л е д и .

Ну, нѣтъ, а я желала бѣ и, пожалуй,
Рискнула бы невинностью своей.

Да вѣдь и вы готовы бѣ, несмотря
На маленькій припадокъ лицемѣрья:
Въ васъ много женскихъ прелестей, но въ васъ
И сердце женское – а это сердце
Всегда любило почести, богатство,
Владычество – все то, что справедливо
Мы благами зовемъ. И хоть вы здѣсь
Жеманитесь – а въ замшевую совѣсть
Вы впустите, конечно, эти блага,
Ее слегка порастянувъ.

АННА БОЛЛЕНЪ.

Неправда!

ЛЕДИ.

Нѣтъ, правда! правда! Будто бѣ королевой
И въ правду вы бѣ не пожелали быть?

АННА БОЛЛЕНЪ.

Нѣтъ, ни за всѣ сокровища земныя!

ЛЕДИ.

Вотъ чудеса! а я, какъ ни стара,
За старый пенсъ сейчасъ бы согласилась.
Ну, а насчетъ названья герцогини
Что скажете? Чтобъ этотъ титуль несть,
Достанеть ли въ васъ силы?

АННА БОЛЛЕНЪ.

Нѣтъ, признаться.

ЛЕДИ.

Такъ черезчуръ ужъ слабы тѣломъ вы.
Ну, спустимся еще пониже. Впрочемъ,
Быть вашимъ графомъ не хотѣла бѣ я
Изъ-за чего-нибудь побольше вещи,
Лишь покраснѣть заставившей меня.
Но если вамъ и это бремя трудно
Нестъ на себѣ, то немощны вы такъ,
Что мальчика родить не въ состояньи.

АННА БОЛЛЕНЪ.

Какая вы болтунья! Снова я
Клянуся вамъ, то королевой быть
За цѣлый мѣръ не захотѣла бѣ.

ЛЕДИ.

Право?
Но маленькая Англія могла бѣ
Васъ соблазнить. А я бы согласилась
За это взять одинъ Кернарвонширъ,
Когда бѣ лишь онъ принадлежалъ коронѣ.
Сюда идутъ. Кто это?

Входитъ ЛОРДЪ-КАМЕРГЕРЪ.

КАМЕРГЕРЪ.

Добрый день,
Миледи. Что вамъ надо заплатить,
Чтобы узнать бесѣды вашей тайну?

АННА БОЛЛЕНЪ.

И спрашивать не стоитъ, добрый лордъ!
Скорбѣли мы о нашей королевѣ.

КАМЕРГЕРЪ.

Прекрасное занятъе! совершенно
Приличное натурѣ добрыхъ женщинъ.
Однакоже – еще надежда есть,
Что все пойдетъ, какъ слѣдуетъ.

АННА БОЛЛЕНЪ.

Дай Богъ!

КАМЕРГЕРЪ.

Вы истинно добры душою. Небо
Такихъ, какъ вы, всегда благословляетъ.
Но чтобы вы увѣрились, миледи,
Что рѣчь моя отъ сердца и что ваши
Достоинства вниманье обратили
Монаршее – меня король послалъ
Вамъ изъяснить свое благоволенье
И объявить, что жалуется онъ васъ
Пэмброкскою маркизой; сверхъ того
Онъ тысячу назначилъ фунтовъ вамъ
Годичнаго дохода.

АННА БОЛЛЕНЪ.

Я не знаю,
Чѣмъ доказать ему свою покорность.
Все, что мое – не значить ничего;
Мои мольбы еще не столько святы,
Желанія мои – пустые звуки;
А это – все, чѣмъ я воздать могу.
Итакъ, милордъ, прошу васъ передайте

Его величеству мою покорность
И благодарность глубоко-смущенной
Его рабы, молящейся отъ сердца
О здравіи и царствіи его.

КАМЕРГЕРЪ.

Я поспѣшу усилить благосклонность,
Которую питаетъ къ вамъ король.
(Тихо.) Теперъ ее я понялъ; добродѣтель
И красота такъ тѣсно въ ней сплелись,
Что короля легко имъ было спутать,

464

И, можетъ-быть, - какъ знать? – вотъ эта леди
Намъ дастъ брильянтъ, который озаритъ
Весь островъ нашъ.
(Громко.) Прощайте; поспѣшу
Я къ королю и доложу, что съ вами
Я говорилъ.

АННА БОЛЛЕНЪ.

Прощайте, добрый лордъ!

(Камергеръ уходитъ.)

ЛЕДИ.

Такъ вотъ какъ! Ну, скажите же на милость!
Я при дворѣ шестнадцать лѣтъ скиталась,
Да и теперъ скитаюсь точно такъ же –
И хоть бы разъ мнѣ удалось попасть
Съ малѣйшей просьбой вѣ-время; а вамъ –
Судьба! судьба! вамъ новичку такому –
Срамъ, срамъ и срамъ навязчивому счастью! –
Вамъ до-полна набили ротъ, едва
Его раскрыть успѣли вы.

АННА БОЛЛЕНЪ.

Сама я
Дивлюсь тому.

ЛЕДИ.

Ну, какъ оно, по вкусу?
Не горько ли? Держу я сорокъ пенсовъ,
Что нѣтъ. Была когда-то леди - это
Ужъ старая исторія - она

Царицей быть никакъ не соглашалась,
Никакъ, за всю египетскую грязь...
Слыхали вы про это?

АННА БОЛЛЕНЪ.

Полно, вы
Все шутите.

ЛЕДИ.

О, я на вашемъ мѣстѣ
Повыше птицъ взлетѣла бы. Маркиза
Пэмброкская! годичный пенсіонъ!
И это все изъ уваженья только!
И никакихъ за это обязательствъ!
О, жизнью поклясться я могу,
Что здѣсь еще не мало тысячъ скрыто!
Шлейфъ почестей длиннѣй, чѣмъ ихъ передникъ.
Ну, ужъ теперь я поручусь, что вы
И титулъ герцогини вынести въ силахъ.
Признайтесь-ка, ужъ вы теперь сильнѣе,
Чѣмъ прежде?

АННА БОЛЛЕНЪ.

Добрая миледи, тѣшьтесь
Фантазіей своею, какъ хотите,
Но отъ нея увольте вы меня –
Я умерла сейчасъ бы, если бъ это
Извѣстіе меня развеселило.
Напротивъ, я дрожу при мысли только
О томъ, что можетъ ждать меня еще.
Однако, королева тамъ горюетъ,
А мы о ней забыли здѣсь совсѣмъ.
Пожалуйста, не проболтайте ей,
Что слышали вы здѣсь.

ЛЕДИ.

Да за кого же,
Миледи, вы считаете меня? (*Уходятъ.*)

Сцена IV.

Залъ въ Блекфрайарсѣ.

Трубы, литавры и рога. Входятъ два констэбля съ короткими серебряными жезлами; за ними два писца въ докторской одеждѣ; потомъ Архіепископъ Кентерберійскій одинъ; за нимъ Епископъ Линкольнскій, Элійскій, Рочестерскій и Сентъ-Асафскій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ

джентльмэнъ съ кошелемъ, большою печатью и кардинальскою шляпой; потомъ два священника съ серебряными крестами; маршалъ съ непокрытой головой, въ сопровожденіи герольда съ серебряной булавою; два джентльмена съ большими серебряными столбами; за ними рядомъ оба кардинала, Вольсей и Кампеюсъ; два лорда, каждый съ копьемъ и жезломъ, и, наконецъ, - Король и Королева со свитою. - Король садится подъ балдахиномъ; кардиналы - ниже его, какъ судьи; королева - въ нѣкоторомъ разстояніи отъ короля. Епископы помѣщаются по обѣимъ сторонамъ, какъ на соборахъ; ниже ихъ - писцы. Лорды садятся подлѣ епископовъ. Глашатай и остальная свита размѣщаются на сценѣ въ приличномъ порядкѣ.

ВОЛЬСЕЙ.

Пока читать мы полномочье будемъ
Отъ римскаго престола, всѣ должны
Молчать.

КОРОЛЬ.

Къ чему читать его? Публично
Ужъ прочтено оно и всѣ признали
Дѣйствительность его.

ВОЛЬСЕЙ.

Пусть будетъ такъ.
Пойдемъ впередъ.

ПИСЕЦЪ (глашатаю). Провозглашай: Генрихъ, король Англіи, явись къ суду.

ГЛАШАТАЙ. Генрихъ, король Англіи, явись къ суду.

КОРОЛЬ. Здѣсь!

465

ПИСЕЦЪ (глашатаю). Провозглашай: Екатерина, королева Англіи, явись къ суду.

ГЛАШАТАЙ. Екатерина, королева Англіи, явись къ суду!

КОРОЛЕВА.

(не отвѣчая, встаетъ съ своего мѣста, обходитъ судилище, подходитъ къ королю и преклоняетъ предъ нимъ колѣни.)

Я, государь, молю о правосудьи
И въ жалости молю не отказать
Мнѣ, женщинѣ бѣднѣйшей, чужестранкѣ,
Родившейся не въ вашемъ государствѣ.
Здѣсь для меня нѣтъ праведныхъ судей,
Нѣтъ вѣры въ судъ и дружбу безъ пристрастья.
Ахъ, государь, чѣмъ васъ я оскорбила?

Чѣмъ навлекла я гнѣвъ такой, что вы
Меня теперь отвергнуть захотѣли
И милости лишить меня своей?
Свидѣтель Богъ, всегда я оставалась
Вамъ вѣрною, покорною женой;
Всегда я уступала вашей волѣ,
Боясь вашъ гнѣвъ воспламенить; всегда
Я вашему покорствовала взгляду,
И то грустна, то весела была,
Смотря, какимъ я васъ самихъ встрѣчала.
Припомните, бывалъ ли часъ, когда
Я вашему противилась желанью
Или его не дѣлала своимъ?
Кого я не старалась изъ вашихъ
Друзей любить, хоть знала въ то же время,
Что мнѣ онъ врагъ? Кого, изъ мной любимыхъ,
Любить я продолжала и тогда,
Когда вашъ гнѣвъ навлекъ онъ? Государь,
Припомните, что я такой покорной
Женой была вамъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ,
Что вы меня дѣтьми благословили,
И если вы мнѣ въ силахъ доказать,
Что чѣмъ-нибудь за это время я
Нарушила супружескія узы
И честь мою, любовь и долгъ мой къ вашей
Священнѣйшей особѣ – ну, тогда
Отвергните меня, во имя Бога!
Пусть злѣйшее презрѣніе захлопнетъ
За мною дверь – и пусть предастъ меня
Строжайшимъ наказаньямъ. Государь,
Подумайте, что вашъ отецъ державный
Всегда, вездѣ былъ признанъ, какъ монархъ
Разумнѣйшій, правдивѣйшій, умнѣйшій;
Что мой отецъ, король испанскій, также
Изъ королей, какіе были тамъ,
Правителемъ мудрѣйшимъ почитался.
Такъ есть ли въ томъ сомнѣнье, что они
Вокругъ себя мудрѣйшихъ собирали
Совѣтниковъ изъ нашихъ государствъ,
И тѣ нашъ бракъ нашли вполнѣ законнымъ?
Вотъ почему смиренно я молю
Васъ, государь, помиловать меня
До той поры, пока не получу я
Извѣстій отъ моихъ друзей испанскихъ;
У нихъ хочу совѣта я просить.
А если нѣтъ, пусть будетъ воля Божья –

Исполните желаніе свое.

ВОЛЬСЕЙ.

Монархиня, теперъ передъ собою
Вы видите отцовъ почтенныхъ; вы
Избрали ихъ – все это люди рѣдкой
Учености и чести, украшенье
Всей Англїи. Они сошлись здѣсь,
Чтобъ обсудить вопросъ о вашемъ дѣлѣ.
Поэтому, нѣтъ цѣли вамъ желать
Отсрочить судъ, который принесетъ
И вамъ самимъ спокойствіе, и вмѣстѣ
Разсѣетъ всѣ сомнѣнья короля.

КАМПЕЮСЪ.

Лордъ говоритъ умно и справедливо,
И потому – прилично, королева,
Чтобъ царственный совѣтъ не прерывался
И чтобъ сейчасъ всѣ документы были
Представлены и выслушаны всѣми.

КОРОЛЕВА.

Лордъ-кардиналь, я съ вами говорю.

ВОЛЬСЕЙ.

Что вашему величеству угодно?

КОРОЛЕВА.

Лордъ, я почти готова плакать; только
Та мысль одна, что королева я –
Иль можетъ быть, все это были грезы –
Что, наконецъ, я государя дочь –
А это ужъ не грезы – обращаетъ
Въ струи огня потоки слезъ моихъ.

ВОЛЬСЕЙ.

Терпѣніе, монархиня, терпѣнье!

КОРОЛЕВА.

Да, буду я терпѣть, когда и вы
Смиритесь – но не прежде, пусть иначе
Меня накажетъ Богъ. Я твердо знаю,
На сильныя причины опираясь,
Что вы мнѣ врагъ, и объявляю здѣсь,
Что вамъ нельзя моимъ судьбою быть,
Затѣмъ что вы раздули это пламя
Межъ мной и повелителемъ моимъ.

Пусть Божія роса его потушить!
И потому – я снова повторяю –
Что всей душой я отвергаю васъ
И не хочу имѣть своимъ судьейю
Того, кого еще сильнѣй, чѣмъ прежде,
Я признаю зловреднѣйшимъ врагомъ
И далеко не другомъ правды.

ВОЛЬСЕЙ.

Я
Не узнаю васъ больше; вы всегда
Такъ кротки были; доброта и мудрость
Въ васъ превзошли всю мѣру женскихъ силъ –
И вами я обиженъ, королева.

466

Я злости къ вамъ малѣйшей не питаю;
Несправедливъ я не былъ никогда
Ни къ вамъ и ни къ кому; что сдѣлалъ я
И что еще я дальше дѣлать стану –
Ограждено все это полномочьемъ,
Мнѣ даннымъ отъ духовнаго суда,
Отъ римскаго духовнаго суда.
Меня вы обвиняете, что пламя
Я раздувалъ – я это отрицаю.
Король нашъ здѣсь; и если бъ видѣлъ онъ,
Что я отъ дѣлъ своихъ отрекся – какъ бы
На ложь мою возсталъ онъ справедливо!
Да, такъ, какъ вы – на искренность мою.
Когда жъ ему извѣстно, что свободенъ
Отъ нареканій вашихъ я, то знаетъ
И то король, что оскорбленъ я вами –
И долженъ онъ меня уврачевать;
А это врачеванье въ томъ одномъ,
Чтобъ удалить отъ васъ всѣ эти мысли.
Но прежде чѣмъ заговорить его
Величество – молю васъ, королева,
Забуть о томъ, что вы теперь сказали,
И болѣе не говорить о немъ.

КОРОЛЕВА.

Милордъ, милордъ, я женщина простая
И слабая, чтобъ съ вашимъ хитроумьемъ
Бороться. Вы смиренны и кротки?

Да, точно, вы свой санъ, свое призванье
Личиною смиренія одѣли,
Но сердце вы наполнили свое
Надменностью и злобой, и коварствомъ.
Любовь его величества и счастье
Вамъ помогли легко перескочить
Всѣ низшія ступени; а теперь,
Возвысившись, вы сдѣлали всѣ силы
Своей души опорами своими,
А всѣ слова – рабами вашей воли,
Готовыми на все, что вамъ угодно.
Да, знаю я, что вы гораздо больше
Заботитесь о почестяхъ своихъ,
Чѣмъ о своемъ призваніи духовномъ.
Моимъ судьей имѣть васъ – повторяю –
Я не хочу, и здѣсь, предъ всѣми вами,
Я къ папѣ апеллирую. Его
Святѣйшеству передаю все дѣло,
И пусть меня онъ судить самъ.

(Преклоняется предъ королемъ и хочетъ удалиться.)

КАМПЕЮСЪ.

Упорно
На правый судъ возстала королева,
И, обвинивъ его, полна презрѣнья,
Отвергнула его. Нехорошо!
Она идетъ...

КОРОЛЬ.

Зовите вновь ее.

ГЛАШАТАЙ. Екатерина, королева Англїи, явись къ суду!

ГРИФФИТЪ.

Монархиня, зовутъ васъ.

КОРОЛЕВА.

Вамъ-то что?
Ступайте вы дорогою своей,
И если позовутъ васъ – возвратитесь.
Пусть Богъ теперь поможетъ мнѣ! Они
Меня совсѣмъ выводятъ изъ терпѣнья.
Прошу я васъ – идите. Не останусь
Я дольше здѣсь и никогда впередъ
И ни въ одномъ изъ этихъ всѣхъ судилищъ
Не появляюсь по дѣлу моему.

(Уходитъ съ Гриффитомъ и своей свитой.)

КОРОЛЬ.

Иди своей дорогой, Кэтъ. Кто скажетъ,
Что у него жена есть лучше этой –
Тому ни въ чемъ не вѣрьте вы, затѣмъ,
Что онъ неправду скажетъ. Ты была бы
Царицею изъ всѣхъ земныхъ царицъ,
Когда бъ къ тому необходимы были
Лишь рѣдкія достоинства твои:
Любезность милая, святая кротость,
Величье женское, покорность власти –
Всѣ качества, которыя тебя
Такъ царственно и свято украшаютъ.
Рожденная отъ крови благородной,
Она во всѣхъ сношеніяхъ со мной
Всегда свое хранила благородство.

ВОЛЬСЕЙ.

Съ смиреніемъ глубокимъ, государь,
Молю я васъ здѣсь объявить, чтобъ уши
Сидящихъ здѣсь услышали отъ васъ –
Затѣмъ-что гдѣ былъ связанъ и ограбленъ
Несчастный путникъ, тамъ и развязать
Его должно, конечно, хоть и этимъ
Я не могу вполнѣ довольнымъ быть –
Я ль, государь, затѣять это дѣло
Васъ научилъ? Я ль поселилъ сомнѣнье
У васъ въ душѣ, подвигнувшее васъ
Подвергнуть все судебному разбору?
И кромѣ словъ благодаренья Богу
За славную такую королеву,
Сказалъ ли я хоть слово вамъ одно
Во вредъ ея теперешнему сану
Иль добротѣ ея высокой?

КОРОЛЬ.

Я,
Лордъ-кардиналь, оправдываю васъ,
И здѣсь теперь клянусь моею честью –
Невинны вы. Не безызвѣстно вамъ,
Что вы враговъ имѣете не мало,
Не знающихъ, за что они враги,
Но лающихъ, какъ сельскія собаки,
Когда друзья ихъ лаютъ; кѣмъ-нибудь
Изъ нихъ вселенъ гнѣвъ въ королеву: вы
Оправданы. Хотите ли еще

Быть болѣе оправданнымъ? Всегда вы
Желали это дѣло усыпить
И никогда ему вы не хотѣли
Движенъе дать; напротивъ, часто вы
Ему въ пути преграды поставляли.
Да, я клянусь, что добрый кардиналъ
Такъ поступалъ – и онъ вполнѣ невиненъ.
Но что жъ меня подвигнуло къ тому?
Вниманія и времени прошу я.
Послушайте – вотъ какъ случилось это.
Внимайте хорошенько. Въ первый разъ
Почувствовалъ я въ совѣсти волненъе,
Сомнѣнъе, боль отъ нѣсколькихъ рѣчей,
Мнѣ сказанныхъ епископомъ Байонскимъ,
Посланникомъ французскимъ. Онъ былъ присланъ
Сюда затѣмъ, чтобъ обсудить вопросъ
О бракѣ нашей дочери Маріи
И принца Орлеанскаго. Межъ тѣмъ
Какъ дѣло шло и прежде окончанья
Епископъ вдругъ отсрочку попросилъ,
Съ тѣмъ, чтобы могъ онъ своему монарху
На видъ сперва такой вопросъ поставить:
Законно ли дочь наша рождена,
Такъ какъ нашъ бракъ былъ заключенъ съ вдовою,
Супругой братнею. Отсрочка эта
До глубины мнѣ совѣсть потрясла;
Вошла въ меня съ такой разящей силой,
Что трепетать заставила и сердце,
И грудь; она дорогу проложила
Тревожнымъ думамъ – и, роясь, онѣ
Меня гнетутъ напоминаньемъ этимъ.
Сначала мнѣ казалось, что у Неба
Я милости лишился; что оно
Природѣ приказало, чтобы чрево
Моей жены, какъ только отъ меня
Зачнется въ немъ дитя мужского пола –
Силь жизненныхъ несло бъ ему не больше,
Чѣмъ ихъ несетъ могила мертвецу.
Дѣйствительно, всѣ дѣти умирали
Иль тамъ, гдѣ ихъ зачатъе началось,
Иль вслѣдъ за тѣмъ, какъ міръ на нихъ повѣялъ.
Отсюда мысль, что это божья кара,
Что царскія владѣнія мои,

Достойныя прекраснѣйшаго въ свѣтѣ
Наслѣдника, не будутъ чрезъ меня
Имъ осчастливлены. Потомъ я взвѣсилъ
Опасности, которымъ подвергалась
Моя страна, не видя отъ меня
Наслѣдника – и стонамъ горькой муки
Предался я отъ этого. Такъ я
По морю бурному сомнѣній несся
И, наконецъ, у средства я присталъ,
Которое насъ здѣсь соединило:
Казалось мнѣ, что совѣсти моей,
Которая тогда болѣла сильно
Да и теперь здорова не совсѣмъ,
Дадутъ покой почтенные отцы
И доктора ученѣйшіе наши.
Сперва я сталъ секретно говорить,
Лордъ Линкольнъ, вамъ. Вы помните, какъ сильно
Я мучился подъ бременемъ моимъ,
Когда предъ вами въ первый разъ открылся?

Линкольнъ.

Да, помню хорошо, мой государь.

Король.

Я долго говорилъ – теперь прошу васъ
Самихъ сказать, насколько вы меня
Умѣли успокоить?

Линкольнъ.

Государь,
Сначала я такъ сильно былъ взволнованъ
Вопросомъ тѣмъ, который несъ въ себѣ
Такъ много важнаго и слѣдствій страшныхъ,
Что мысль мою смѣлѣйшую сомнѣнью
Я передалъ и предложилъ тогда
Я вашему величеству дорогу,
Которую вы приняли.

Король.

Затѣмъ
Вамъ дѣло я открылъ, лордъ Кентербери,
И вашего просилъ я позволенья
Собраніе составить. Никого
Изъ членовъ этого суда почтенныхъ
Не спрошеннымъ я не оставилъ. Нѣтъ –
Отъ cadaго я получилъ согласье,
За подписью и за печатью вашей.

Рѣшайте же: торопить это дѣло
Не ненависть къ особѣ королевы,
А острые, тернистые шипы
Изложенныхъ предъ вами обстоятельствъ.
Признайте лишь законнымъ этотъ бракъ –
И жизнью я, и королевскимъ саномъ
Клянусь, что мнѣ пріятнѣй провести
Всю будущность величія земного
Съ Екатериной, нашей королевой,
Чѣмъ съ женщиной прелестнѣйшей, какую
Когда-нибудь былъ скрашенъ этотъ міръ.

КАМПЕЮСЪ.

Осмѣлюсь доложить вамъ, государь,
Что такъ-какъ нѣтъ межъ нами королевы,
То отложить должны мы засѣданье;
А между-тѣмъ серьезнымъ убѣжденьемъ
Подѣйствовать на королеву должно,
Чтобы она отъ мысли отеклась –
Къ его святѣйшеству прибѣгнуть.

(Всѣ встаютъ.)

КОРОЛЬ *(про себя)*.

Вижу,
Хитрятъ со мной всѣ эти кардиналы.
Противны мнѣ всѣ проволочки ихъ
И римское лукавство. Поскорѣ

468

Вернись ко мнѣ, мой Кранмеръ, умный мой,
Любимѣйшій слуга! Съ твоимъ пріѣздомъ
И мой покой, я знаю, возвратится.
(Громко.) Закройте засѣданье. Мы идемъ.

(Всѣ уходятъ въ томъ же порядкѣ, какъ пришли.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена I.

Дворецъ въ Брайдвелѣ. Комната королевы.

КОРОЛЕВА и нѣсколько придворныхъ женщинъ; онѣ сидятъ за работой.

КОРОЛЕВА *(одной изъ женщинъ)*.

Дитя, возьми за лютню; очень грустно
Въ моей душѣ; спой пѣсню и разсѣй
Мою тоску, когда разсѣять можешь.
Оставь свою работу; пой, дитя.

ПѢСНЯ.

Пѣль Орфей, - деревъ вершины,
Дикихъ, горныхъ высей льдины
Преклонялись, думъ полны;
Все въ природѣ расцвѣтало,
Точно солнышко, блистало
Въ благодатный день весны,
Всѣ созданья – даже море,
Что бушуетъ на просторѣ –
Все склонялось головой;
Убивали эти звуки
Всѣ страданья, скорби, муки
Силой чудной и живой.

Входитъ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

КОРОЛЕВА.

Что надо вамъ?

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Осмѣлюсь доложить,
Монархиня: въ приѣмной кардиналы
Стоять и ждутъ.

КОРОЛЕВА.

Что жъ, говорить со мной
Они хотятъ?

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Такъ точно, королева.

КОРОЛЕВА.

Просите ихъ пожаловать.
(*Дженльмэнъ уходитъ.*) Что можетъ
Ихъ привести ко мнѣ – ко мнѣ, больной,
Отвергнутой и слабой? Непрiятень
Мнѣ ихъ приходъ. Имъ слѣдовало бъ быть
Правдивыми; но ахъ, одинъ клобукъ
Не дѣлаетъ монахомъ человѣка.

Входятъ ВОЛЬСЕЙ и КАМПЕЮСЪ.

ВОЛЬСЕЙ.

Миръ вашему величеству!

КОРОЛЕВА.

Меня

Застали вы въ хозяйственныхъ занятяхъ;
Но къ худшему готовясь, обо всемъ
Забочусь я. Что будетъ вамъ угодно,
Почтенные милорды?

ВОЛЬСЕЙ.

Если вамъ,
Монархиня, угодно вмѣстѣ съ нами
Пожаловать въ вашъ кабинетъ, то тамъ
Мы объяснимъ причину посѣщенья.

КОРОЛЕВА.

Скажите здѣсь. До этихъ поръ еще,
По совѣсти, я ничего такого
Не сдѣлала, что въ уголъ уходитъ
Меня бѣ могло заставить. И желаю,
Чтобъ женщины другія такъ же это
Могли сказать свободно, какъ и я.
Мнѣ все равно – и въ этомъ я, милорды,
Счастливице, чѣмъ многія – у всѣхъ ли
На языкѣ мои поступки, всѣ ли
Глаза на нихъ взираютъ, встаютъ ли
Злорѣчіе и зависть противъ нихъ –
Такъ жизнь моя чиста. Когда пришли вы,
Чтобъ вывѣдать, что надо, отъ меня,
Какъ женщины, то смѣло говорите:
Вѣдь, истина не дѣйствуетъ тайкомъ.

ВОЛЬСЕЙ. *Tanta est erga te mentis integritas, regina serenissima...*

КОРОЛЕВА.

О, добрый лордъ, увольте отъ латыни!
Прибывъ сюда, я не лѣнилась такъ,
Чтобъ языку страны не научиться;
Отъ языка чужого мой процессъ
Становится, увы, еще темнѣе,
Двусмысленнѣй. Прошу васъ говорить
По-англійски. Здѣсь многія, конечно,
За госпожу несчастную свою
Обязаны вамъ будутъ, если правду
Вы скажете; повѣрьте мнѣ, она
Обижена не мало. Если даже
Есть у меня и вольные грѣхи,

Лордъ-кардиналъ, то отпустить ихъ можно
По-англійски.

ВОЛЬСЕЙ.

Прискорбно очень мнѣ,
Монархиня, что вся моя правдивость
И вѣрное служеніе его
Величеству и вамъ – могли такое
Сомнѣніе ужасное родить.
Мы не затѣмъ пришли, чтобъ обвиненьемъ
Набросить тѣнь на добродѣтель ту,
Которую вездѣ благословляютъ
Всѣ добрые, и не затѣмъ, чтобъ вамъ
Скорбь новую прибавить. Много горя
Вы терпите, высокая душа,
И безъ того. Хотимъ узнать мы только,

469

Какъ будетъ вамъ угодно поступить
Въ возникнувшемъ процессѣ между вами
И королемъ; хотимъ вамъ передать,
По совѣсти и чести, наше мнѣніе
И предложить вамъ помощь и совѣтъ.

КАМПЕЮСЪ.

Высокая монархиня, лордъ Іоркскій,
По честности души своей, по чувству
Усердія и преданности той,
Которую онъ къ вамъ питалъ всегда,
Забывъ давно – какъ подобаешь добрымъ –
Послѣднія нападки на него,
Вамъ предлагаетъ такъ же, какъ и я,
Свои совѣты мудрые и помощь.

КОРОЛЕВА (*въ сторону*).

Чтобы предать меня. (*Вслухъ.*) Милорды, васъ
Обоихъ я за доброе желанье
Благодарю; вы говорите такъ,
Какъ честные. Дай Богъ, чтобъ ими были
На дѣлѣ вы! Но дать сейчасъ отвѣтъ
Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, честь мою
Затронувшемъ такъ близко, а быть-можетъ,
И жизнь мою, съ моимъ простымъ умомъ,
И двумъ такимъ ученымъ, важнымъ людямъ –
Я не могу. Межъ дѣвушекъ своихъ

Сидѣла я съ работой, Богъ свидѣтель,
Не думая ни о такихъ гостяхъ,
Ни о дѣлахъ такихъ. Изъ уваженья
Хоть къ *той*, кѣмъ я была до этихъ поръ –
Величіе мое къ концу приходитъ,
Я чувствую – милорды, дайте мнѣ
Обдумать все внимательно. Увы
Я женщина безъ друга, безъ надежды!

ВОЛЬСЕЙ.

Монархиня, сомнѣніемъ такимъ
Обиду вы любви государя
Наносите. Надеждъ, какъ и друзей,
У васъ число безмѣрное.

КОРОЛЕВА.

Едва ли
Здѣсь въ Англіи есть польза мнѣ отъ нихъ.
Ужели вамъ казаться можетъ, лорды,
Что кто-нибудь изъ англичанъ посмѣетъ
Мнѣ дать совѣтъ? Иль, вопреки его
Величеству, моимъ открытымъ другомъ
Явиться здѣсь? А если бы и могъ
Найтись такой отчаянно-правдивый,
То развѣ онъ остался бѣ между насъ,
Какъ подданный? Нѣтъ, тѣ друзья, что могутъ
Снять бремя все моей печали, тѣ,
Которымъ я могу повѣрить смѣло,
Живутъ не здѣсь. Они, какъ все мое
Отрадное и милое, далеко
Отъ этихъ мѣстъ – на родинѣ моей.

КАМПЕЮСЪ.

Я отъ души желалъ бы, королева,
Чтобъ вы свой гнѣвъ забыли и совѣтъ
Мой приняли.

КОРОЛЕВА.

Какой же?

КАМПЕЮСЪ.

Предоставить
Вамъ слѣдуетъ все дѣло королю:
Онъ любить васъ и полонъ милосердья.
Такъ поступивъ, и чести вашей вы,
И вашему процессу больше пользы
Доставите, затѣмъ-что если судъ

Признаетъ васъ виновною – съ позоромъ
Уйдете вы.

ВОЛЬСЕЙ.

Онъ правду говорить.

КОРОЛЕВА.

Совѣтуетъ онъ то, чего вы оба
Желаете – паденіе мое.
Совѣтъ вполнѣ, не правда ль, христіанскій?
О, стыдно вамъ! Но Небо надо всѣмъ
Еще стоитъ, и ни одинъ властитель
Не соблазнить Верховнаго Судью.

КАМПЕЮСЪ.

Вашъ гнѣвъ виной, что вы на насъ глядите
Ошибочно.

КОРОЛЕВА.

Такъ тѣмъ стыднѣй для васъ.
Клянусь душой, что васъ людьми святыми
Считала я, почтенными людьми
И полными достоинствъ кардинальскихъ;
Теперь же въ васъ я вижу лишь грѣхи
Такіе же и двѣ души пустыя.
О, стыдно вамъ, милорды! вы должны
Исправиться. Вотъ ваше утѣшенье,
Вотъ то питье цѣлебное, что вы
Приносите несчастнѣйшей изъ женщинъ,
Которую вы бросили во прахъ
И предали на злое посмѣянье?
О, бѣдъ моихъ и половины вамъ
Не стану я желать: я милосердна
Не такъ, какъ вы. Но слушайте, я васъ
Предостеречь желаю: берегитесь,
О, ради Неба, берегитесь вы,
Чтобъ наконецъ, моихъ печалей бремя
На васъ самихъ не пало!

ВОЛЬСЕЙ.

Королева,
Вы внѣ себя! Ту преданность, что вамъ
Приносимъ мы, вы превратили въ злобу
Коварную.

КОРОЛЕВА.

А вы меня – въ ничто.

О, горе вамъ и всѣмъ такимъ же ложнымъ
Учителямъ! Какъ! Если бы у васъ
И доброта, и жалость оставались,
И если бы вы были чѣмъ-нибудь
Поболѣе священнической рясы –

470

Вы стали бы совѣтовать, чтобъ я
Довѣрила мое больное дѣло
Рукъ врага? Увы, уже давно
Я лишена его любви и ложа!
Я ужъ стара, милорды – и теперъ
Съ нимъ связана покорностью одною.
Ужъ худшаго несчастья для меня
Не можетъ быть, а ваше все старанье –
Такое же проклятіе навлечъ
На жизнь мою.

КАМПЕЮСЪ.

Вашъ страхъ всего ужаснѣй.

КОРОЛЕВА.

Какъ будто бы... когда друзей найти
Не можетъ добродѣтель, такъ ужъ дайте
Мнѣ говорить самой... какъ будто я
Такъ долго не была ему женою,
И вѣрною женой – безъ хвастовства
Могу сказать – ни разу подозрѣньемъ
Не заклеянной? Развѣ королю
Я душу всю свою не отдавала?
И развѣ онъ мнѣ не былъ послѣ Бога
Дороже всѣхъ? Когда-нибудь ему
Я не была послушна? Суевѣрной
Изъ нѣжности какъ будто не была?
Чтобъ угодить ему, не забывала
Своихъ молитвъ? И такъ награждена
За это все! Нехорошо, милорды!
Пусть кто-нибудь покажетъ мнѣ жену
Вѣрнѣйшую, которой даже въ грезахъ
Являлося блаженство лишь одно –
Спокойствіе любимаго супруга,
И пусть она все сдѣлаетъ, - ее
Я превзойду достоинствомъ однимъ –
Терпѣніемъ великимъ.

ВОЛЬСЕЙ.

Королева,
Отъ нашего благого предложенья
Вы отошли.

КОРОЛЕВА.

Милордъ, я никогда
Не сдѣлаю сама себя настолько
Преступною, чтобъ кинуть добровольно
Высокій санъ, съ которымъ съединилъ
Меня король – и развести насъ можетъ
Лишь смерть одна.

ВОЛЬСЕЙ.

Покорнѣйше прошу
Васъ выслушать...

КОРОЛЕВА.

О, лучше бъ не вступать
Мнѣ никогда на англійскую землю
И не вкушать той лести, что растеть
На ней! У васъ все ангельскія лица,
Но каковы сердца – то знаетъ Богъ.
Ахъ, что теперь со мною, бѣдной, будетъ?
Нѣтъ женщины несчастнѣе меня.

(обращаясь къ своимъ женщинамъ.)

Вы, бѣдныя... Увы, и ваше счастье
Прошло съ моимъ! Разбился нашъ корабль
На берегу, гдѣ нѣтъ ни состраданья,
Ни друга, ни надеждъ; гдѣ обо мнѣ,
Ахъ! ни одинъ родной не станеть плакать,
Гдѣ даже нѣтъ могилы для меня.
Какъ лилія, которая надъ полемъ
Въ былые дни царила и цвѣла,
Я головой поникну и увяну.

ВОЛЬСЕЙ.

Когда бы вы, монархиня, могли
Увѣриться, что дѣйствуемъ мы честно,
Ужъ эта мысль утѣшила бы васъ.
Подумайте: къ чему, съ какою цѣлью
Мы стали бы вредить вамъ, королева?
Такъ поступать, вѣдь, запрещаютъ намъ
Нашъ санъ и родъ занятій нашихъ. Горе
Мы врачевать обязаны – не сѣять.

Подумайте, что дѣлаете вы;
Подумайте, что вы себѣ вредите
И съ королемъ расходитесь совсѣмъ.
Сердца царей цѣлуютъ послушанье –
Такъ имъ оно любезно; но зато
Строптивостью раздуть ихъ можно только
И превратить въ ужасный ураганъ.
Я знаю, вы нѣжны и благородны;
Какъ моря тишь, душою вы кротки;
Признайте жъ насъ по сану, королева,
За вашихъ слугъ, друзей и миротворцевъ.

КАМПЕЮСЪ.

И ими мы окажемся на дѣлѣ.
Монархиня, достоинства свои
Вы женскою боязнію мрачите.
Высокій духъ, который въ васъ живетъ,
Подобныя сомнѣнья, какъ монету
Фальшивую, бросаетъ отъ себя.
Король-супругъ васъ любитъ: берегитесь
Его любовь утратить. Что до насъ,
То если вамъ угодно ваше дѣло
Довѣрить намъ, готовы будемъ мы
На службу вамъ отдать всѣ наши знанья.

КОРОЛЕВА.

Какъ знаете, такъ дѣлайте. Прошу
Простить меня, когда была я съ вами
Невѣжлива. Вы знаете, что я,
Вѣдь, женщина, не умная настолько,
Чтобъ отвѣчать такимъ, какъ вы, особамъ,
Какъ слѣдуетъ. Прошу васъ передать
Его величеству мою покорность.
Моя душа принадлежитъ ему
До этихъ поръ; ему – мои молитвы,
Пока во мнѣ не прекратится жизнь.
Пойдемъ теперь, почтенные отцы;
Совѣтами меня не оставляйте.
У васъ теперь совѣтовъ просить та,

471

Которая, когда на берегъ вашъ вступала,
Такъ дорого купить корону не мечтала.

(Уходятъ.)

Сцена II.

Передняя на половинѣ короля.

Входятъ: Герцогъ Норфолькъ, Герцогъ Суффолькъ, Графъ Серри и Лордъ-Камергеръ.

Норфолькъ.

Вамъ стоитъ лишь всѣ жалобы свои
Соединить въ одну и ихъ усилить
Настойчивостью твердой – кардиналь
Не устоитъ, навѣрно. Если жъ только
Упустите благопріятный мигъ –
Ручаюсь вамъ за новыя обиды
Въ добавокъ къ тѣмъ, которыя не разъ
Терпѣли вы.

Серри.

Мнѣ дорогъ каждый случай,
Когда могу я тестя своего
Припомнить вновь, чтобъ отомстить Вольсею.

Суффолькъ.

Кого изъ пэровъ онъ не оскорбилъ
Когда-нибудь своимъ пренебреженьемъ?
Въ комъ онъ цѣнилъ дворянское отличие,
Какъ не въ одномъ себѣ?

Камергеръ.

Милорды, вы
Желанія здѣсь высказали ваши.
Какъ услужилъ онъ вамъ и мнѣ – я знаю;
Но можно ль намъ сломить его, хотя
Дѣла для насъ пошли благопріятно –
Еще вопросъ сомнительный. Когда
Не можете вы доступа къ монарху
Его лишить, такъ нечего итти
Противъ него: языкъ его имѣетъ
На короля волшебное вліянье.

Норфолькъ.

Не бойтесь: все могущество его
Исчезнуло. Король узналъ такія
Дѣла его, которыя весь медъ
Его рѣчей испортили навѣки.
Нѣтъ, ужъ теперь въ немилость онъ попалъ
И изъ нея не выйдетъ.

СЕРРИ.

Я готовъ,
Хоть каждый часъ, такія вѣсти слушать.

НОРФОЛЬКЪ.

Повѣрьте мнѣ, я правду говорю.
Двуличная игра его въ процессѣ
Раскрылась вся; явился онъ такимъ,
Какимъ бы я желалъ явиться только
Лишь своему врагу.

СЕРРИ.

Скажите, какъ
Его дѣла открылись?

СУФФОЛЬКЪ.

Крайне странно.

СЕРРИ.

Скажите же, пожалуйста!

СУФФОЛЬКЪ.

Письмо,
Которое адресовалъ онъ папѣ,
Нечаянно попало къ королю.
Король прочелъ, какъ кардиналъ святого
Отца просилъ остановить разводъ.
«Я – онъ писалъ – замѣтилъ, что опутанъ
Мой государь любовію къ одной
Изъ креатуръ Екатерины, леди
Аннѣ Болленъ.»

СЕРРИ.

И это-то письмо
У короля?

СУФФОЛЬКЪ.

Да.

СЕРРИ.

И оно окажетъ
Вліяніе?

КАМЕРГЕРЪ.

Увидитъ изъ него
Король, что онъ его же путь обходитъ
И портитъ лишь преградами. Но тутъ

Всѣ хитрости его должны разбиться:
Съ лѣкарствомъ онъ является тогда,
Когда больной скончался, - ужь обвинчанъ
Съ красавицей король.

СЕРРИ.

О если бь такъ!

СУФФОЛЬКЪ.

Вы счастливы, милордъ, въ желаньи вашемъ:
Я васъ могу увѣрить, что оно
Исполнилось.

СЕРРИ.

Привѣтствую всѣмъ сердцемъ
Я этотъ бракъ.

СУФФОЛЬКЪ.

И я.

НОРФОЛЬКЪ.

И всѣ.

СУФФОЛЬКЪ.

Приказы
Ужь отданы насчетъ коронованья;
Но это все такъ молодо еще,
Что не должны о немъ всѣ уши слышать.
А все-таки, милорды, вѣдь, она –
Прелестное созданье, совершенство
И по уму, и по чертамъ лица.
Я убѣжденъ, что наше государство
Блаженный даръ получить отъ нея
И этотъ даръ навѣки будетъ помнить.

472

СЕРРИ.

Но что, когда – не дай Господь – король
Переварить посланье кардинала?

НОРФОЛЬКЪ.

И я скажу: не дай Господь!

СУФФОЛЬКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Не мало ось другихъ еще у носа
Его жужжить – и ускорять онѣ
Эффектъ письма послѣдняго. Кампеюсъ
Уѣхаль въ Римъ украдкой, не простившись
И не рѣшивъ процесса короля;
Уѣхаль онѣ агентомъ кардинала,
Чтобъ помогать всѣмъ хитростямъ его.
Узнавъ о томъ, могу я васъ увѣрить,
Нашъ государь воскликнулъ: «га!»

КАМЕРГЕРЪ.

Господь
Воспламени его – и пусть погромче
Кричитъ онѣ: «га!»

НОРФОЛЬКЪ.

Однакоже, милордъ,
Не знаете ль, когда вернется Кранмеръ?

СУФФОЛЬКЪ.

Вернулся онѣ и мнѣнью своему
Не измѣнилъ. По дѣлу о разводѣ
Онѣ разогналъ сомнѣнья короля,
И всѣ почти изъ университетовъ
Славнѣйшихъ христіанства съ нимъ согласны.
Я думаю, что скоро возвѣстятъ
Вторичный бракъ – коронованье Анны.
Екатерину же отнынѣ будутъ звать
Не королевой, а вдовою принца
Артура.

НОРФОЛЬКЪ.

Кранмеръ славный человекъ,
И въ короля процессъ потрудился
Не мало онѣ.

СУФФОЛЬКЪ.

Конечно. Но за то
И будетъ онѣ архіепископъ скоро.

НОРФОЛЬКЪ.

Да, слышалъ я.

СУФФОЛЬКЪ.

Навѣрно. Кардиналъ!

(Отходятъ въ сторону.)

Входятъ ВОЛЬСЕЙ и КРОМВЕЛЬ.

НОРФОЛЬКЪ.

Смотрите-ка, смотрите, какъ онъ мрачень!

ВОЛЬСЕЙ (*Кромвелю*).

Вручили ль вы пакетъ мой королю?

КРОМВЕЛЬ.

Такъ точно, лордъ – въ его опочивальнѣ
И въ собственныя руки.

ВОЛЬСЕЙ.

Просмотрѣлъ
Бумаги онъ?

КРОМВЕЛЬ.

Пакетъ онъ распечаталъ
Немедленно – и только сталъ читать,
Какъ сдѣлался серьезень, и покрылось
Его лицо вниманьемъ напряженнымъ.
Онъ приказалъ, чтобъ нынче утромъ вы
Пришли сюда.

ВОЛЬСЕЙ.

Онъ скоро выйдетъ?

КРОМВЕЛЬ.

Скоро,
Я думаю.

ВОЛЬСЕЙ.

Оставьте на минуту
Меня. (*Кромвель уходитъ.*) Въ сторону.
На герцогиню Алансонъ,
Французскую принцессу, долженъ выборъ
Его упасть: онъ женится на ней.
Боллень? Нѣтъ, нѣтъ! Болленовъ не хочу я!
Тутъ дѣло все не въ красотѣ одной!
Боллень! Нѣтъ, нѣтъ! Болленовъ намъ не надо!
Хотѣлъ бы я скорѣе получить
Извѣстіе изъ Рима. Гм! Маркиза
Пэмброкская!

НОРФОЛЬКЪ.

Онъ чѣмъ-то разсерженъ.

СУФФОЛЬКЪ.

Быть-можетъ, онъ узналъ уже, что точить
Король свою досаду на него.

СЕРРИ.

О, отточи ее острѣе, Боже
Мой праведный!

ВОЛЬСЕЙ (*въ сторону*).

Статсъ-дама королевы,
Дочь всадника простого, станетъ вдругъ
У госпожи своей же госпожою,
Монархиней монархини! Нѣтъ, эта
Свѣча горитъ неясно; снять съ нея
Обязанъ я: тогда она потухнетъ.
Что пользы въ томъ, что и добра она
И счастья такого очень стоитъ?
Но знаю я ее, какъ лютеранку
Усердную. Не будетъ намъ добра,
Когда она лежать въ объятяхъ будетъ
У короля, которымъ управлять
Такъ нелегко. И такъ же водворился
Здѣсь еретикъ, ужасный еретикъ, -
Въ любовь царя прокрался этотъ Кранмеръ,
И сдѣлался оракуломъ его.

(*Отходитъ въ раздумьи въ глубину сцены.*)

НОРФОЛЬКЪ.

Сомнѣнья нѣтъ, онъ чѣмъ-то озабоченъ.

СУФФОЛЬКЪ.

Желалъ бы я, чтобъ чѣмъ-нибудь такимъ,
Что разорвать могло бы жилу въ сердцѣ.

473

Входятъ Король, читая записку, и Ловель.

СУФФОЛЬКЪ.

Король, король!

КОРОЛЬ.

Какую пропасть денегъ
Онъ накопилъ для самого себя!
И сколько ихъ онъ каждый часъ мотаетъ!
И какъ онъ могъ такъ много понабрать,

Подъ видомъ экономіи? Ну, что жъ,
Вы видѣли, милорды, кардинала?

НОРФОЛЬКЪ.

Да, государь, ужъ нѣсколько минутъ
Мы здѣсь стоимъ, за нимъ все наблюдая.
Волненіемъ какимъ-то страннымъ мозгъ
Его объять. То онъ кусаетъ губы,
То вздрогнетъ вдругъ, то станетъ неподвижно
И устремитъ глаза къ землѣ; потомъ
Вдругъ проведетъ по головѣ рукою,
Начнетъ ходить поспѣшно, или вновь
Останется недвиженъ; послѣ сильно
Бьетъ въ грудь себя иль возведетъ глаза
На небеса. Да, странныхъ положеній
Не мало онъ при насъ перемѣнилъ.

КОРОЛЬ.

Что жъ, можетъ-быть, дѣйствительно возстанье
Въ его умѣ. Сегодня утромъ онъ,
По моему желанью, для просмотра
Бумаги мнѣ прислалъ – и что же въ нихъ
Я вдругъ нашель? Конечно, это было
Положено безъ умысла: нашель
Я опись всѣхъ вещей его, сокровищъ
И утвари домашней, и одеждъ
Роскошнѣйшихъ – такое изобилье,
Какого быть не можетъ никогда
У подданныхъ.

НОРФОЛЬКЪ.

О, это Божья воля!
Бумагу ту незримый духъ вложилъ
Въ пакетъ затѣмъ, чтобъ осчастливить
Вашъ взоръ.

КОРОЛЬ.

Когда бъ мы думали, что онъ
Паритъ теперь въ мечтаньяхъ надъ землею
И на предметъ духовный мысль свою
Всю устремилъ – мы нарушать не стали бъ
Тѣхъ думъ его; но я боюсь, что мысль
Въ немъ занята подлунными вещами,
Серьезныхъ думъ не стоящими.

(Садится и что-то шепчетъ Ловелю, который подходитъ къ Вольсею.)

ВОЛЬСЕЙ.

Богъ
Меня прости! Благослови Онъ ваше
Величество!

КОРОЛЬ.

Мой добрый кардиналь,
Небесныхъ вы исполнены сокровищъ,
И опись ихъ начертана у васъ
Въ душѣ. Ее, конечно, пробѣгали
Вы только-что, и врядъ ли можно вамъ
Отъ набожныхъ занятій хоть минуту
Урвать на то, чтобъ посвятить ее
Земнымъ дѣламъ. Вы въ этомъ отношенъи
Мнѣ кажетесь хозяиномъ плохимъ –
И какъ я радъ, что тутъ я въ васъ имѣю
Товарища.

ВОЛЬСЕЙ.

Повѣрьте, государь,
Есть у меня и для молитвы время,
И для того, чтобъ думать о дѣлахъ,
Которыя несу я въ государствѣ.
А сверхъ того природа тоже хочетъ,
Чтобъ время ей дарили для поддержки
Ея; и я, природы бранный сынъ,
Ей дань платить обязанъ, какъ и всякій
Мой смертный братъ.

КОРОЛЬ.

Какъ это хорошо
Сказали вы!

ВОЛЬСЕЙ.

Желалъ бы я, чтобъ ваше
Величество всегда могли во мнѣ
Рѣчь добрую въ соединенъи видѣть
Съ хорошими дѣлами.

КОРОЛЬ.

Хорошо
Вновь сказано. А говорить отлично –
Вѣдь, тоже родъ хорошихъ дѣлъ, хотя
Есть разница межъ дѣйствіемъ и словомъ.
Родитель мой любилъ васъ; это вамъ
Онъ говорилъ и увѣнчалъ словами
Свои дѣла. Съ тѣхъ поръ, какъ я ему
Наслѣдовалъ, я сдѣлалъ васъ ближайшимъ

Въ моей душѣ; я васъ употреблялъ
Въ такихъ дѣлахъ, гдѣ выгоды большія
На долю вамъ не выпасть не могли,
И сверхъ того себя лишалъ я даже
Своихъ богатствъ, мои благодѣянья
Давая вамъ.

ВОЛЬСЕЙ (*въ сторону*).

Что значить это все?

СЕРРИ (*въ сторону*).

Пошли Господь успѣхъ намъ въ этомъ дѣлѣ!

КОРОЛЬ.

Не сдѣлалъ ли, скажите, я изъ васъ
Первѣйшаго во всѣхъ моихъ владѣньяхъ?
Пожалуйста, скажите, правду ль я
Вамъ говорю? Когда жъ сознаться въ этомъ
Вы можете, скажите мнѣ сейчасъ –
Обязаны вы намъ иль нѣтъ? Отвѣта
Я жду отъ васъ.

ВОЛЬСЕЙ.

Великій государь,

Я сознаюсь, что милостей высокихъ,
Которыя день каждый на меня
Вы сыпали, не стоили нисколько
Мои труды; достойно отплатить
За столько благъ – не въ силахъ человѣка.
Мои дѣла всегда стояли ниже
Желаній, но не ниже силъ моихъ.
Одну лишь цѣль имѣлъ я въ жизни: благо
Священнѣйшей особы вашей и
Моей страны. За милости большія,
Которыя на недостойномъ, бѣдномъ
Скопили вы, могу я воздавать
Покорною признательностью только,
Молитвами къ Всевышнему о васъ
И вѣрностью, что съ каждою минутой
Росла во мнѣ и будетъ все расти,
Пока ее смерть не погубить – жизни
Зима.

КОРОЛЬ.

Отвѣтъ прекрасный дали вы –
Въ немъ подданный и вѣрный, и покорный
Является. Большая честь – награда
Такимъ дѣламъ почтеннымъ, точно такъ
Какъ горькій стыдъ есть кара дѣлъ обратныхъ.
Итакъ, когда рука моя давала
Вамъ милости, изъ сердца моего
Лилась любовь, изъ трона исходили
Къ вамъ почести обильнѣй, чѣмъ къ другимъ,
То и рука, и мозгъ и сердце ваше,
И ваши всѣ способности должны –
Не говоря уже о вашемъ долгѣ
Покорности – питать ко мнѣ любовь
Особую и чувство дружбы больше,
Чѣмъ къ всякому другому.

ВОЛЬСЕЙ.

Государь,
Клянуся вамъ, что я о вашемъ благѣ
Заботился старательнѣй всегда,
Чѣмъ о своемъ; и есмь, и былъ, и буду
Всегда такимъ. Пускай хоть цѣлый міръ
Нарушить долгъ присяги къ вамъ, изъ сердца
Ее изгнавъ; скопятся пусть вокругъ
Опасности, какія можетъ только
Представить умъ; пусть явятся онѣ
Во всячески ужасныхъ формахъ – будетъ
Мой вѣрный духъ, какъ твердая скала,
Въ которую бьютъ бѣшенныя волны,
Ломать напоръ потока и стоять
Незыблемо слугою вашимъ.

КОРОЛЬ.

Славно
Все сказано! Замѣтьте, лорды, какъ
Его душа честна; ее предъ вами
Онъ всю открылъ. (*Отдаетъ ему бумаги.*)
Прочтите это вотъ,
Потомъ вотъ то; а послѣ отправляйтесь
Позавтракать, коль аппетитъ у васъ
Останется.

(Уходитъ, бросая гнѣвные взгляды на Вольсея. Придворные идутъ за нимъ, перешептываясь и перешептываясь.)

ВОЛЬСЕЙ.

Что это можетъ значить?

Чѣмъ я навлекъ внезапный этотъ гнѣвъ?
Онъ, уходя, смотрѣлъ съ такою злобой,
Какъ-будто смерть была въ его глазахъ.
Такъ смотритъ левъ на дерзкаго стрѣлка,
Пустившаго въ него стрѣлу изъ лука –
И вслѣдъ затѣмъ его уничтожаетъ.
Прочту бумаги эти: ужъ не въ нихъ ли
Причина гнѣва? Такъ, я угадалъ:
Меня бумага эта погубила!
Въ ней опись всѣхъ сокровищъ, накопленныхъ
Мной для того, чтобъ папскій санъ добыть
И для того имѣть возможность въ Римѣ
Платить друзьямъ. Безумная небрежность!
Какой злой чортъ меня заставилъ – тайну
Важнѣйшую вложить сюда въ пакетъ,
Отправленный сегодня къ государю?
Какъ бы поправить это? Неужли
Нѣтъ хитрости, которая все это
Вдругъ вышибла бъ изъ головы его?
Я знаю, онъ ужасно разсердился,
Но знаю я и способъ, какъ опять
Наружу всплыть, наперекоръ Фортунѣ.
Но что еще я вижу? «Къ Папѣ». Какъ!
Мое письмо съ подробностями всѣми,
Которыя святѣйшему отцу
Я сообщилъ? Все кончено отнынѣ!
Достигнулъ я послѣдней точки власти –
Теперь стрѣлой съ меридіана славы
Къ закату я помчусь. Я упаду,
Какъ метеоръ блестящій въ часъ вечерній,
И ото всѣхъ сокроюсь.

Входятъ: Герцогъ Норфолькъ, Герцогъ Суффолькъ, Графъ Серри и Лордъ-
Камергеръ.

Норфолькъ.

Кардиналь,
Узнайте вы желанье государя:
Онъ приказалъ, чтобъ вы вручили намъ
Немедленно печать большую, сами жъ
Отправились сейчасъ же въ Ашергоузъ,
Владѣніе епископское ваше,
И ждали тамъ дальнѣйшихъ приказаній
Его величества.

Вольсей.

Позвольте, лорды –

Гдѣ жъ тотъ приказъ? Такой высокій санъ
Одни слова сломить не могутъ.

СУФФОЛЬКЪ.

Кто же
Ослушаться посмѣетъ ихъ, когда
Заклучена въ нихъ воля государя,
Которую онъ лично произнесъ?

475

ВОЛЬСЕЙ.

До той поры, пока я буду видѣть
Одни слова, желанія, одинъ
Вашъ злобный духъ, заботливые лорды,
То знайте – я и долженъ, и могу
Ослушаться. Теперь я вижу ясно,
Какой металлъ презрѣнный послужилъ,
Чтобъ вылить васъ: металлъ тотъ – злая зависть.
Какъ горячо въ паденіи за мной
Слѣдите вы, какъ будто служить пищей
Оно для васъ! Какъ гладко, хорошо
Вамъ кажется все то, что только можетъ
Сгубить меня! Ну, слушайте своихъ
Завистливыхъ внушеній, злые люди!
Теперь вы ихъ прикрыли христіанскимъ
Усердіемъ, но вѣрьте, что за нихъ
Современемъ найдете вы награду.
Итакъ, печать, которую теперь
Такъ горячо вы требуете, лорды,
Мнѣ собственной рукою далъ король,
И мой, и вашъ властитель; вмѣстѣ съ саномъ
И почестями онъ мнѣ вручилъ ее
На весь мой вѣкъ, и эту милость тутъ же
Онъ подтвердилъ патентами. Кто жъ можетъ
Ее отнять?

СЕРРИ.

Король, который вамъ
Ее вручилъ.

ВОЛЬСЕЙ.

Такъ пусть онъ самъ и вырветъ
Ее изъ рукъ.

СЕРРИ.

Попъ, ты измѣнникъ гордый!

ВОЛЬСЕЙ.

Лжешь, гордый лордъ! О, день еще назадъ,
Скорѣй бы свой языкъ ты выжегъ, Серри,
Чѣмъ произнесъ слова такія!

СЕРРИ.

Ты,
Пурпурный грѣхъ, твой духъ честолюбивый
Всю Англію скорбящую лишилъ
Того, кто былъ мнѣ тестемъ – Букингэма
Великаго; всѣмъ головамъ твоихъ
Собратьевъ-кардиналовъ – и съ тобою,
И съ лучшими изъ качествъ всѣхъ твоихъ –
Не замѣнить его малѣйшій волосъ.
Проклятіе коварству твоему!
Въ Ирландію меня отправилъ ты
Правителемъ: я былъ тогда далеко
Отъ короля, далеко отъ того,
Чѣмъ могъ помочь несчастному; далеко
Отъ всего, что принесло бъ прощенье
Его винъ, придуманной тобой;
А между тѣмъ, съ великимъ милосердьемъ
И съ жалостью святою, вы ему
Сѣкирою грѣхи прощали.

ВОЛЬСЕЙ.

Это
И все, въ чемъ лордъ болтливый упрекнетъ
Еще меня – чистѣйшая неправда.
Лордъ Букингэмъ закономъ осуждены;
Что въ гибели его я неповиненъ
Какой-нибудь враждою личной – въ томъ
Свидѣтели вина его и люди
Почтенные, судившіе его.
Будь я болтливъ, милордъ, я доказалъ бы,
Что честности и чести мало въ васъ,
Что преданной покорностью монарху,
Всегдашнему владыкѣ моему,
Я превзойду людей, получше Серри
И всѣхъ друзей безумія его.

СЕРРИ.

Попъ, защищенъ ты только длинной рясой,

Клянусь тебѣ; иначе бѣ ты мой мечъ
Почувствовалъ въ своей сердечной крови.
Милорды, что жѣ, ужели въ силахъ вы
Переносить надменное нахальство?
И отъ кого? Когда мы слабы такъ,
Что пурпура кусокъ безъ наказанья
Ругается надъ нами, то прощай
Дворянское достоинство. Дорогу
Епископу – и пусть онъ ловитъ насъ,
Какъ жаворонковъ, шляпой!

ВОЛЬСЕЙ.

Все благое
Для твоего желудка – тоже ядъ.

СЕРРИ.

Благое, да! Не эти ли поборы,
Которыми богатства всѣ страны
Въ твоихъ рукахъ скоплялися? Не письма ль
Которыя ты противъ короля
Отправилъ въ Римъ? О, если ты ужъ вызвалъ
Меня на то – все доброе твое
Я поспѣшу предъ всѣми обнаружить.
Милордъ Норфолькъ, коль славны родомъ вы,
Коль вы полны заботъ о благѣ общемъ,
О попоранномъ сословіи дворянъ,
О нашихъ всѣхъ потомкахъ, у которыхъ
Дворянское достоинство едва ль
Останется, когда онъ уцѣлѣетъ –
Подайте намъ весь перечень большой
Его грѣховъ, всѣхъ дѣлъ его собранье!
Лордъ-кардиналь, тебя сильнѣе я
Пугну, чѣмъ звонъ колоколовъ священныхъ
Раздавшійся, когда лежитъ въ твоихъ
Объятіяхъ любовница-смуглянка.

ВОЛЬСЕЙ.

Какъ глубоко, мнѣ кажется, его бы
Я презиралъ, когда бѣ не связанъ былъ
Любовью христіанскою!

НОРФОЛЬКЪ.

Лордъ Серри,
Тотъ перечень въ рукахъ у короля,

И гнусными поступками онъ полонъ.

ВОЛЬСЕЙ.

Тѣмъ чище, тѣмъ прекраснѣй жизнь моя
Невинная возстанетъ, чуть узнаетъ
О ней король.

СЕРРИ.

Вамъ этимъ не спастись.
Благодаря умѣнію все помнить,
Я многого еще не позабылъ
Изъ вашихъ дѣлъ и это обнаружу.
Коль можете, краснѣйте и въ винѣ
Покайтесь: покажете вы этимъ,
Что честности хоть капля есть у васъ.

ВОЛЬСЕЙ.

Я слушаю. Всѣ ваши обвиненья
Не страшны мнѣ. Коль покраснѣю я,
Такъ оттого, что вижу дворянина
Безъ знанія приличій.

СЕРРИ.

Я готовъ
Скорѣе быть безъ нихъ, чѣмъ безголовымъ.
Ну, слушайте. Во-первыхъ, безъ согласья
И вѣдома монаршаго, къ тому
Стремилась вы, чтобъ сдѣлаться легатомъ
И тѣмъ права епископовъ стѣснить
Во всей странѣ.

НОРФОЛЬКЪ.

Потомъ во всѣхъ посланьяхъ,
Которыя писали папѣ вы
Или другимъ монархамъ, выражались
Всегда вы такъ: ego et rex meus –
И формулой такою короля
Вы дѣлали своимъ слугою.

СУФФОЛЬКЪ.

Дальше,
Когда къ двору австрійскому посломъ
Послали васъ безъ вѣдома совѣта
И короля, вы были дерзки такъ,
Что увезли во Фландрію большую

Печать.

СЕРРИ.

Затѣмъ, безъ воли короля,
Григорію Кассались полномочье
Вручили вы, чтобъ заключить союзъ
Межъ нашимъ государемъ и Феррарой.

СУФФОЛЬКЪ.

Сверхъ этого изъ честолюбья вы
Всю царскую монету съ вашей шляпой
Епископской чеканили.

СЕРРИ.

Вы Римъ
Безмѣрными богатствами снабжали –
А какъ вы ихъ пріобрѣли, о томъ
Разскажетъ пусть вамъ собственная совѣсть –
Чтобъ проложить себѣ широкій путь
Къ величію – и это все на гибель
Всей Англіи. Не мало и другихъ
Есть дѣлъ еще, но такъ какъ это ваши
Дѣла и въ нихъ все гнусность и позоръ,
То не хочу марать я ими губы.

КАМЕРГЕРЪ.

О, графъ, къ чему такъ сильно нападать
На павшаго? Несправедливо это.
Его вина открытою лежитъ
Передъ судомъ законнымъ. Судъ законный
Пускай его караетъ, а не вы.
Душа моя льетъ слезы, видя это
Паденіе величія.

СЕРРИ.

Ему
Прощаю я.

СУФФОЛЬКЪ.

Затѣмъ, лордъ-кардиналь,
Какъ все, что вы, воспользовавшись властью,
Надѣлали недавно, подлежатъ
Вполнѣ должно закону *praemunire*,
То государь желанье изъявилъ,
Чтобъ тотъ законъ былъ противъ васъ направленъ:
Онъ повелѣлъ немедленно у васъ
Конфисковать имущество все ваше,

Имѣнія, аренды, замки – все
И объявить васъ внѣ закона. Это
Поручено мнѣ вамъ сказать.

НОРФОЛЬКЪ.

За симъ
Вы можете предаться размышленьямъ,
Какъ жизнь свою исправить. Вашъ строптивый
Отказъ отдать печать большую намъ –
Мы доведемъ до короля – и, вѣрно,
За это онъ спасибо скажетъ вамъ.
Прощайте же, мой маленькій, мой добрый
Лордъ-кардиналь.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Вольсея.)

ВОЛЬСЕЙ.

И съ маленькимъ добромъ,
Которое вы мнѣ давали, тоже
Прощаюсь я. Прощай, навѣкъ прощай
Величіе! Вотъ участь человѣка:
Сегодня въ немъ раскрылися листки
Нѣжнѣйшіе надежды, а на завтра
Ужъ цвѣтъ пришелъ, всего его покрывъ
Багряною, почетною одеждой;
Но третій день приводитъ за собой
Морозъ, морозъ убійственный. Въ то время,
Какъ думаетъ онъ, въ простотѣ своей,
Съ увѣренностью полною, что зрѣеть
Величіе его, морозъ грызетъ
Всѣ корни въ немъ и падаетъ онъ такъ же,
Какъ я упалъ. Ахъ, много, много лѣтъ
Носился я по морю честолюбья,
Какъ рѣзвые мальчишки, что плывутъ
На пузырьяхъ; но слишкомъ ужъ далеко
Я въ глубь зашелъ. Высоко вздутый, мой

477

Надменный нравъ вдругъ лопнулъ подо мною,
И вотъ теперъ, на службѣ посѣдѣлый,
Измученный, неистовымъ волнамъ
Я отданъ весь, и навсегда сокроютъ
Онъ меня. Я ненавижу васъ,
О блескъ земной и суетная слава!
Для новыхъ чувствъ открылась грудь моя.

О, жалокъ тотъ и бѣдѣнъ, кто зависить
Отъ милости властителей земныхъ!
Межъ этою улыбкой, за которой
Онъ гонится, межъ благосклоннымъ взглядомъ
Властителя и карою его
Есть болѣе, конечно, опасеній
И болѣе мученій, чѣмъ въ войнѣ
И женцинѣ. Когда жъ придется падать,
Онъ падаетъ, подобно Люциферу,
Лишенному надежды навсегда.

Входитъ КРОМВЕЛЬ въ смущеніи.

ВОЛЬСЕЙ.

Ну, что, Кромвель?

КРОМВЕЛЬ.

Я говорить не въ силахъ.

ВОЛЬСЕЙ.

Ужель могло несчастіе мое
Тебя смутить? Ужель дивиться можетъ
Паденію великаго твой умъ?
Да, если ты заплакалъ – значитъ, правда,
Что я упалъ.

КРОМВЕЛЬ.

Какъ чувствуете вы,
Милордъ, себя?

ВОЛЬСЕЙ.

Отлично. Въ жизни не былъ
Такъ счастливъ я, любезный мой Кромвель.
Теперь себя я знаю, ощущаю
Въ себѣ я миръ, превыше благъ земныхъ –
Спокойную, нетронутую совѣсть.
Король меня навѣки исцѣлилъ:
Съ смиреніемъ его благодарю я.
Онъ съ этихъ плечъ, съ разрушенныхъ столбовъ,
Изъ жалости снялъ бремя, подъ которымъ
Могъ цѣлый флотъ пропасть – обильный грузъ
Величія и почестей. О, бремя,
Ужасное то бремя, мой Кромвель,
Для тѣхъ людей, которые на Небо
Надѣются!

КРОМВЕЛЬ.

Я радъ, милордъ, что вы

Такъ хорошо воспользовались этимъ
Несчаціемъ.

ВОЛЬСЕЙ.

Надѣюсь, хорошо.
Мнѣ кажется, что я теперь способенъ
Окрѣпнувшей душою перенести
И больше мукъ, и далеко страшнѣе,
Чѣмъ тѣ, какимъ грозятъ меня обречь
Мои враги. Что новаго?

КРОМВЕЛЬ.

Важнѣе,
Грустнѣй всего – немилость короля
Къ вамъ, кардиналь.

ВОЛЬСЕЙ.

Господь благословенъ
Пошли ему!

КРОМВЕЛЬ.

Затѣмъ, сэръ Томасъ Моръ
Лордъ-канцлеромъ на ваше мѣсто выбранъ.

ВОЛЬСЕЙ.

Вотъ это ужъ немного скоро. Но
Онъ человекъ ученый. Я желаю,
Чтобъ сохранялъ онъ долго за собою
Привязанность монаршую, чтобъ вѣренъ
Былъ совѣсти и правдѣ, чтобъ сиротъ
Рыданія воздвигнули гробницу
Надъ нимъ, когда, свершивъ свой путь, уснетъ
Навѣки онъ. Еще что скажешь?

КРОМВЕЛЬ.

Кранмеръ
Вернулся вновь и въ милости такой,
Что ужъ теперь онъ лордъ-архіепископъ
Кентерберійскій.

ВОЛЬСЕЙ.

Право? Это вотъ
Дѣйствительно ужъ новость.

КРОМВЕЛЬ.

Леди Анна,
Съ которою король обвѣнчанъ тайно

Уже давно, сегодня въ церковь съ нимъ
Пришла при всѣхъ открыто королевой –
И разговоръ теперь у всѣхъ одинъ
О будущемъ ея коронованьи.

ВОЛЬСЕЙ.

Вотъ бремя то, которое меня
Низвергнуло. О, мой Кромвель, обмануть
Я королемъ. Всѣхъ почестей моихъ
Навѣки я лишился черезъ эту
Лишь женщину. Отнынѣ никогда
Не освѣтитъ заря мое величье,
Не позлатитъ ту славную толпу,
Которая ждала моей улыбки.
Оставь меня, оставь меня, Кромвель!
Теперь я палъ – я бѣдный, недостойный
Повелѣвать тобою. Къ королю
Иди: его не закатится солнце –
О томъ молюсь. Ему я говорилъ,
Кто ты и какъ ты вѣренъ. Онъ возвыситъ
Тебя. Живетъ въ немъ благородный духъ –
То знаю я – и память обо мнѣ,
Хоть слабая, его побудитъ, вѣрно,
Не пренебречь служеніемъ твоимъ,
Блестящія надежды подающимъ.
Служи ему усердно, мой Кромвель,

478

И пользуйся, какъ должно, настоящимъ,
Чтобъ будущность упрочить за собой.

КРОМВЕЛЬ.

О, кардиналь, ужели васъ оставить
Мнѣ суждено? Навѣки потерять
Васъ, добрый мой, хорошій, благородный
Мой господинъ? Свидѣтелемъ пусть будутъ
Всѣ, въ комъ душа не изъ желѣза, какъ
Скорбитъ Кромвель, прощаясь съ господиномъ.
Служебный долгъ отдамъ я королю,
Молитвы же – вамъ, вамъ однимъ навѣки!

ВОЛЬСЕЙ.

Кромвель, никакъ не думалъ я пролить
Надъ всѣмъ моимъ несчастьемъ хоть слезинку;

Но вѣрностью и честностью меня
Роль женщины играть ты заставляешь.
Теперь глаза осушимъ – и меня
Ты выслушай, Кромвель: когда я буду
Забытъ людьми, а это будетъ скоро –
И буду спать въ нѣмомъ, холодномъ гробѣ,
Когда никто не вспомнитъ обо мнѣ,
Скажи ты всѣмъ, скажи: «Вольсей, который
Когда-то шелъ по славному пути
И камни всѣ подводные и мели
Величія извѣдалъ, потерпѣвъ
Крушеніе, - тебѣ для возвышенья
Путь указалъ – надежный, вѣрный путь,
Съ котораго самъ сбился.» Помни только
Ты мой конецъ и то, что погубило
Меня. Кромвель, спасеніемъ твоимъ
Молю тебя – бѣги отъ честолюбья!
И ангеловъ низринулъ этотъ грѣхъ –
Что жъ принести онъ можетъ человѣку,
Подобію Создателя его?
Люби себя всѣхъ меньше; тѣхъ, кто злобу
Къ тебѣ въ душѣ несетъ – благословляй.
Испорченность не выгоднѣе правды.
Всегда держи въ десницѣ кроткій миръ
И имъ смиряй завистливую злобу;
Будь праведенъ – не бойся ничего;
Имѣй въ виду всегда свою отчизну,
И истину, и Бога – и тогда,
Коль ты падешь, о мой Кромвель, то вѣрно,
Какъ мученикъ блаженный. Королю
Служи всегда и... проводи меня
Теперь домой. Тамъ ты получишь опись
Всего, что я имѣю. Это все,
До маленькаго пенса, государю
Принадлежитъ. А я своимъ назвать
Могу теперь лишь рясу да правдивость,
Открытую предъ Небомъ. О, Кромвель,
Кромвель, когда бъ хоть въ половину Богу
Усердно такъ служилъ я, какъ царю,
Въ мои года меня бы Онъ не предалъ,
Лишивъ всего, моимъ врагамъ.

КРОМВЕЛЬ.

Терпѣнье,
Мой добрый лордъ!

ВОЛЬСЕЙ.

Да я и терпѣливъ.
Прощайте же, о вы, всѣ суетныя цѣли!
Надежды всѣ мои на небо возлетѣли.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена I.

Улица въ Вестминстерѣ.

ДВА ДЖЕНТЛЬМЕНА *встрѣчаются.*

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Я очень радъ, что встрѣтились мы снова.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Я тоже радъ.

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Конечно, вы пришли
Сюда взглянуть, какъ будетъ леди Анна
Итти съ коронованья своего?

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Да, именно за этимъ. Я васъ встрѣтилъ,
Въ послѣдній разъ, въ тотъ часъ, какъ изъ суда
На эшафотъ шель герцогъ Букингэмъ.

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Да, да; но то былъ очень грустный день,
А нынче – день всеобщаго веселья.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Безспорно – такъ. Всѣ граждане, конечно,
Вполнѣ любовь къ престолу показали.
Они всегда – сознаться надо въ томъ –
Подобный день отпраздновать готовы
Торжественными зрѣлищами.

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Да,
Но никогда, могу увѣрить васъ,
Такъ хорошо и пышно не бывало.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Позвольте мнѣ спросить, что за бумага
У васъ въ рукѣ?

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

А, это списокъ лицъ,
Которыя, такъ требуетъ обычай,
Участвовать должны въ церемоньяхъ.

(Смотритъ въ списокъ.)

Въ главѣ всѣхъ лицъ, поставленъ герцогъ Суффолькъ,
Гофмейстеръ главный, а за нимъ идетъ
Гофмаршалъ Норфолькъ. Остальное сами
Вы можете прочесть.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Благодарю.
Когда бъ не зналъ обычаевъ я этихъ,
Мнѣ списокъ вашъ отлично бъ пригодился.

479

Но вотъ что вы, пожалуйста, скажите –
Какъ поступить хотятъ съ Екатериной?
Что случилось съ ней и какъ ея дѣла?

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Про это я вамъ расскажу подробно.
Не такъ давно Кентерберійскій примасть,
Въ сообществѣ другихъ отцовъ почтенныхъ
Изъ ордена его, составилъ судъ
Въ Дэнстэблѣ, въ шести миляхъ отъ Амтгилы,
Гдѣ проживала нѣкогда принцесса.
На этотъ судъ неоднократно звали
Они ее, но не пришла она.
Вотъ, вслѣдствіе неявки и желая
Разсѣять всѣ сомнѣнья короля,
Ученые отцы единодушно
Разводный актъ супруговъ утвердили,
И первый бракъ признали незаконнымъ.
Потомъ ее послали въ Кимбольтонъ,
Гдѣ и теперь лежитъ она, больная.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Несчастливая!
(Трубы.) Чу, слышите, трубятъ.

Пойдемте же – ужь близко королева.

Входятъ, при громкихъ звукахъ трубъ, ПРОЦЕССИЗЪ въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. ДВОЕ СУДЕЙ.
2. ЛОРДЪ-КАНЦЛЕРЪ. *Передъ нимъ несутъ кошель и жезлъ.*
3. ХОРЪ пѣвчихъ и музыканты.
4. МЭРЪ ЛОНДОНА съ жезломъ. *За нимъ первый герольдъ въ латахъ и съ мѣдной, позолоченной короной на головѣ.*
5. МАРКИЗЪ ДОРСЕТЪ, съ золотымъ скипетромъ; на головѣ золотая полукорона. *Съ нимъ ГРАФЪ СЕРРИ въ графской коронѣ и съ серебрянымъ жезломъ, на верху котораго изображенъ голубь. На шеѣ у обоихъ рыцарскія цѣпи.*
6. ГЕРЦОГЪ СУФФОЛЬКЪ въ парадной одеждѣ, съ короной на головѣ и съ длиннымъ бѣлымъ гофмейстерскимъ жезломъ въ рукѣ. *Съ нимъ ГЕРЦОГЪ НОРФОЛЬКЪ, съ гофмаршальскимъ жезломъ и съ короной на головѣ. На шеѣ у обоихъ рыцарскія цѣпи.*
7. Балдахинъ, несомый четырьмя баронами пяти гаваней. *Подъ нимъ КОРОЛЕВА въ мантии; волосы ея убраны жемчугомъ, на головѣ корона. По бокамъ ея ЕПИСКОПЫ ЛОНДОНСКІЙ и ВИНЧЕСТЕРСКІЙ.*
8. Старая Герцогиня Норфолькъ, въ золотой коронѣ, переплетенной цвѣтами, несетъ шлейфъ королевы.
9. Другія леди и графини съ гладкими золотыми вѣнцами безъ цвѣтотъ.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Вотъ истинно ужь царственная пышность!
Кто тамъ идетъ со скипетромъ?

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Маркизь
Дорсетъ; а тотъ, что держитъ жезлъ – графъ Серри.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Достойный, храбрый джентельмэнъ. А это,
Мнѣ кажется, вѣдь, герцогъ Суффолькъ?

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Да.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

А рядомъ съ нимъ лордъ Норфолькъ?

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Угадали.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

(глядя на королеву.)

Благослови тебя святое Небо!
Я не видалъ прекраснѣе лица.
Клянусь душой, принцесса – сущій ангель!

Когда король ее въ объятыхъ держитъ,
То Индіи богатство въ нихъ лежитъ...
Нѣтъ – болѣе, богаче, драгоценнѣй...
Его винить не смѣю, право, я!

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Тѣ, что несутъ надъ нею балдахинъ –
То гаваней почтенные бароны.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Счастливые! – какъ счастливы всѣ тѣ,
Кто близъ нея. Когда не ошибаюсь,
Такъ та, что шлейфъ несетъ за королевой –
Старуха герцогиня Норфолькъ?

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Да,
Она сама; а дальше двѣ графини.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Я ихъ узналъ по золотымъ вѣнцамъ.
То звѣзды все – падучія нерѣдко.

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Ну, ну, зачѣмъ объ этомъ говорить?

(Процессія уходитъ при громкихъ звукахъ трубъ.)

Входитъ ТРЕТІЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Здорово, сэръ! О, какъ вы раскраснѣлись!
Гдѣ это?

ТРЕТІЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Я въ аббатствѣ былъ, въ толпѣ;
Тамъ тѣсно такъ, что пальца не просунешь.
Едва-едва не задохнулся я
Отъ шумнаго избытка ихъ веселья.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Вы видѣли все торжество?

ТРЕТІЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Все видѣлъ.

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Что жъ?

ТРЕТІЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Стоило взглянуть.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Такъ расскажите.

ТРЕТІЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Готовъ служить – не знаю, какъ сумѣю.
Когда потокъ блестящей свиты леди
И лордовъ королеву проводилъ
На хоры, гдѣ ей тронъ былъ приготовлень,
Онъ отъ нея отхлынулъ. Королева
Тутъ съ полчасъ сидѣла, отдыхая
На дорогомъ престолѣ; и народъ
Ея красой вполнѣ могъ наслаждаться.
Повѣрьте мнѣ, красавицы такой
Не видѣло еще мужское ложе.
Едва народъ лицо ея увидѣлъ –
Поднялся шумъ ужасный, разногласный,
Какъ шумъ снастей на морѣ въ ураганъ.
Платки, плащи и шляпы, даже куртки
Взлетѣли вверхъ – и если бѣ лица ихъ
Могли сорваться, вѣрно бы и лица
Взлетѣли вверхъ сегодня. Никогда
Я не видалъ подобнаго восторга.
Беременные женщины, которымъ
Носить дня три, не больше, оставалось,
И тѣ въ толпу врывались, какъ тараны
Старинныхъ войскъ, и лѣзли на проломъ.
Всѣ странно такъ въ одну смѣшались массу,
Что ужъ никто не могъ сказать: «вонъ это
Моя жена».

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Что жъ дальше?

ТРЕТІЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Наконецъ,
Ея величество поднялась съ трона,
Приблизилась смиренно къ алтарю
И, преклонивъ колена, какъ святая,
Съ горячею молитвой возвела
Свои глаза плѣнительные къ небу

И, помолясь, народу поклонилась.
Когда жь архіепископъ Кентербери
Свершилъ надъ ней обрядъ коронованья,
Ее помазалъ мвромъ, возложилъ
На голову корону Эдуарда,
Вручилъ ей скиптръ державный, птицу мира
И прочія эмблемы – грянуль хоръ
Съ отборнѣйшимъ оркестромъ королевства
Торжественно Те Деум. А затѣмъ
Процессія съ торжественностью прежней
Пошла назадъ до Іоркскаго дворца,
Гдѣ пиршество назначено.

ПЕРВЫЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Напрасно
Вы называете дворецъ тотъ Іоркскимъ.
Не Іоркскій онъ съ тѣхъ поръ, какъ палъ Вольсей.
Теперь онъ королевскій и зовется
Вайттолемъ.

ТРЕТІЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Да, но эта перемѣна
Недавно такъ случилась, что въ умѣ
Моемъ свѣжо все старое названье.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

А кто тѣ два епископа, что шли
По сторонамъ у королевы?

ТРЕТІЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Стоксли
И Гардинеръ. Одинъ изъ нихъ епископъ
Винчестерскій, еще недавно бывшій
Секретаремъ у короля, другой –
Епископъ Лондонскій.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Про Стоксли ходитъ
Вездѣ молва, что не въ большихъ ладахъ
Онъ съ Кранмеромъ почтеннѣйшимъ.

ТРЕТІЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Про это
Ужъ знаютъ всѣ, но явнаго разрыва
Покамѣстъ нѣтъ межъ ними; а дойдетъ
До этого, то Кранмеръ същеть друга –
И тотъ его не кинетъ никогда.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Кто жь этогь другъ, пожалуйста, скажите?

ТРЕТИЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Кромвель. Его король высоко цѣнитъ
И вѣрный онъ, достойный другъ. Король
Его избралъ хранителемъ сокровищъ
И мѣсто далъ въ совѣтѣ у себя.

ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Конечно, онъ подыметя и выше.

ТРЕТИЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Еще бы нѣтъ! Пойдемте, господа,
Со мной: иду я во дворецъ. Гостями
Вы будете моими. Я и самъ
Кой-что теперь ужъ значу. По дорогѣ
Я вамъ могу побольше рассказать.

ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Почтенный сэръ, располагайте нами.

(Уходятъ.)

Сцена II.

Кимбольтонъ.

Входитъ ЕКАТЕРИНА, *больная; ее вѣдутъ* ГРИФФИТЬ и ПАЦИЕНЦА.

ГРИФФИТЬ.

Что, легче ли теперь вамъ, королева?

ЕКАТЕРИНА.

Нѣтъ, Гриффитъ, мнѣ до смерти тяжело.
Какъ вѣтви, отягченныя плодами,
Такъ подо мной мои колѣна гнутся,
Какъ-будто бы желая сбросить бремя.

Подвинь мнѣ стуль, Такъ. Кажется теперь
Немного мнѣ полегче стало. Гриффитъ,
Ведя меня, ты, кажется, сказалъ,
Что кардиналь, сынъ исполинскій славы,
Окончилъ жизнь.

ГРИФФИТЬ.

Такъ точно, королева.
Но думалъ я, что вы отъ сильной боли
Не слышали разсказа моего.

ЕКАТЕРИНА.

Ну какъ же онъ скончался? Добрый Гриффитъ,
Скажи мнѣ все. Коль хорошо онъ умеръ,
То онъ меня опередилъ затѣмъ,
Чтобъ послужить хорошимъ мнѣ примѣромъ.

ГРИФФИТЬ.

Да, говорятъ, что очень хорошо.
Когда Нортomberландскимъ графомъ въ Йоркѣ
Онъ арестованъ былъ, какъ обвиненный
Въ жестокихъ преступленіяхъ, и графъ
Его къ суду повезъ, то онъ внезапно
Такъ заболѣлъ, что могъ едва держаться
На лошацѣ.

ЕКАТЕРИНА.

Несчастный человѣкъ!

ГРИФФИТЬ.

Въ дорогѣ безпрестанно отдыхая,
Онъ въ Лейсестеръ пріѣхалъ, наконецъ,
Гдѣ былъ аббатомъ съ братією принять
Съ большимъ почетомъ, и сказалъ онъ такъ:
«Отецъ аббатъ! старикъ, разбитый жизнью,
Усталою склониться головой
Пришелъ сюда. Изъ состраданья дайте
Клочокъ земли, одинъ клочокъ ему!»
Онъ слегъ въ постель. Сильнѣе и сильнѣе
Все шла болѣзнь. Черезъ трое сутокъ, ночью,
Часу въ восьмомъ, который самъ себѣ
Онъ предсказалъ, какъ свой послѣдній часъ,
Съ раскаяньемъ, въ слезахъ, въ глубокихъ думахъ,
Отдавъ землѣ всѣ почести мірскія,
А небесамъ – часть лучшую свою,
Онъ опочилъ.

ЕКАТЕРИНА.

Да почиетъ онъ съ миромъ,
И да грѣхи отпустятся ему!
Но, Гриффитъ, я, безъ всякой, впрочемъ, злобы,
Скажу еще, что думаю о немъ.

Онъ челоѡкъ былъ непомѡрно-гордый,
Себя считавшій равнымъ королямъ;
Онъ торговалъ духовными мѡстами,
Внушеньями своими государство
Порабощалъ, закономъ поставлялъ
Свой личный взглядъ; предъ королемъ всегда
Онъ говорилъ неправду, былъ двуличенъ,
Какъ въ помыслахъ, такъ и въ рѣчахъ своихъ;
Безжалостный, высказывалъ участие
Онъ лишь тогда, какъ гибель замышлялъ.
Что обѣщалъ – то было такъ же сильно,
Какъ онъ тогда; что исполнялъ – ничтожно,
Какъ онъ теперь. Грѣшилъ онъ даже тѣломъ,
И подавалъ дурной примѣръ духовнымъ.

Гриффитъ.

Монархиня, людей поступки злые
Мы на мѣди вырѣзываемъ ясно,
А добрые – мы пишемъ на водѣ.
Не будетъ ли теперь угодно вамъ
И похвалу послушать кардиналу?

Екатерина.

Да, добрый Гриффитъ, а иначе я
Злопамятна была бы.

Гриффитъ.

Кардиналъ
Происходилъ изъ низшаго сословья,
Однакожь былъ отъ самой колыбели
Для славнаго величья предназначенъ.
Еще дитя, онъ былъ смышленъ, какъ взрослый,
Краснорѣчивъ, уменъ необычайно,
Имѣя даръ великій убѣжденья.
Онъ былъ суровъ и грубъ со всѣми тѣми,
Кто не любилъ его; но милъ, какъ лѣто,
Къ своимъ друзьямъ. Въ стяжаньяхъ ненасытный –
Что грѣхъ большой – онъ въ то же время былъ
По-царски щедръ. Свидѣтели тому
Два близнеца науки, имъ взрощенныхъ –
Ипсвичъ и Оксфордъ. Первый палъ съ нимъ вмѣстѣ,
Какъ-будто не желая пережить
Того, кто былъ отцомъ его; другой
Хотя еще и не вполнѣ готовый,
Но славенъ такъ, такъ знаменитъ въ искусствѣ,
Такъ съ каждымъ днемъ, идетъ все дальше къ славѣ,
Что никогда въ народахъ христіанскихъ

Хвалебный слухъ о немъ не замолчить.
Упавъ, Вольсей сталъ только больше счастливъ,
Затѣмъ-что тутъ позналъ онъ самъ себя
И радости обрѣлъ въ ничтожной долѣ.
И наконецъ, онъ получилъ такую
Большую честь, какой бы отъ людей
Не могъ добыть: онъ умеръ въ страхъ божьемъ.

ЕКАТЕРИНА.

Ахъ, Гриффитъ, я по смерти не желала бъ
Оратора иного и судьи
Всѣхъ дѣлъ моихъ, какъ ты, мой честный Гриффитъ.
Твои слова любви и кроткой правды
Заставили меня чтить прахъ того,
Къ кому всегда я ненависть питала,
Да будетъ миръ съ душой его! Побудь
Со мной еще немного, Пациенца;

482

Поправь подушки. Я уже не долго
Тебя тревожить буду. Добрый Гриффитъ,
Вели играть тѣ грустные аккорды,
Что я зову моимъ предсмертнымъ звономъ;
А я межъ тѣмъ забудусь въ созерцаньи
Гармоніи небесной, отъ которой
Теперь ужъ я совсѣмъ недалеко.

(Грустная и торжественная музыка.)

ГРИФФИТЪ.

Она заснула. Тише, Пациенца,
Ахъ, какъ бы намъ ее не разбудить!

(Сонъ. Входятъ торжественно, одна за другою, шесть фигуръ въ бѣлыхъ одеждахъ; на головахъ у нихъ лавровыя вѣтви, на лицахъ – золотыя маски, въ рукахъ – лавровыя или пальмовыя вѣтви. Онъ сперва кланяются Екатеринѣ, потомъ начинаютъ танцовать; при поворотахъ, двѣ первыя держатъ надъ нею узкій вѣнокъ, а другія дѣлаютъ почтительные поклоны; послѣ этого тѣ, которыя держали вѣнокъ, передаютъ его двумъ слѣдующимъ, и тотъ же порядокъ продолжается. Въ это время Екатерина, какъ-будто по вдохновенію, выражаетъ знаками радость и подымаетъ руки къ небу. Призраки, продолжая пляску, исчезаютъ и уносятъ вѣнокъ. Музыка продолжается.)

ЕКАТЕРИНА *(просыпаясь)*.

О, гдѣ вы духи мира? Вы исчезли –
И снова я одна съ моимъ страданьемъ.

ГРИФФИТЪ.

Мы оба здѣсь.

ЕКАТЕРИНА.

Ахъ, я не васъ зову.

Скажите, кто здѣсь былъ, пока спала я?

ГРИФФИТЬ.

Мы никого не видѣли здѣсь.

ЕКАТЕРИНА.

Какъ,
Не видѣли вы сонма духовъ неба,
Пришедшихъ звать на празднество меня?
Ихъ свѣтлый ликъ несмѣтными лучами
Мое лицо, какъ солнце озарялъ.
Мнѣ вѣчное блаженство обѣщая,
Они вѣнцы протягивали мнѣ,
Которыхъ я покамѣстъ недостойна,
Но сдѣлаюсь достойною потомъ.

ГРИФФИТЬ.

Я радуюсь душевно, королева,
Что сладкій сонъ лелѣетъ вашу мысль.

ЕКАТЕРИНА.

Скажи, чтобъ замолчали музыканты:
Мнѣ тяжелы и рѣзки звуки ихъ.

(Музыка прекращается.)

ПАЦИЕНЦА.

Смотрите, какъ она вдругъ измѣнилась!
Ея лицо вытягиваться стало...
Какъ холодно, безжизненно оно!
Смотрите-ка, смотрите на глаза...

ГРИФФИТЬ.

Молись! молись! Она отходитъ съ миромъ.

ПАЦИЕНЦА.

О, Господи! не оставляй ее.

Входитъ СЛУГА.

СЛУГА.

Позвольте мнѣ, монархиня...

ЕКАТЕРИНА.

Наглець.

Иль мы уже не стоимъ уваженья?

ГРИФФИТЬ (*слуга*).

Ты виновать крутомъ: какъ могъ ты, зная,
Что прежній санъ еще такъ дорогъ ей,
Съ ней обойтись такъ грубо? Ну, ступай
И преклони колѣна.

СЛУГА.

Униженно
Молю мебя, монархиня, простить.
Въ поспѣшности я позабылъ приличье.
Здѣсь, джентельмэнъ: онъ просить позволенья
Увидѣть васъ... его послалъ король.

ЕКАТЕРИНА.

Введи его ты, Гриффитъ; а вотъ этотъ
Пусть съ глазъ моихъ уходитъ навсегда.

Гриффитъ уходитъ со слугою и сейчасъ же возвращается съ КАПУЦІУСОМЪ.

ЕКАТЕРИНА.

Вы, если я не ошибаюсь только,
Капуціусъ, посланникъ моего
Державнаго племянника – не такъ ли?

КАПУЦІУСЪ.

И вашъ слуга – такъ точно, королева.

ЕКАТЕРИНА.

О, лордъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы меня узнали,
И времена, и титулы мои
Ужасно измѣнились. Но скажите,
Что привело сюда васъ?

КАПУЦІУСЪ.

Королева,
Во-первыхъ, долгъ почтенья моего,
А во-вторыхъ, желанье короля.
Онъ огорченъ недугомъ вашимъ сильно,
Шлетъ чрезъ меня вамъ царственный привѣтъ
И отъ души васъ проситъ быть спокойной.

ЕКАТЕРИНА.

О, добрый лордъ, привѣтъ явился поздно;
Такой привѣтъ – прощенье послѣ казни.
Будь во время дано лѣкарство это –
Оно меня спасло бы; но теперь

Молитва мнѣ – одно успокоенье.
Что, какъ его величества здоровье?

КАПУЦІУСЪ.

Въ прекрасномъ состояньи.

483

ЕКАТЕРИНА.

И дай Богъ,
Чтобъ такъ оно навѣки сохранилось
И все цвѣло, тогда какъ я ужъ буду
Съ червями жить и бѣдное мое
Названье въ государствѣ позабудутъ.
Что, Пациенца, послано письмо,
Которое я написать просила?

ПАЦИЕНЦА.

Нѣтъ, вотъ оно. *(Отдаетъ ей письмо.)*

ЕКАТЕРИНА.

Покорнѣйше прошу,
Милордъ, отдать вотъ это государю.

КАПУЦІУСЪ.

Съ великимъ удовольствіемъ отдамъ.

ЕКАТЕРИНА.

Въ немъ ласкамъ короля я поручаю
Залогъ любви невинной нашей – дочь.
Да ниспадетъ небесною росой
На голову ея благословенье!
Прошу, чтобъ онъ воспитываль ее
Въ началахъ добродѣтели. Она
Такъ молода, кротка и благородна,
Что прочно къ ней привьется добродѣтель.
Прошу, чтобъ онъ любилъ ее немного
Для матери, которая его –
То знаетъ Богъ – такъ горячо любила.
Потомъ, моя вторая просьба въ томъ,
Чтобы король хоть каплю состраданья
Имѣлъ къ моимъ прислужницамъ несчастнымъ,
Которыя такъ долго и такъ вѣрно
Служили мнѣ и въ счастья, и въ несчастьи.

Нѣтъ ни одной изъ нихъ – завѣрить смѣю,
А я теперь, вѣдь, лгать не захочу –
Которая по нравственности доброй
И истинной душевной красотѣ,
И честности и строгому приличью
Не стоила бѣ прекраснѣйшаго мужа,
Хоть родомъ будь онъ истый дворянинъ.
Кто ихъ возьметъ, тотъ, вѣрно, будетъ счастливъ.
Послѣдняя же просьба – не оставить
Служителей моихъ. Бѣдны они,
Но отъ меня не отвратила бѣдность
Ни одного изъ нихъ, и я прошу
Имъ выплатить все жалованье ихъ
И, сверхъ того, на память обо мнѣ,
Хоть что-нибудь прибавить. Если бѣ Небо
Хотѣло жизнь еще мою продлить
И дать мнѣ средствъ побольше, не разсталась
Я никогда бы съ этими людьми.
Вотъ все, о чемъ пишу я. Добрый лордъ,
Молю васъ всѣмъ, что дорого вамъ въ мѣрѣ,
Останьтесь другомъ этихъ несчастливцевъ,
Склоните государя оказать
Послѣднюю мнѣ милость.

КАПУЦИУСЪ.

Богъ свидѣтель,
Исполню все, какъ честный человѣкъ.

ЕКАТЕРИНА.

Благодарю, милордъ. Вы государю
И обо мнѣ напомните. Скажите,
Что въ мѣрѣ другой ужъ скоро перейдетъ
Виновница его мученій долгихъ;
Скажите, что оставила я жизнь,
Его благословляя... такъ умру я...
Въ глазахъ моихъ темнѣетъ. Лордъ, прощайте!
Прощай, мой Гриффитъ! Ты же, Пациенца,
Побудь со мной: мнѣ надо лечь въ постель.
Да позови другихъ моихъ прислужницъ.
Когда умру я, милая моя,
Воздайте мнѣ всѣ почести; усыпьте
Меня цвѣтами дѣвственными – пусть
Узнаютъ всѣ, что я была до гроба
Супругой цѣломудренной. Тѣло
Мое набальзамируйте потомъ
И выставьте его передъ народомъ.

Хоть нѣтъ на мнѣ вѣнца, но я прошу
Меня похоронить, какъ королеву,
Какъ государя дочь... Мнѣ дурно, дурно...

(Ее уводятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сцена I.

Лондонъ. Галлерей во дворцѣ.

*Входятъ ГАРДИНЕРЪ, епископъ Винчестерскій, передъ нимъ ПАЖЪ съ факеломъ; съ ними
встрѣчается СЭРЪ ТОМАСЪ ЛОВЕЛЬ.*

ГАРДИНЕРЪ.

Что? первый часъ пробилъ?

ПАЖЪ.

Такъ точно.

ГАРДИНЕРЪ.

Эти
Часы прилично посвящать дѣламъ
Необходимымъ – не забавамъ. Намъ
Они нужны для подкрѣпленья тѣла
Спасительнымъ спокойствіемъ, и мы
Ихъ не должны безъ пользы расточать.
Сэръ Томасъ, вы! Откуда же такъ поздно?

ЛОВЕЛЬ.

А вы, милордъ, отъ короля теперь?

ГАРДИНЕРЪ.

Да; съ Суффолкомъ играетъ онъ въ примеро.

ЛОВЕЛЬ.

Его необходимо видѣть мнѣ,
Пока въ постель не легъ онъ. До свиданья!

ГАРДИНЕРЪ.

Позвольте, сэръ. Въ чемъ дѣло? Что-то вы
Торопитесь ужъ очень. Коль разспросы

Мои не оскорбительны, такъ пусть
Вашъ другъ теперъ хотъ что-нибудь узнаеть
О томъ, что васъ тревожить въ позднѣй часъ.
Вѣдь, тѣ дѣла, которыя блуждаютъ,
Какъ духи тьмы, въ полночные часы,
Страшнѣе тѣхъ, что днемъ мы исполняемъ.

ЛОВЕЛЬ.

Я васъ люблю, милордъ, и будь секретъ мой
Еще важнѣй – я бы открылся вамъ.
Все дѣло въ томъ, что наша королева
Теперъ въ родахъ и, говорятъ, въ большой
Опасности. Боятся, что погубятъ
Они ее.

ГАРДИНЕРЪ.

Молюсь я отъ души
За плодъ ея, за жизнь его и счастье.
Что жъ дерева касается, сэръ Ловель,
Желалъ бы я, чтобъ спинуло оно.

ЛОВЕЛЬ.

На это я «аминь» могу отвѣтить.
Но все-таки мнѣ совѣсть говоритъ,
Что доброты и кротости въ ней много
И что она желаній лучшихъ стоитъ.

ГАРДИНЕРЪ.

Но, сэръ, но, сэръ... Послушайте, сэръ Ловель,
Вы человекъ такихъ же убѣжденій,
Какихъ и я; вы набожны, умны –
Такъ слушайте жъ, что я скажу: не будетъ
Никакъ добра – не будетъ, вѣрьте мнѣ,
Пока Кромвель и Кранмеръ, руки Анны
Съ ней вмѣстѣ не найдутъ успокоенья
Въ своихъ гробахъ.

ЛОВЕЛЬ.

Но, сэръ, вѣдь, вы назвали
Двоихъ людей, знатнѣйшихъ въ государствѣ.
Изъ нихъ Кромвель, сверхъ званья своего –
Хранителя сокровищъ королевства –
Пожалованъ смотрителемъ архивовъ
И короля секретаремъ; притомъ
Онъ на дорогѣ къ почестямъ другимъ,
Которыми его осыплетъ время.
А Кранмеръ – тотъ у короля языкъ

И правая рука: такъ кто жь посмѣеть
Противъ него хоть что-нибудь сказать?

Г А Р Д И Н Е Р Ъ .

Нѣтъ, сэръ Томасъ, есть люди, есть, повѣрьте,
Которые осмѣлятся. Я самъ
О немъ сказать свое рѣшился мнѣнне.
Сегодня – сэръ, я вамъ могу открыться –
Сегодня мнѣ въ совѣтѣ удалось
Воспламенить всѣхъ лордовъ, показавши
Его архи-еретикомъ, чумою,
Которая страну всю заражаетъ:
Что онъ таковъ, такъ это мнѣ и имъ
Давно уже извѣстно. Негодуя,
Все королю представили они.
Онъ выслушалъ моленье, и въ великой
Заботливости царственной, предвидя
Ужасныя послѣдствія того,
О чемъ ему сказали мы – вельбль,
Чтобъ вызванъ былъ поутру завтра Кранмеръ
Въ собраніе совѣта. Да, сэръ Ловель,
Онъ – вредная трава, и мы должны
Вонъ выполоть ее. Но я ужъ слишкомъ
Васъ задержалъ. Сэръ Ловель, доброй ночи!

Л О В Е Л Ъ .

Вамъ тысячу ночей спокойныхъ, лордъ!

(Гардинеръ и Ловель уходятъ.)

Входятъ Король и Герцогъ Суффолькъ.

К О Р О Л Ъ .

Чарльзъ, нынче я играть не буду больше.
Разсѣянъ я, и для меня сегодня
Ты черезчуръ искусень.

С У Ф Ф О Л Ъ К Ъ .

Государь,
Я въ первый разъ съ васъ выигралъ сегодня.

К О Р О Л Ъ .

И то пустякъ какой-то; но, конечно,
И этого не можетъ быть, когда
Внимательно слѣжу я за игрою.
Ну, Ловель, какъ здоровье королевы?
Что новаго?

Л О В Е Л Ъ .

Ей лично передать
Не могъ я то, что вы мнѣ поручили,
И передалъ черезъ одну изъ фрейлинъ.
Съ смиреніемъ полнѣйшимъ королева
Благодарить велѣла и просить,
Чтобъ за нее вы отъ души молились.

КОРОЛЬ.

Что ты сказалъ? молиться за нее?
Такъ начались ужъ муки?

ЛОВЕЛЬ.

Такъ сказали
Мнѣ женщины ея, и говорятъ,
Что каждая изъ этихъ мукъ ужасна,
Какъ смерть сама.

КОРОЛЬ.

Ахъ, бѣдная!

СУФФОЛЬКЪ.

Дай Богъ,
Чтобъ безъ большихъ страданій королева
Спокойно разрѣшилась и скорѣе
Наслѣдникомъ порадовала насъ.

КОРОЛЬ.

Ужъ полночь, Чарльзъ. Иди ложиться спать
И помяни въ молитвахъ королеву
Страдалицу. Оставь меня; я долженъ
О томъ еще подумать, что не любить
Сообщества.

485

СУФФОЛЬКЪ.

Желаю доброй ночи
Вамъ, государь – и помолюсь сегодня
О доброй государынѣ моей.

КОРОЛЬ.

Спокойной ночи, Чарльзъ.

(Суффолькъ уходитъ.)

Входитъ СЭРЪ АНТОНІЙ ДЕННИ.

Ну, что, сэръ Денни?
Что скажете?

ДЕННИ.

Я, государь, привель,
По вашему велѣнію, милорда
Архіепископа.

КОРОЛЬ.

А, Кентербери?

ДЕННИ.

Да, государь.

КОРОЛЬ.

Такъ, такъ. А гдѣ онъ, Денни?

ДЕННИ.

Онъ здѣсь и ждетъ, что будетъ вамъ угодно
Сказать ему.

КОРОЛЬ.

Зови его сюда. *(Денни уходитъ.)*

ЛОВЕЛЬ *(въ сторону)*.

Онъ по тому здѣсь дѣлу, о которомъ
Мнѣ говорилъ епископъ. Какъ я кстати
Пришелъ сюда!

ДЕННИ *возвращается съ КРАНМЕРОМЪ.*

КОРОЛЬ.

Оставьте насъ, милорды!

(Ловель медлитъ.)

Га! что стоите? – убирайтесь вонъ!

(Ловель и Денни уходятъ.)

КРАНМЕРЪ *(въ сторону)*.

Мнѣ страшно: онъ наморщилъ брови; гнѣвно
Его лицо... Все это не къ добру.

КОРОЛЬ.

Ну, что, милордъ, вы, вѣрно, знать хотите,
Зачѣмъ я васъ велѣлъ позвать?

КРАНМЕРЪ *(преклоня колына)*.

Мой долгъ –

Ждать вашего величества велѣній.

КОРОЛЬ.

Мой добрый лордъ Кентерберійскій, встаньте,
Я васъ прошу. Походимъ вмѣстѣ здѣсь.
Я новости вамъ сообщить имѣю.
Ну, дайте же мнѣ вашу руку. Ахъ,
Мой добрый лордъ, и самому мнѣ больно
Вамъ говорить объ этомъ; очень грустно
То повторять, что здѣсь вы отъ меня
Услышите. Недавно много жалобъ
Серьезнѣйшихъ – милордъ, я повторяю –
Серьезнѣйшихъ на васъ дошло ко мнѣ,
Къ прискорбію большому. Разсмотрѣвъ ихъ,
Рѣшили мы съ совѣтомъ нашимъ – васъ
Потребовать къ отвѣту нынче утромъ.
Но знаю я, что тутъ вамъ трудно будетъ
Сейчасъ же оправдаться, и пока
Не разберутъ подробнѣй обвиненій,
Терпѣньемъ вамъ вооружиться надо –
И Тоуэръ нашъ избрать своимъ жилищемъ.
Вы нашъ собратъ въ совѣтѣ: потому-то
Такъ поступить должны мы, а иначе
Кто жъ противъ васъ осмѣлится явиться
Свидѣтелемъ?

КРАНМЕРЪ (*преклоня колына*).

Нижайше благодаренъ
Я вашему величеству, и радъ
Я случаю прекрасному такому,
Который все провѣдетъ хорошо,
Зерно мое отбросивъ отъ мякины.
Да, знаю я, нѣтъ никого, кто былъ бы
Преслѣдуемъ такъ сильно клеветой,
Какъ бѣдный я.

КОРОЛЬ.

Встань, добрый Кентербери.
Мы – другъ тебѣ, и въ насъ укоренились
Твой честный нравъ и правота твоя.
Ну, встаньте же и дайте вашу руку –
Походимъ. Удивляюсь вамъ; я думалъ,
Что вы меня начнете умолять –
Лицомъ къ лицу поставить васъ съ врагами
И выслушать, не отправляя въ Тоуэръ.

КРАНМЕРЪ.

Я, государь, защиту всю мою
Лишь въ честности и правдѣ полагаю.
Падутъ онѣ – тогда я самъ начну
Торжествовать съ врагами надъ собою,
Затѣмъ что чтить себя я не могу
Безъ этихъ двухъ достоинствъ. Обвиненій
Я не страшусь нисколько.

КОРОЛЬ.

Развѣ вы
Не знаете, въ какомъ вы положеніи
Находитесь по отношенію къ свѣту?
Враговъ у васъ не мало, и не слабыхъ,
И козни ихъ, какъ и они, сильны.
А не всегда, вѣдь, правота и честность,
Какъ должно бы, выигрываютъ тяжбу.
Испорченнымъ созданіямъ легко
Сыскать себѣ такихъ же точно плутовъ
Испорченныхъ, которые, подъ клятвой,
Свидѣтелями вышли бѣ противъ васъ.
Случаются дѣла такія часто.
У васъ, милордъ, противники сильны,
И злоба ихъ не меньше этой силы.
Ужели вы, по отношенію къ ложнымъ
Свидѣтельствамъ, считаете себя
Счастливей, чѣмъ былъ Спаситель нашъ –
Котораго служитель вы – въ то время,

486

Какъ въ мірѣ семъ испорченномъ Онъ жилъ?
Оставьте, лордъ, оставьте! Черезъ пропасть
Не кажется вамъ гибельнымъ прыжокъ,
И сами вы на явную погибель
Себя обречь хотите.

КРАНМЕРЪ.

Богъ и вы,
Мой государь, мою спасутъ невинность;
А безъ того мнѣ не уйти, конечно,
Отъ западни, раскрытой предо мной.

КОРОЛЬ.

Такъ будьте же покойны. Не пойти
Имъ далѣе, чѣмъ это мы позволимъ.

Вамъ нечего тревожиться. Въ совѣтъ
Явитесь вы поутру. Коль они,
Васъ обвинивъ, приговорятъ къ темницѣ,
Возстаньте вы всей силой убѣжденья
На приговоръ такой и къ жесткой рѣчи
Прибѣгните, коль это будетъ нужно.
А если же всѣ убѣжденья пользы
Не принесутъ – вручите этотъ перстень
Противникамъ и объявите имъ,
Что дѣло вы свое передаете
На личное рѣшеніе мое.
Добрякъ, онъ плачетъ. Онъ, клянуся честью,
Прекрасный, благородный человѣкъ!
Да, Матерь Божья, въ цѣломъ государствѣ
Мнѣ не найти души вѣрнѣй и чище.
Идите же теперь и поступайте,
Какъ я сказалъ. (*Кранмеръ уходитъ.*)
Въ немъ слезы заглушили
Способность говорить.

ДЖЕНТЛЬМЭНЪ (за сценой).

Назадъ! Зачѣмъ?

ЛЕДИ (за сценой).

Нѣтъ, не уйду! Извѣстіе, съ которымъ
Явилась я, оправдываетъ дерзость.

Входитъ Пожилая Леди; за ней Сэръ Томасъ Ловель.

ЛЕДИ.

Да носятся святыя духи неба
Надъ царственной твоею головою –
И крыльями блаженными своими
Да осѣнятъ тебя!

КОРОЛЬ.

Я вѣсть твою
Въ глазахъ твоихъ читаю. Королева
Ужъ родила? Ну говори же: да,
И мальчика?

ЛЕДИ.

Да, да, мой повелитель –
И мальчика прекраснаго. Господь
Благослови ее теперь и вѣчно!...
Нѣтъ, дѣвочку – но дѣвочка собой
И мальчиковъ въ грядущемъ общаетъ.

Монархиня желаетъ видѣть васъ,
Мой государь, а вмѣстѣ познакомить
Съ пришельцемъ въ міръ; на васъ похожъ ребенокъ,
Какъ вишенка на вишенку.

КОРОЛЬ.

Сэръ Ловель!

ЛОВЕЛЬ.

Здѣсь, государь.

КОРОЛЬ.

Пусть ей дадутъ сто маркъ,
А я теперь отправлюсь къ королевѣ.

(Уходитъ.)

ЛЕДИ.

Сто маркъ! ну, мнѣ больше надо дать;
Такъ, вѣдь, дарятъ и конюха простого.
Да, надо мнѣ побольше, иль поссорюсь
Я съ королемъ. Затѣмъ ли я сказала,
Что дѣвочка похожа на него?
Такъ пусть даютъ мнѣ больше, иль иначе,
Отъ словъ своихъ я отрекусь. Теперь же
Желѣзо куй, покамѣсть горячо. *(Уходитъ.)*

Сцена II.

Сѣни передъ комнатою совѣта.

Пажи, разсылные и проч. стоятъ у двери. Входитъ КРАНМЕРЪ, архіепископъ Кентерберійскій.

КРАНМЕРЪ.

Надѣюсь, я не опоздалъ явиться,
Хоть посланный за мною изъ совѣта
Просилъ меня, какъ можно, поспѣшить,
Все заперто! Что жъ это значить? Эй!
Кто у дверей дежурнымъ?

Входитъ ПРИВРАТНИКЪ.

КРАНМЕРЪ.

Ты, вѣдь, знаешь
Меня, привратникъ?

ПРИВРАТНИКЪ.

Точно такъ, милордъ:
Но не могу ничѣмъ вамъ быть полезнымъ.

КРАНМЕРЪ.

А почему?

ПРИВРАТНИКЪ.

Вы обождать должны
Покамѣсть васъ не позовутъ.

Входитъ ДОКТОРЪ БОТСЪ.

КРАНМЕРЪ.

Вотъ какъ!

БОТСЪ (*въ сторону*).

Вотъ злоба гдѣ примѣрная. Я радъ,
Что, къ счастью, пришлось пройти мнѣ мимо.
Сейчасъ же все скажу я королю. (*Уходитъ*.)

487

КРАНМЕРЪ (*въ сторону*).

А, это Ботсъ, врачъ короля. Какъ мрачно
Онъ, проходя, свой взоръ въ меня вперилъ!
Дай только Богъ, чтобъ моего несчастья
Не разгласилъ онъ всюду. Нѣтъ сомнѣнья,
Враги мои придумали все это –
Исправи Богъ сердца ихъ: не искалъ
Я злобы ихъ – для моего позора;
Иначе бы, конечно, постыдились
Они меня заставить ждать у двери,
Меня – сочлена своего въ совѣтъ –
Въ толпѣ пажей, жокеевъ и лакеевъ.
Но подожду съ терпѣньемъ. Пусть свершится
Желанье ихъ.

Наверху въ окнѣ показываются КОРОЛЬ *и* БОТСЪ.

БОТСЪ.

Сейчасъ вамъ, государь,
Я покажу одну изъ самыхъ странныхъ
Вещей.

КОРОЛЬ.

Что, Ботсъ, такое?

БОТСЪ.

Можетъ быть,

Ужъ вашему величеству случилось
Свидѣтелемъ такихъ явленій быть?

КОРОЛЬ.

Но, чортъ возьми, гдѣ эту вещь ты видишь?

БОТСЪ.

Здѣсь, государь! Смотрите, какъ повышень
Свѣтлѣйшій лордъ Кентерберійскій! Вотъ
Онъ тамъ стоитъ у двери межъ разсылныхъ,
Пажей и слугъ.

КОРОЛЬ.

Га! это точно онъ.
Такъ вотъ они какъ воздають другъ другу
Почтеніе! Ну, хорошо, что есть
Еще одинъ глава надъ всѣми ими.
Я полагаю, что есть у нихъ на столько
Правдивости, иль, наконецъ, приличья,
Что потерпѣть не захотятъ они,
Чтобъ челоувѣкъ въ такомъ высокомъ санѣ,
Столь близкій намъ, ждалъ приказаній ихъ
И милости – у двери, какъ разсылный
Съ пакетами. Клянусь Святою Дѣвой,
Такъ подлецы лишь могутъ поступать!
Задерни занавѣску; намъ сегодня
Еще не то придется услышать. (*Скрываются.*)

Сцена III.

Зала совѣта.

Входятъ: Лордъ-Канцлеръ, Герцогиня Норфолькъ и Суффолькъ, графъ Серри. Лордъ-Камергеръ, Гардинеръ и Кромвель. Канцлеръ садится въ верхнемъ концѣ стола, по лѣвую сторону; выше его мѣсто архіепископа Кентерберійскаго остается пустымъ. Остальные всѣ садятся по порядку по обѣимъ сторонамъ. Кромвель, какъ секретарь, занимаетъ мѣсто на нижнемъ концѣ.

Привратникъ стоитъ у двери.

КАНЦЛЕРЪ.

Лордъ-секретарь, приступимъ прямо къ дѣлу.
Зачѣмъ сюда мы собрались?

КРОМВЕЛЬ.

Милорды
Почтенные, главнѣйшая причина
Касается милорда Кентербери.

ГАРДИНЕРЪ.

Онъ извѣщенъ объ этомъ?

КРОМВЕЛЬ.

Точно такъ.

НОРФОЛЬКЪ.

Кто ждетъ тамъ?

ПРИВРАТНИКЪ.

Гдѣ? за дверью, лорды?

ГАРДИНЕРЪ.

Да.

ПРИВРАТНИКЪ.

Милордъ архіепископъ. Съ полчаса
Уже онъ ждетъ, что будетъ вамъ угодно
Сказать ему.

КАНЦЛЕРЪ.

Впустить его сюда!

ПРИВРАТНИКЪ.

Теперь взойти вамъ можно, ваша свѣтлость!

Входитъ КРАНМЕРЪ и приближается къ столу.

КАНЦЛЕРЪ.

Добрѣйшій лордъ-архіепископъ, больно
Мнѣ здѣсь сидѣть и видѣть ваше кресло
Незанятымъ. Но мы, вѣдь, люди всѣ, -
Намъ слабости дала сама природа
И сдѣлала рабами плоти. Мало
Есть ангеловъ. По слабости-то этой
И мудрости отсутствію, вы сами,
Который намъ служить примѣромъ долженъ,
Попались въ грѣхъ, немаловажный грѣхъ;
Онъ короля касается, во-первыхъ,
А во-вторыхъ, его законовъ: вы –
Какъ знаемъ мы о томъ – по государству,
Какъ собственнымъ ученьемъ, такъ посредствомъ
Священниковъ своихъ, распространяли
Всѣ новыя и пагубныя мнѣнья,
Которыя мы ересью зовемъ.
Искоренить ихъ должно намъ – иначе
Грозитъ бѣда большая.

ГАРДИНЕРЪ.

Да, милорды,
 И мѣрою искоренить внезапной,
 Рѣшительной. Вѣдь, дикаго коня
 Кто укротить беретъся, тотъ не станетъ
 Ласкать его и гладить, а зажметъ
 Строптивый ротъ стальными удилами
 И будетъ бить и шпорить до тѣхъ поръ
 Его, пока не усмирится онъ.
 Такъ если мы, изъ лѣности безпечной,
 Изъ жалости ребяческой, боясь
 Честь чью-нибудь задѣть, не остановимъ
 Губительной заразы этой вдругъ –
 Прощай тогда спасенье! И какія
 Послѣдствія отъ этого? Лишь бунты
 Да мятежи, да общая зараза
 По всей странѣ. Еще недавно наши
 Германскіе сосѣди показали
 Такой примѣръ печальный – и свѣжо
 У насъ въ сердцахъ воспоминанье это.

КРАНМЕРЪ.

Почтенные и добрые милорды,
 До этихъ поръ, въ теченье жизни всей
 И службы, я старался постоянно
 И ревностно, чтобы мои слова
 И строгія обязанности сана
 Однимъ путемъ и безупречно шли
 Всегда къ одной и той же цѣли – къ благу.
 Нѣтъ на землѣ, милорды, человѣка –
 Безъ хвастовства я это говорю –
 Который бы, по совѣсти, по мѣсту
 Служебному, былъ болѣе меня
 Противникомъ и больше ненавидѣлъ
 Смущающихъ общественный покой.
 Дай Богъ, чтобъ всѣ служили государю
 Съ неменьшею любовью. Люди тѣ,
 Которые питаются лишь злобой
 Да завистью, вѣдь, не боятся грызть
 И самое прекрасное. Милорды,
 Я васъ молю, въ теперешнемъ процесѣ,

Кто-бъ ни были винящїе меня,
Поставить ихъ лицомъ къ лицу со мною,
И пусть они свободно говорятъ,
Что думаютъ.

СУФФОЛЬКЪ.

Нѣтъ, это невозможно.
Милордъ, вы членъ совѣта, и никто
Васъ обвинить открыто не посмѣеть.

ГАРДИНЕРЪ.

Милордъ, у насъ еще есть много дѣлъ
Значительнѣй, чѣмъ ваше. Потому-то
Мы поспѣшимъ. По волѣ государя
И нашему согласью, для того,
Чтобъ лучшїй ходъ имѣлъ нашъ судъ надъ вами,
Отсюда вы должны сейчасъ же въ Тоуэръ
Отправиться. Тамъ частнымъ человѣкомъ
Вы станете, какъ прежде, и тогда
Увидите, что многіе посмѣютъ
Васъ обвинить открыто; и такихъ,
Я думаю, найдется много больше,
Чѣмъ сами вы предвидите.

КРАНМЕРЪ.

Ахъ, добрый
Лордъ Винчестеръ, благодарю васъ; вы
Всегда, вѣдь, мнѣ хорошимъ другомъ были.
О, сдѣлайся по вашему, конечно,
Нашель бы въ васъ я своего судью:
Вы такъ добры и милосерды. Вижу
Я вашу цѣль: она – моя погибель.
Почтенный лордъ, смиренье и любовь
Приличнѣе, чѣмъ жажда честолюбыя,
Духовному лицу: не отвергать
Оно должно, а кротостію слова
Къ себѣ сердца заблудшихъ приближать.
Что я вполнѣ успѣю оправдаться –
Чѣмъ ни было бѣ терпѣніе мое
Терзаемо – то сомнѣваюсь въ этомъ
Такъ мало я, какъ вы стыдитесь
Свершать дѣла дурныя каждый день.
Сказалъ бы я и больше, но смиряюсь,
Затѣмъ, что въ васъ я званье ваше чту.

ГАРДИНЕРЪ.

Милордъ, милордъ, вы еретикъ – и въ этомъ

Сомнѣнья нѣтъ. Кто понимаетъ васъ,
Тотъ различить подъ этимъ яркимъ лоскомъ
Одни слова и слабости.

КРОМВЕЛЬ.

Милордъ,
Простите мнѣ, но вы немного рѣзки
Въ своихъ рѣчахъ. Такой почтенный мужъ,
Когда бъ и былъ виновенъ, все жъ имѣеть
На уваженъе право, хоть бы въ память
Того, чѣмъ былъ онъ прежде. Оскорблять
Упавшаго - жестоко.

ГАРДИНЕРЪ.

Извините,
Любезнѣйшій нашъ секретарь, но, право,
Такъ говорить вамъ можно меньше, чѣмъ
Кому-нибудь изъ всѣхъ сидящихъ съ нами.

КРОМВЕЛЬ.

А почему, милордъ?

ГАРДИНЕРЪ.

Да развѣ мнѣ
Невѣдомо, что къ этой новой сектѣ
Привязаны вы также? сами вы
Нечисты.

КРОМВЕЛЬ.

Я нечистъ?

ГАРДИНЕРЪ.

Да, повторяю,
Нечисты вы.

КРОМВЕЛЬ.

Когда-бъ хоть въ половину
Вы были такъ же чисты – вѣрно васъ,

Не страхъ людей – молитвы провожали бъ.

ГАРДИНЕРЪ.

Рѣчь дерзкую я эту не забуду.

КРОМВЕЛЬ.

Я очень радъ. Да не забудьте также
И дерзкую жизнь вашу.

КАНЦЛЕРЪ.

Это слишкомъ!
Милорды, перестаньте; постыдитесь!

Гардинеръ.

Я все сказалъ.

КРОМВЕЛЬ.

И я.

КАНЦЛЕРЪ (*Кранмеру*).

Что васъ, милордъ,
Касается, такъ здѣсь единодушно
Рѣшили всѣ, что въ Тоуэръ вы должны
Отправиться сейчасъ и тамъ остаться,
Пока король дальнѣйшихъ приказаній
Не сообщитъ совѣту. Такъ, милорды?
Согласны вы?

Всѣ.

Согласны.

КРАНМЕРЪ.

Неужели
Другого нѣтъ спасенья для меня,
И долженъ я итти, какъ плѣнникъ, въ Тоуэръ?

ГАРДИНЕРЪ.

Чего жъ еще вы ждете? Вы ужасно
Докучливы. Позвать сюда изъ стражи
Кого-нибудь!

Входитъ СТРАЖА.

КРАНМЕРЪ.

Какъ, стража для меня?
И я пойду подъ стражей, какъ измѣнникъ?

ГАРДИНЕРЪ.

Эй, взять его и въ Тоуэръ отвести!

КРАНМЕРЪ.

Позвольте мнѣ два слова вамъ сказать,
Почтенные милорды. Въ силу перстня

Вотъ этого, процессъ мой исторгаю
Я изъ когтей людей жестокосердыхъ
И отдаю его судьбѣ другому,
Правдивому – монарху моему
Властителю.

КАМЕРГЕРЬ.

То – перстень королевскій.

СЕРРИ.

Дѣйствительно, - онъ неподдѣльный.

СУФФОЛЬКЪ.

Да.

Свидѣтель Богъ, то настоящій перстень.
Я говорилъ вамъ всѣмъ, что этотъ камень –
Чуть тронемъ мы – на насъ же упадетъ.

НОРФОЛЬКЪ.

Неужли же вы думали, милорды,
Что государь позволить повредить
Хотя мизинецъ этого прелата?

КАНЦЛЕРЬ.

Теперь ужъ нѣтъ сомнѣнья! жизнь его
Такъ высоко онъ цѣнитъ... Мнѣ душевно
Хотѣлось бы остаться въ сторонѣ.

КРОМВЕЛЬ.

Я твердо былъ увѣренъ, что, собирая
Со всѣхъ сторонъ доносы на него –
Правдивости котораго лишь дьяволъ
И дьявола служители способны
Завидовать – вы пламя раздували,
Которое самихъ же васъ теперь
Сожжетъ. Ну, что жъ, и расправляйтесь сами!

Входитъ КОРОЛЬ; онъ гнѣвно взглядываетъ на присутствующихъ и садится на свое мѣсто.

ГАРДИНЕРЬ.

Великій повелитель, каждый день
Благодарить обязаны мы Бога,
Что далъ онъ намъ такого короля,
Въ комъ доброта и мудрость сочетались
Съ прекраснѣйшимъ религіознымъ чувствомъ;
Кто, полный весь смиренья, ставитъ церковь
Вѣнцомъ своей державной славы; кто,
Изъ чистаго почтенья къ ней и съ цѣлью

Еще сильнѣй окрѣпнуть въ этомъ долгѣ
Священнѣйшемъ, самъ, царственной особой,
Пришелъ сюда, чтобъ выслушать процессъ
Межъ церковью и этимъ человѣкомъ,
Такъ глубоко обидѣвшимъ ее.

КОРОЛЬ.

Лордъ Винчестеръ, всегда вы отличались
Способностью – похвальныя слова
Произносить экспромтомъ; но сюда я
Пришелъ не съ тѣмъ, чтобъ слушать эту лесть.
Въ ней пошлости и низости такъ много,
Что ей не скрыть поступковъ вашихъ злыхъ.
Не обмануть меня вамъ. Какъ болонка,
Виляя языкомъ, хотите вы
Меня прельстить. Но что бы обо мнѣ
Ни думалъ ты – я твердо въ томъ увѣренъ,
Что и жестокъ и кровожаденъ ты.

(Кранмеру.)

Сядь, добрый человѣкъ. Теперь посмотримъ,
Гдѣ дерзкій тотъ, который погрозить
Осмѣлится тебѣ однимъ хоть пальцемъ?
Клянусь я всѣмъ священнымъ, что ему
Ужъ лучше бы отъ голоду издохнуть,
Чѣмъ только мысль простую возымѣть,
Что этого ты мѣста не достоинъ.

СЕРРИ.

Коль будетъ вамъ угодно, государь...

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, сэръ, совсѣмъ не будетъ мнѣ угодно.

Я полагалъ, что люди съ здравымъ смысломъ
И мудрые сидятъ въ моемъ совѣтѣ;
Но страшно я ошибся. Хорошо ль,
Милорды, вы скажите, поступили,
Заставивши у двери ждать его,
Какъ вшиваго разсыльнаго, - его,
Который добръ и честенъ, и по сану
Вамъ равенъ всѣмъ? Позоръ и срамота!
Да развѣ вамъ я далъ уполномочье

Забиться такъ? Я правомъ васъ облекъ
Судить его – но такъ судить, какъ члена
Совѣта моего, не какъ лакея.
Я знаю, здѣсь такіе люди есть,
Которые – скорѣй по хитрой злобѣ,
Чѣмъ по любви къ правдивости – надъ нимъ
Желали бъ судъ произнести ужасный;
Но не бывать тому, пока я живъ.

КАНЦЛЕРЪ.

Позвольте мнѣ, великій нашъ властитель,
Къ вамъ рѣчь держать и ею оправдать
Сидящихъ здѣсь. Коль мы приговорили
Его къ тюремѣ, то не по злобѣ такъ
Рѣшили мы, а съ тѣмъ, чтобъ только средство
Подать ему – предъ свѣтомъ оправдаться
И доказать невинность; за себя
Ручаться я могу, по крайней мѣрѣ.

КОРОЛЬ.

Такъ чтите же, милорды, всѣ его,
Въ свою среду его примите снова
И искренно любите – онъ достоинъ
Того вполнѣ. Скажу еще я больше:
Коль государь обязанъ можетъ быть
Кому-нибудь изъ подданныхъ, такъ это,
Конечно, я – за преданность его
И вѣрное служенье. Обнимитесь
И станьте всѣ друзьями. Добрый мой
Милордъ Кентерберійскій, я имѣю
Еще одну къ вамъ просьбу – вы не въ правѣ
Мнѣ отказать. Прекрасная малютка
Нуждается въ крещеньи. Воспринять
Обязаны ее вы отъ купели.

КРАНМЕРЪ.

Такая честь составила бы гордость
Славнѣйшаго изъ всѣхъ живыхъ царей;
Такъ чѣмъ же я, вашъ подданный смиренный,
Могъ зслужить ее?

КОРОЛЬ.

Ну, полно, полно!
Я думаю, что рады были бъ вы
Не тратиться на ложки. Благородныхъ
Товарищей я дамъ вамъ: герцогиню
Норфолькъ и съ ней маркизу Дорсетъ. Что жъ,

Довольны вы? Лордъ Винчестеръ, я снова
Прошу его обнять и полюбить.

Г А Р Д И Н Е Р Ъ .

Цѣлую васъ отъ искренняго сердца
И съ братскою любовью.

К Р А Н М Е Р Ъ .

Видитъ Богъ,
Какъ сладостно мнѣ это увѣренье!

К О Р О Л Ъ .

Мужъ праведный, по радостнымъ слезамъ
Я узнаю, что говоришь ты правду.
Да, видно, справедлива поговорка
Народная: «милорду Кентербери
Ты сдѣлай зло – твоимъ онъ другомъ станетъ».
Идемте же, милорды; время тратимъ
Мы только понапрасну; мнѣ бь хотѣлось
Скорѣй мою малютку окрестить.
Я примирить успѣлъ, милорды, васъ.
Совѣтую навѣкъ друзьями вамъ остаться,
Чтобъ власть мою поднять, самимъ же возвышаться.

(Уходитъ.)

Сцена IV.

Дворцовый дворъ.

Шумъ и суматоха за сценой. Входятъ Привратникъ со своимъ Помощникомъ.

П Р И В Р А Т Н И К Ъ . Да перестанете ли вы шумѣть, каналы? Никакъ вы королевскій дворъ приняли за Парижскій садъ. Довольно вамъ горланить, бѣшеные!

Г О Л О С Ъ З А С Ц Е Н О Й . Добрый господинъ привратникъ, я принадлежу къ кухнѣ.

П Р И В Р А Т Н И К Ъ . Ты принадлежишь къ висѣлицѣ, и на ней бы висѣть тебѣ, негодяй! Ну, мѣсто ли здѣсь шумѣть тебѣ? Принесите-ка мнѣ дюжину яблонныхъ палокъ, да поплотнѣе; эти – просто хлыстики. Вотъ я понагрѣю вамъ головы! Тоже захотѣли посмотрѣть на крестины. Захотѣлось, видно, элю да пироговъ, каналы?

П О М О Щ Н И К Ъ .

Оставьте ихъ въ покоѣ; невозможно
Ихъ отгонять отъ двери – развѣ къ пушкамъ
Прибѣгнете – какъ невозможно спать
Заставить ихъ въ день первый мая. Право,
Скорѣе храмъ святого Павла съ мѣста

Вы сдвинете, чѣмъ эту всю толпу.

Привратникъ. Да какъ же, чортъ ихъ побери, ворвались они сюда?

Помощникъ.

Я этого не знаю; вѣрно, такъ же,
Какъ и приливъ. Что можно было сдѣлать
Здоровою и длиною дубиной –
Вы видите ея остатокъ жалкій –
Я сдѣлалъ, сэръ.

Привратникъ.

Ты ничего не сдѣлалъ,

491

Помощникъ. Да вѣдь я не Самсонъ, не сэръ Гугъ, не Кольбрандъ, чтобъ косить ихъ передъ собою. Но если я пощадилъ кого-нибудь, кому можно было проломить голову – старика или молодого, его или ее, того, кто носить рога, или ту, что приставляетъ рога – чтобъ не видать мнѣ больше ни куска мяса. А на это я не соглашусь даже за корону – спаси ее Господи!

Голосъ за сценой. Послушайте, господинъ привратникъ!

Привратникъ. Сейчасъ явлюсь къ вамъ, мой милѣйшій. Эй, ты! запри двери и не пускай никого.

Помощникъ. Да что же прикажете мнѣ дѣлать?

Привратникъ. Что дѣлать? Да валять ихъ цѣлыми дюжинами. Что это – Мурское поле, что ли? иль ужъ не явился ли ко двору какой-нибудь индеецъ съ большими снастями, что женщины такъ осаждаютъ насъ? (*Шумъ.*) Господи помилуй, что за безпутная сволочь толпится у воротъ! Клянусь своею христіанскою совѣстью, однѣ эти крестины породятъ тысячи; тутъ и настоящіе, и крестные отцы – все, что хочешь.

Помощникъ. Тѣмъ больше будетъ ложекъ, сэръ. Вонъ тамъ, у воротъ, стоитъ человекъ: судя по лицу его, онъ долженъ быть мѣдникъ, потому что, клянусь совѣстью, у него въ носу царствуетъ теперь двадцать каникулярныхъ дней, и стоящіе подлѣ него находятся подъ экваторомъ – другого наказанія имъ уже не нужно. Этого дракона я уже три раза съѣздилъ по головѣ, и всѣ три раза носъ его обдавалъ меня огнемъ; онъ стоитъ, точно мортира, готовая выстрѣлить въ насъ. Около него суетилась какая-то полоумная торговка и принялась ругать меня за то, что я надѣлалъ такой пожаръ въ государствѣ – и ругала до тѣхъ поръ, пока ея приплюснутая миска не полетѣла съ головы. Замахнувшись на мой метеоръ, я нечаянно съѣздилъ по затылку эту бабу, и она заревѣла: «палокъ! палокъ!» Тутъ къ ней на помощь кинулось человекъ сорокъ палочниковъ – надежда Странда, гдѣ она живетъ. Всѣ напали на меня – я не сдавался; наконецъ, подошли на разстояніе метлы – я все стоялъ твердо. Вдругъ изъ-за ихъ спины толпа мальчишекъ пустила въ меня такимъ градомъ

камней, что я принужденъ былъ спасти честь свою бѣгствомъ и уступить имъ поле сраженія. Что между ними былъ дьяволъ – въ этомъ я совершенно увѣренъ.

Привратникъ. Это гуляки, которые въ театрѣ шумятъ и дерутся изъ-за отвѣданного яблока и шума которыхъ не могутъ выносить никакіе слушатели, кромѣ товергильскаго цеха да членовъ Лаймгоуза, ихъ дорогихъ братьевъ. Нѣсколькихъ изъ нихъ я засадилъ уже въ *Limbo Patrum*, гдѣ они могутъ свободно танцовать эти три дня, въ ожиданіи десерта, который будетъ состоять изъ розогъ.

Входитъ Лордъ-Камергеръ.

КАМЕРГЕРЪ.

Создатель мой, что за толпа такая!
Со всѣхъ сторонъ тѣснятъ и бѣгутъ,
Какъ-будто бы на ярмарку. Да гдѣ же
Привратники – негодные лѣнтяи?
Ну, хорошо жъ работаете вы,
Хорошую вы напустили сволочь,
Ужъ это все не ваши ли друзья
Достойные изъ городскихъ предмѣстій?
Ну, мѣста тутъ не будетъ нашимъ леди,
Когда онѣ пойдутъ назадъ съ крестинь.

ПРИВРАТНИКЪ.

Почтенный лордъ, я доложить осмѣлюсь:
Вѣдь, люди мы. Что можно было сдѣлать,
Безъ страха быть разорваннымъ въ куски –
Мы сдѣлали. А съ ними совладать
И арміи, повѣрьте, не удастся.

КАМЕРГЕРЪ.

Пусть только мнѣ дастъ выговоръ король –
И я, клянусь, немедленно въ колодки
Васъ засажу за дерзкую небрежность!
Негодные лѣнтяи! вы съ виномъ
Тутъ возитесь, а службу позабыли.
Но, чу! трубятъ: они идутъ съ крестинь.
Эй, вы! скорѣй раздвиньте эту сволочь,
Прочистите свободную дорогу
Процессіи, не то – я васъ упрячу
Недѣль на восемь въ ближнюю тюрьму.

ПРИВРАТНИКЪ. Дайте дорогу принцессѣ!

Помощникъ. Эй, ты, длинноногій, посторонись, коли не хочешь
пріобрести головную боль.

ПРИВРАТНИКЪ. Ты, фуфаешникъ, проваливай отсюда, не то – переброшу
черезъ рѣшетку. (*Уходятъ.*)

Сцена V.

Во дворцѣ.

Трубы. Входятъ два АЛДЕРМЕНА, ЛОРДЪ-МЭРЪ, ГЕРОЛЬДЪ, КРАНМЕРЪ, ГЕРЦОГЪ НОРФОЛЬКЪ, съ маршальскимъ жезломъ, и ГЕРЦОГЪ СУФФОЛЬКЪ; два нобльмена несутъ крестинные подарки – большія чаши на ножкахъ; четыре нобльмена несутъ балдахинъ, подъ которымъ идетъ крестная мать, ГЕРЦОГИНЯ НОРФОЛЬКЪ,

492

съ ребенкомъ, одѣтымъ въ богатую мантию и т. д. Шлейфъ ея несетъ леди. За нею слѣдуютъ Маркиза Дорсетъ, другая крестная мать, и прочія леди. Вся процессія проходитъ по сценѣ.

ГЕРОЛЬДЪ. Да даруетъ Небо, въ своей безконечной благодати, долгую, спокойную, вѣчно-счастливую жизнь высокой и могущественной принцессѣ англійской, Елизаветѣ!

Трубы. Входитъ Король со свитой.

КРАНМЕРЪ (*преклоня колѣни*).

О вашемъ же величествѣ и доброй
Монархинѣ, за славныхъ воспріемницъ
И за себя, я такъ молюсь: дай Богъ,
Чтобъ каждый часъ въ ребенкѣ чудномъ этомъ
Для васъ росли вся радость, счастье все,
Какія лишь давать способно Небо
Родителямъ.

КОРОЛЬ.

Благодаренье вамъ,
Мой добрый лордъ-архіепископъ. Какъ же
Ее зовутъ?

КРАНМЕРЪ.

Елизаветой.

КОРОЛЬ.

Лордъ,
Прошу васъ встать.
(*Цѣлуя дитя.*) Прими съ лобзаньемъ этимъ
Мое благословенье. Пусть Господь
Хранитъ тебя! Въ Его святыя руки
Я отдаю всю жизнь твою.

КРАНМЕРЪ.

Аминь.

У васъ, моихъ достойныхъ воприемницъ,
Рука щедра ужъ слишкомъ. Отъ души
Благодарю. Васъ точно такъ же будетъ
Благодарить и эта, вотъ, принцесса,
Когда начнетъ, какъ должно выражаться
По-англійски.

К Р А Н М Е Р Ъ .

Позвольте, государь,
Сказать вамъ то, что мнѣ внушаетъ Небо,
И да никто не приметъ словъ моихъ
За лесть: они на дѣлѣ подтвердятся.
Сей царственный ребенокъ – да хранитъ
Его Господь вовѣки – въ колыбели
Уже сулитъ для этой всей страны
Несмѣтное число благословеній:
Отъ времени созрѣютъ всѣ они.
Она – дожить до этой благодати
Немногимъ намъ удастся – образцомъ
Послужить всѣмъ, какъ современнымъ съ нею
Властителямъ, такъ и позднѣйшимъ. Саба
Во весь свой вѣкъ такъ не любила мудрость
И добрыя дѣянія, какъ ихъ
Любить ея душа святая будетъ.
Удвоятся въ ней царственныя всѣ
Достоинства великаго отца
И доблести, что украшаютъ добрыхъ;
Правдивость ей кормилицею будетъ,
А помыслы небесныя – ея
Всегдашними совѣтниками; людямъ
Она вселитъ любовь и вмѣстѣ страхъ;
Друзья ея благословятъ; враги же,
Какъ смятые колосья, задрожать,
И, въ ужасѣ, поникнуть головами.
Съ ней возрастетъ и счастье страны;
При ней всегда спокойно будетъ каждый
Подъ собственной лозой питаться тѣмъ,
Что самъ же онъ посѣялъ, и сосѣдямъ
Пѣть пѣсни мира, полныя любви.
Творца земли познаютъ всѣ, какъ должно;
Всѣ близкіе узнаютъ отъ нея,
Какъ слѣдовать прямой дорогой чести
И ею лишь величья достигать –
Не знатностью. И это счастье съ нею
Не кончится: какъ дѣвственница-фениксъ,
Волшебница, изъ праха своего

Творить себѣ преемницу, такую жъ
Чудесную, какъ и она сама,
Такъ и она, когда изъ сей юдоли
Печальной тьмы ее возьметъ Господь,
Свою красу преемнику оставить;
Его создастъ священный прахъ ея
Величїя, и изъ него звѣздою
Возникнетъ онъ и славою своею
Сравнится съ ней. И миръ, и изобилїе,
И истина, и ужасъ, и любовь,
Служившія вотъ этому ребенку
Чудесному – все перейдетъ къ нему
И, какъ лоза, вокругъ него повьется.
Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только свѣтитъ солнце
Небесное, блескъ имени его
И доблести великія пребудутъ
И новые народы создадутъ.
Онъ зацвѣтетъ и, точно кедръ нагорный,
Широкими вѣтвями осѣнитъ
Окрестныя долины. Дѣти нашихъ
Дѣтей увидятъ это все – и Небо
Благословятъ.

КОРОЛЬ.

Какія чудеса
Пророчишь ты!

КРАНМЕРЬ.

Для счастья отчизны
Она до лѣтъ преклонныхъ доживетъ;
И много дней надъ нею пронесется,
И ни одинъ не минетъ безъ того,
Чтобъ подвигомъ благимъ не увѣнчаться.
О если бы я больше ничего
Не могъ прозрѣть! Но умереть ей должно

493

Когда-нибудь: святыя ждуть ее;
И дѣвою сойдетъ она въ могилу,
Какъ лилія чистѣйшая, и міръ
Одѣнется глубокою печалью.

КОРОЛЬ.

О, лордъ-архіепископъ, лишь теперь

Меня отцомъ ты сдѣлалъ настоящимъ!
До этого счастливаго ребенка,
Могу сказать, дѣтей я не имѣлъ.
Ты такъ меня хорошимъ предсказаньемъ
Обрадовалъ, что даже и съ небесъ
Я захочу на этого ребенка
Смотрѣть сюда и воздавать хвалу
Создателю. Васъ всѣхъ благодарю я;
Вамъ, добрый мой лордъ-мэръ, и вашимъ всѣмъ
Товарищамъ душевно я обязанъ;
Присутствіемъ своимъ большую честь
Вы сдѣлали, и быть вамъ благодарнымъ
Сумѣю я. Пойдемте, господа;
Я долженъ васъ представить королевѣ,
И васъ должна она благодарить,
Иначе ей не выльчиться. Нынче
Забудьте всѣ домашнія дѣла, -
Вы – гости всѣ мои. Малютки этой сила
День нынѣшній для насъ въ день празднествъ превратила.

(Уходятъ.)

ЭПИЛОГЪ.

Пари готовы держать, что не могла для всѣхъ
Піеса эта быть вполнѣ цѣнимой. Тѣхъ,
Что отдохнуть хотятъ, собираясь въ этой залѣ,
И актъ иль два соснуть – пожалуй, напугали
Мы звукомъ нашихъ трубъ; такъ эти господа,
Конечно, поспѣшатъ негодной никуда
Назвать ее. И тѣ, кого влечетъ желанье
Взглянуть на общее всѣхъ гражданъ осмѣянье
И крикнуть: «какъ остро!», здѣсь тоже ничего
По сердцу не нашли сегодня. Оттого
Похвалъ обычныхъ мы никакъ не ожидаемъ
И всю надежду лишь на женщинъ возлагаемъ
Съ душою мягкою, затѣмъ, что мы для нихъ
Представили одну изъ добрыхъ женъ такихъ.
Когда съ улыбкою сегодня одобренье
Онѣ намъ выскажутъ, въ то самое мгновенье,
Я знаю, перейдутъ вослѣдъ за ними къ намъ
Мужчины лучшіе: вѣдь, былъ бы стыдъ и срамъ,
Чтобъ эти господа молчаніе хранили,
Когда бы дамы ихъ похлопать попросили!

П. Вейнбергъ.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ «КОРОЛЮ ГЕНРИХУ ВОСЬМОМУ».

Прологъ.

*...охотника до пьесъ смѣшныхъ, безчинныхъ,
До разныхъ молодцовъ въ кафтанахъ пестрыхъ, длинныхъ
Обшитыхъ золотомъ...*

Здѣсь заключается намекъ на костюмы шутовъ того времени.

Дѣйствіе I, сцена I.

НОРФОЛЬКЪ.

Я видѣлъ ихъ межъ Гюйнесомъ и Ардомъ...

Гюйнесъ и Ардъ – два города въ Пикардіи; первый принадлежалъ англичанамъ, а послѣдній – французамъ. Долина между ними называлась Ардской.

Тамъ же.

НОРФОЛЬКЪ.

*Которыя насъ заставляли вѣрить
Всѣмъ сказочнымъ преданьямъ, даже сказку
Про Бевиса.*

Бевисъ – герой старинной баллады.

Тамъ же.

БУКИНГЭМЪ.

Песъ мясника наполнилъ ядомъ пасть...

Кардиналъ Вольсей былъ сынъ ипсвичскаго мясника.

Тамъ же, сцена III.

ЛОВЕЛЬ.

*.....остатки шутовства,
Добытаго во Франціи...*

Намекъ на перья, которыми прежде украшались шапки дураковъ (шувовъ), и на моду франтовъ времени Генриха VIII, украшавшихъ свой беретъ огромнымъ страусовымъ перомъ.

Тамъ же, сцена IV.

КОРОЛЬ.

*Дитя мое прекрасное! Я былъ бы
Невъжливый, когда бы пригласилъ
На танцы васъ и не далъ поцѣлуя.*

Въ то время кавалеръ обязанъ былъ благодарить свою даму за танецъ поцѣлуемъ.

Дѣйствіе II, сцена III.

КАМЕРГЕРЪ.

*.....вотъ эта леди
Намъ дастъ брилльянтъ, который озаритъ
Весь островъ нашъ.*

Намекъ на королеву Елизавету, дочь Анны Болленъ, въ царствованіе которой Шекспиръ жилъ и писалъ свои трагедіи.

Дѣйствіе III, сцена I.

ВОЛЬСЕЙ.

Tanta est egra te mentis integritas, regina serenissima...

То-есть:

Такъ истинно наше расположеніе къ вамъ, свѣтлѣйшая королева.

Тамъ же, сцена II.

СУФФОЛЬКЪ.

*Я убѣжденъ, что наше государство
Блаженный даръ получитъ отъ нея...*

Опять намекъ на дочь Анны Болленъ Елизавету.

Тамъ же.

СУФФОЛЬКЪ.

Нашъ государь воскликнулъ: «га!»

Обыкновенное восклицаніе Генриха VIII въ минуту гнѣва.

495

Тамъ же.

ВОЛЬСЕЙ.

Дочь всадника простого...

Слово *всадникъ* употреблено здѣсь Шекспиромъ въ смыслѣ “дворянина”.

Тамъ же.

СЕРРИ.

Пурпурный грѣхъ, твой духъ честолюбивый...

Намекъ на пурпурный цвѣтъ одежды, носимой кардиналами.

Тамъ же.

СЕРРИ.

*.....пусть онъ ловить насъ,
Какъ жаворонковъ, шляпой!*

Кардиналы носятъ красныя шляпы, а для ловли жаворонковъ въ Англіи употребляютъ маленькія зеркальца, прикрѣпленныя къ красному сукну.

Тамъ же.

СУФФОЛЬКЪ.

*.....подлежать
Вполнѣ должно закону праеипіе.*

Такъ называется повелѣніе, лишающее имущества и королевскаго покровительства.

Дѣйствіе IV, сцена I.

ТРЕТІЙ ДЖЕНТЛЬМЭНЪ.

Вручилъ ей скипетръ державный птицу мира.

Т.-е. серебряный жезлъ, съ изображеніемъ голубя наверху, служащаго символомъ мира.

Дѣйствіе V, сцена I.

ГАРДИНЕРЪ.

Да; съ Суффолькомъ играетъ онъ въ примеро.

Примеро – современная игра.

Тамъ же, сцена III.

ГАРДИНЕРЪ.

*Еще недавно наши
Германскіе сосѣди показали
Такой примѣръ печальный...*

Намекъ на смуты, произведенныя въ Саксоніи ученіемъ Оомы Мюнцера въ 1521 и 1522 годахъ.

Тамъ же.

КОРОЛЬ.

*Я думаю, что рады были бъ вы
Не тратиться на ложки...*

Намекъ на старинный обычай, по которому воспріемникъ долженъ былъ подарить своему крестнику одну или нѣсколько ложекъ съ изображеніемъ апостоловъ, почему онѣ и назывались апостольскими. Богатые обыкновенно дарили дюжину ложекъ, съ изображеніемъ всѣхъ двѣнадцати апостоловъ, а бѣдные ограничивались всего четырьмя, съ изображеніемъ четырехъ евангелистовъ, или даже одною, съ изображеніемъ того святого, имя котораго давалось новорожденному.

Тамъ же, сцена IV.

...Никакъ вы королевскій дворъ приняли за Парижскій садъ...

Садъ этотъ въ царствованіе Ричарда II принадлежалъ Роберту Парижскому, который имѣлъ тутъ свой домъ, вслѣдствіе чего и получилъ свое названіе. Здѣсь, въ Шекспирово время, бывали медвѣжьи травли.

Тамъ же.

Помощникъ. *Да вѣдь, я не Самсонъ, не сэръ Гугъ, не Кольбрандъ, чтобъ косить ихъ предъ собою...*

Гугъ Варвикъ и Кольбрандъ-Датчанинъ – герои рыцарскихъ романовъ среднихъ вѣковъ, прославленные силою и храбростью.